

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

~~865~~

50

Джэк Лондон

У

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

Закон Живни

(Аляскинскіе разказы)

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

СТТБ
1913

PS
3533
W84chR

865
А. Лондон

СОДЕРЖАНИЕ.

Законъ жизни	7
Колдунъ.	21
Хвастунъ.	43
Кишъ, сынъ Киша	71
Свѣтлокожая Ли-Ванъ.	91
Лига стариковъ.	121
Сунландеры.	149
Женское сердце.	185
Смерть Лигуна.	223
Лить-Лить.	239
Законъ сѣвера	259

12/16/58

стр. 10/1/58

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтении.

793092

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

SHANGHAI
21, ROUTE RAUL HENRY
PUBLIC LIBRARY
FIRST POPULAR

Старый Коскунъ жадно слушалъ. Хотя зрѣніе давно уже измѣнилось ему, но слухъ былъ еще тонокъ, и малѣйшій звукъ явственно проникалъ въ мерцающій разумъ, трепетавшій еще позади его сморщеннаго лба.

А! это Сить-Кумъ-То-Га рвѣкимъ голосомъ кричитъ на собакъ, надѣвая на нихъ упряжь. Сить-Кумъ-То-Га—дочь его дочери; но она теперь слишкомъ занята, чтобы подумать о своемъ дряхломъ дѣдѣ, сидящемъ одиноко на снѣгу, всеми забытомъ и безпомощномъ. Таборъ снимается съ мѣста. Ихъ ждетъ впереди длинная дорога, а короткій день отказывается ждать. Ее зоветъ жизнь и обязанности къ жизни, а не къ смерти. А онъ теперь близокъ къ смерти.

Мысль эта на мгновеніе вызвала въ немъ панической ужасъ, и онъ протянулъ нѣмѣющую руку, и сталъ дрожащими пальцами оцупывать небольшую кучку дровъ, лежавшихъ возлѣ него. Убѣдившись, что дрова дѣйствительно здѣсь, онъ спряталъ руку въ свою заскорузлую мѣховую одежду, и снова сталъ слушать.

Глухой, характерный шумъ полузамерзшихъ кожъ сказалъ ему, что теперь разбирали юрту на-

чальника, и складывали и ужимали олени шкуры, чтобы удобнѣе уложить ихъ на сани. Начальникъ былъ его собственный сынъ, сильный, храбрый предводитель своего племени и неутомимый охотникъ. Пока женщины трудились надъ укладываніемъ пожитковъ лагеря, онъ то-и-дѣло кричалъ на нихъ, бранилъ ихъ и торопилъ. Старый Коскушъ напрягъ свой слухъ: это онъ въ послѣдній разъ слышитъ голосъ своего сына. Затѣмъ убрали юрту Гигова, затѣмъ Тускэна. Семь, восемь, девять; еще могла остаться только юрта шамана. А, вотъ! Теперь они складываютъ и ее. Онъ слышалъ, какъ ворчалъ шаманъ, увязывая ее на сани. Послышался плачь ребенка, и женщина стала успокаивать его нѣжной, гортанной мелодіей. Это маленькій Ку-Ти, подумалъ старикъ, очень безпокойный ребенокъ и не очень крѣпкій. Онъ, вѣроятно, скоро умретъ и они выжгутъ дыру въ замерзшей тундрѣ и набросаютъ камней сверху нея, чтобы уберечь тѣло отъ росомахъ. Эхъ, не все-ли равно! Что ожидало бы его въ жизни? Въ лучшемъ случаѣ нѣсколько лѣтъ голоднаго существованія. И въ концѣ его—все-таки смерть, вѣчно голодная, голоднѣе ихъ всѣхъ...

Что это такое? А, это мужчины туго стягиваютъ ремни на саняхъ. Онъ съ особенной жадностью ловилъ эти послѣдніе звуки. Удары бичей, рычанье собакъ. Слышите, какъ онѣ воютъ! Какъ онѣ ненавидятъ работу и упряжь! Тронулись!.. Одиѣ за другими сани скрипѣли, шуршали по снѣгу и удалялись въ Безмолвіе. Уѣхали. Они ушли изъ его жизни, и онъ долженъ былъ встрѣтить послѣдній, горькій часъ въ полномъ одиночествѣ. Нѣтъ...

Снѣгъ захрустѣлъ подъ чьими-то мокасинами; передъ нимъ стоялъ человѣкъ; на его голову ласково легла чья-то рука. Какъ хорошо, что сынъ сдѣлалъ это! Онъ припомнилъ другихъ стариковъ, сыновья которыхъ не оставались позади племени. Но его сынъ остался. Онъ погрузился въ воспоминанія, пока голосъ молодого человѣка не вернулъ его къ дѣйствительности.

— Хорошо тебѣ?—спросилъ онъ.

И старикъ отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Около тебя дрова,—продолжалъ молодой,— и пламя будетъ горѣть ярко. Утро сѣро и морозъ спалъ. Скоро пойдетъ снѣгъ. Даже сейчасъ уже идетъ.

— Да, даже сейчасъ идетъ.

— Наши спѣшать. Ихъ грузъ тяжелъ, а животы подтянуты отъ недостатка пищи. Путь далекъ, и они ѣдутъ быстро. Я теперь иду. Все хорошо?

— Хорошо. Я, какъ послѣдній листъ на деревѣ, еле держусь на стеблѣ. Первое дыханіе вѣтра, и я упаду. Мой голосъ сталъ, какъ у старухи. Мои глаза не видятъ больше пути. И мои ноги тяжелы, и я усталъ. Все хорошо и правильно.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ удовольвленія и сидѣлъ такъ, пока послѣдній звукъ скрипящаго снѣга не замеръ вдали, и онъ зналъ, что его сынъ уже не услышитъ его зова. Тогда его рука снова поспѣшно нащупала дрова. Только эта кучка дровъ стояла теперь между нимъ и зівшей передъ нимъ вѣчностью. Наконецъ, мѣркою его жизни стала только охапка сучьевъ. Одинъ за другимъ они поцѣ-

ПОЖАЛѢЙСТА.

не перегибайте книгъ при чтеніи.

дуть въ пищу огню, и точно такъ же, шагъ за шагомъ, будетъ смерть подкрадываться къ нему. Когда послѣднее полѣно отдастъ ему свое тепло, морозъ начнетъ забирать его въ свою власть. Прежде всего сдадутся его ноги, затѣмъ руки; затѣмъ оцѣпенѣніе медленно распространится отъ его конечностей по всему тѣлу. Его голова упадетъ между колѣнъ, и онъ успокоится. Это не страшно. Всѣ люди должны умереть.

Онъ не жаловался. Это былъ законъ жизни, и законъ правильный. Онъ родился на землѣ, близко, вплотную къ землѣ прожилъ жизнь, и законъ жизни не былъ поэтому новостью для него. Это былъ законъ всякой плоти.

Природа сурова къ плоти. Она не считается съ той конкретной вещью, которая называется личностью. Ее интересуютъ только виды и расы. Это была самая глубокая абстракція, на которую былъ способенъ варварскій умъ Коскуша, но онъ вполне овладѣлъ ею. Онъ видѣлъ ее на примѣрахъ во всей окружающей жизни. Онъ наблюдалъ, какъ поднимались соки въ растеніи, какъ распускалась почка ивы, какъ падали желтые листья, и въ этомъ была ясна вся исторія. Но природа задала каждому индивидууму опредѣленную работу. Когда онъ не исполнялъ ее, онъ умиралъ. Но если онъ и исполнялъ ее, то онъ все равно умиралъ. Природу это не заботило; многіе были послушны, но въ этой области только послушаніе, а не тѣ, кто были послушны, жило и жило всегда. Племя Коскуша было очень древнее. Старики, которыхъ онъ зналъ, когда былъ мальчикомъ, знали другихъ стари-

ковъ, когда сами были дѣтьми. Поэтому было вѣрно, что племя жило, потому что всѣ его члены были послушны природѣ и находились въ послушаніи давно, давно, съ незапамятныхъ временъ, такъ что даже мѣсто упокоенія его первыхъ членовъ было неизвѣстно. Они не шли въ счетъ: они были только эпизодами. Они проходили, какъ проходятъ лѣтомъ облака по небу, — онъ тоже былъ эпизодомъ и долженъ былъ пройти и уйти. Природѣ было все равно. Жизни она задала одну задачу, дала одинъ законъ. Продолжать родъ было ея задачей, ея закономъ была смерть. Дѣвушка была прекраснымъ созданіемъ, на которое пріятно было смотрѣть: съ высокой грудью, съ упругой поступью и блескомъ въ глазахъ. Но ея задача еще лежала передъ нею. Блескъ въ ея глазахъ усиливался, ея поступь ускорялась, она была теперь то смѣла съ молодыми людьми, то робка, и заражала ихъ своимъ безпокойствомъ. И она становилась все прекраснѣе и прекраснѣе до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь охотникъ, не будучи въ силахъ больше сдерживаться, не бралъ ее въ свою юрту, чтобы она варила ему пищу и работала для него, и чтобы она стала матерью его дѣтей. И когда появлялись ея дѣти, то ея красота покидала ее. Ея ноги еле передвигались, ея глаза тускнѣли и гноились, и только маленькимъ дѣтямъ, сидя передъ костромъ, нравилось еще прижиматься къ сморщенной щекѣ старей женщины. Ея задача была выполнена. И, спустя нѣкоторое время, при первомъ появленіи голода, или при первомъ длинномъ путешествіи, ее оставляли, какъ оставили его теперь, въ снѣгу, съ небольшой кучкой дровъ. Таковъ законъ.

Онъ положилъ полѣно въ огонь и снова сталъ размышлять. Такъ было всюду, со всѣми животными тварями. Москиты исчезали съ первымъ морозомъ. Маленькія древесныя бѣлки сползали на землю и умирали. Когда годы отягощали кролика, то онъ становился неловкимъ, не могъ быстро бѣгать и уходить отъ своихъ враговъ. Даже большой «голомордый» медвѣдь дѣлался неуклюжимъ, слѣпымъ и сварливымъ, и, въ концѣ-концовъ, его застреливала кучка визжащихъ собакъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ зимою покинулъ своего собственного отца на верхнемъ Клондайкѣ, какъ разъ передъ тою зимою, когда пришелъ миссіонеръ съ своими разговорами и книжками и ящиками съ лѣкарствами. Много разъ Коскушъ облизывалъ губы при воспоминаніи объ этомъ ящикѣ, хотя сейчасъ его ротъ отказывался, по обыкновенію, наполняться слюною. Бутылка «болеутолителя» была особенно вкусна. Но миссіонеръ былъ въ концѣ-концовъ обузою, потому что онъ не приносилъ мяса въ лагерь, а ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и охотники ворчали на него. Но онъ простудилъ легкія на перевалѣ, и потомъ собаки стащили камни, покрывавшіе его тѣло, и долго дрались изъ-за его костей.

Коскушъ положилъ еще одинъ сукъ въ огонь и еще глубже погрузился въ воспоминанія. Ему вспомнилось время Великаго Голода, когда старики, скорчившись, сидѣли съ пустыми животами вокругъ огня и рассказывали старыя преданія о далекихъ временахъ, когда Юконъ, не замерзая, катилъ свои воды въ теченіе трехъ зимъ и затѣмъ оставался замерзшимъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Онъ

потерялъ свою мать во время этого голода. Лѣтомъ ловъ лососины былъ плохъ, и племя ждало зимы и прихода сѣвернаго оленя. Но пришла зима, а олень не пришелъ. Ничего подобнаго не случилось раньше, даже во времена стариковъ. Но олень не пришелъ, и это было уже на седьмой годъ, и кролики не плодились, и собаки превратились въ скелеты, обтянутые кожей. И въ теченіе долгаго мрака (зимы) дѣти плакали и умирали, а также и женщины и мужчины, и даже одинъ человекъ на десять не выжилъ, чтобы встрѣтить солнце, когда оно снова вернулось къ нимъ весною. Вотъ это былъ голодъ!

Но онъ видѣлъ и времена довольства, когда мясо портилось у него на рукахъ, и собаки были жирны и не могли работать отъ жира; времена, когда дичь уходила отъ нихъ цѣлой и невредимой, и женщины были плодовиты, и юрты были полны кричащихъ младенцевъ и мужского пола, и женскаго. Тогда мужчины становились толсто-брюхими, и оживали старыя ссоры, и люди переходили переваль и шли на югъ убивать воиновъ Пелли, и къ западу, чтобы сидѣть у костровъ убитыхъ ими въ битвѣ Танановъ. Онъ вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ, однажды, въ это время довольства, онъ увидѣлъ, какъ волки загрызли оленя. Зинъ-Ха лежалъ съ нимъ на снѣгу и наблюдалъ—тотъ Зинъ-Ха, который сталъ впоследствии самымъ ловкимъ охотникомъ и который, въ концѣ концовъ, упалъ въ прорубь на Юконѣ. Нашли его только мѣсяць спустя; онъ наполовину выплѣзъ изъ проруби и примерзъ ко льду. Такъ

ПОЖАЛУЙСТА

Не перегибайте книгъ при чтеніи.

вотъ, Зинъ-Ха и онъ вышли въ такой день поохотиться, по примѣру своихъ отцовъ. На рѣкѣ они наткнулись на слѣдъ оленя и вмѣстѣ съ тѣмъ на слѣды множества волковъ. «Это старый олень», сказалъ Зинъ-Ха, который лучше умѣлъ читать слѣды, «старый и отбилъ отъ стада. Волки отрѣзали его отъ его братьевъ и больше его не оставятъ». И такъ оно и было. Это была ихъ манера. Ночью и днемъ, никогда не отдыхая, рыча сзади него и щелкая зубами передъ его носомъ, они не оставляли его до самаго конца. Какъ Зинъ-Ха и онъ почувствовали, что кровь закипѣла въ ихъ жилахъ! Увидѣть конецъ борьбы было такимъ интереснымъ зрѣлищемъ!

Они бросились бѣжать по слѣдамъ, и даже теперь онъ, Коскушъ, почти слѣпой и неискусный ходокъ, могъ бы итти по этому слѣду, до того онъ былъ широкъ. Съ жаромъ спѣшили они по слѣдамъ преслѣдователей, читая на каждомъ шагу мрачную, свѣже-написанную трагедію. Вотъ они пришли къ тому мѣсту, гдѣ олень сдѣлалъ остановку. Снѣгъ въ длину тройного человѣческаго роста по всѣмъ направленіямъ былъ утопанъ и взрыхленъ. Посрединѣ этого пространства были глубокіе слѣды копытъ животнаго, а вокругъ всюду виднѣлись болѣе легкіе слѣды волковъ. Одинъ изъ нихъ, пока его братья старались убить свою добычу, легъ на бокъ и отдыхалъ. Отпечатокъ его тѣла въ снѣгу сохранился до того отчетливо, точно былъ сдѣланъ за моментъ передъ этимъ. Одинъ волкъ попался подъ ноги во время дикой схватки съ разсвирѣпѣвшей жертвой, и былъ за-

топанъ на-смерть. Нѣсколько хорошо обчищенныхъ костей свидѣтельствовали объ этомъ.

Они снова остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ олень сдѣлалъ вторую остановку. Здѣсь животное отчаянно защищалось. Дважды его валили на землю, и снѣгъ свидѣтельствовалъ объ этомъ, и дважды онъ сбрасывалъ своихъ преслѣдователей и бросался снова бѣжать. Онъ исполнилъ свою жизненную задачу задолго до этого, но, тѣмъ не менѣе, отъ этого жизнь не стала ему менѣе дорога. Зинъ-Ха сказалъ, что это странно, что олень, послѣ того, какъ его схватили, снова освободился; но этотъ такъ именно и сдѣлалъ. Шаманъ увидѣлъ въ этомъ важное знаменіе, когда они рассказали ему объ этомъ.

И они перешли въ другое мѣсто, гдѣ олень сдѣлалъ попытку подняться на крутой берегъ и убѣжать въ лѣсъ. Но его враги схватили его сзади, и онъ покатился назадъ, упалъ на своихъ преслѣдователей и задавилъ двухъ изъ нихъ, вдавивъ ихъ тѣла глубоко въ снѣгъ. Но было ясно, что смерть его была близка, потому что волки оставили этихъ двухъ нетронутыми. Затѣмъ слѣдовали еще двѣ остановки, быстро, одна за другой. Слѣдъ былъ теперь красный отъ крови, и широкій шагъ большого животного сталъ болѣе короткимъ и неровнымъ. Теперь они уже слышали первые звуки битвы—негромкій, но отрывистый, жадный лай, который говорилъ, что жертва близка, и зубы преслѣдователей готовы вонзиться въ ея тѣло. Зинъ-Ха поползъ на брюхѣ съ надвѣтренной сто-

роны, а за нимъ Коскушъ, который долженъ былъ стать со временемъ главою своего племени. Они раздвинули нижнія вѣтви молодой ели и стали смотрѣть. И они увидѣли конецъ борьбы.

Эта картина, какъ и вообще впечатлѣнія юности, ярко жила еще въ его памяти, и его помутнѣвшіе глаза видѣли ее такъ же живо, какъ и въ тѣ далекія времена. Коскушъ удивился этому, потому что въ послѣдующіе затѣмъ годы, когда онъ уже былъ предводителемъ своихъ соплеменниковъ и главою ихъ совѣта, онъ совершилъ много яркихъ, великихъ дѣлъ, и имя его стало проклятіемъ въ устахъ племени Пелли, не говоря уже о томъ, что онъ убилъ даже одного бѣлаго чловека, на котораго пошелъ съ ножомъ противъ ножа, въ открытый бой.

Долге онъ вспоминалъ о дняхъ своей юности; огонь почти погасъ и морозъ усилился. Онъ подожилъ теперь въ огонь сразу два полѣна и по оставшимся полѣнамъ сообразилъ, сколько ему еще осталось жить. Если бы Сить-Кумъ-То-Га подумала о своемъ дѣдѣ и собрала бы охапку побольше, то его жизнь продлилась бы дольше. Это было, вѣдь, такъ нетрудно для нея. Но она всегда была легкомысленной дѣвочкой, и перестала почитать своихъ предковъ съ тѣхъ поръ, какъ Боберъ, сынъ сына Зинъ-Ха, впервые бросилъ на нее взглядъ. Ну, такъ что же? Развѣ онъ не поступалъ точно такъ же во время своей короткой юности? Одну минуту онъ прислушивался къ тишинѣ. Можетъ быть, сердце его сына смягчится, и онъ вернется съ собаками и возьметъ своего стараго отца туда, гдѣ оленей много и они жирны, и куда направилось его племя?

Онъ нацрягъ свой слухъ, и его безпокойный мозгъ на мгновеніе замеръ. Но не было слышно ни малѣйшаго движенія, ничего. Онъ одинъ только дышаль среди великаго Безмолвія. Какъ жутко... Ахъ! Что это такое? Холодокъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Знакомый протяжный вой нарушилъ безмолвіе, и онъ раздался такъ близко... Его погасшимъ глазамъ предстало видѣніе предсмертной борьбы оленя, стараго оленя съ истерзанными, окровавленными боками, съ запутавшеюся гривой и большими вѣтвистыми рогами. Онъ видѣлъ проворныя, сѣрыя фигурки, сверкающіе глаза, высунутые языки, оскаленные клыки. И онъ видѣлъ, какъ неумолимый кругъ безжалостно, все тѣснѣе и тѣснѣе, сжимается вокругъ него, пока онъ не становится однимъ слившимся чернымъ пятномъ на утоптанномъ снѣгу...

Холодная морда прикоснулась къ его щекѣ, и отъ этого прикосновенія его душа снова вернулась къ настоящему. Его рука потянулась къ костру, и онъ вытащилъ горящее полѣно. Побѣжденные своей наслѣдственной боязнью человѣка, звѣри съ протяжнымъ, призывнымъ воемъ отступили, и вскорѣ образовался большой кругъ изъ сѣрыхъ, щелкающихъ зубами фигуръ. Старикъ слушаль, какъ постепенно росло ихъ число. Онъ отчаянно замахаль вокругъ себя горящимъ полѣномъ, и изъ круга послышалось глухое рычаніе; но испуганные звѣри не хотѣли расходиться. Вотъ одинъ приблизился на шагъ, затѣмъ другой, третій; но ни одинъ изъ нихъ больше не отступаль. Зачѣмъ цѣпляться за жизнь? спросилъ онъ себя и бросилъ полѣно въ снѣгъ.

Оно зашипѣло и потухло. Кругъ бездокойно затоптался на мѣстѣ, но не отступилъ. Онъ снова увидѣлъ послѣднюю борьбу стараго оленя, затѣмъ опустилъ усталую голову на колѣни. Въ концѣ концовъ, не все-ли равно? Развѣ это не законъ жизни?

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книгу при чтении.

КОЛДУНЪ.

Колдунъ.

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте языкъ при чтеніи.

Деревня была недовольна. Женщины, собравшись въ кучу, волновались и о чемъ-то кричали высокими, рѣзкими голосами. Мужчины мрачно и подозрительно глядѣли другъ на друга, и даже собаки бродили вокругъ съ недовѣрчивымъ видомъ, смутно сознавая, что въ деревнѣ неспокойно, и готовы броситься въ лѣсъ, какъ только разразится всеобщее недовольство. Воздухъ былъ полонъ подозрѣніемъ. Ни одинъ мужчина не былъ увѣренъ въ своемъ сосѣдѣ, и каждый сознавалъ, что сосѣди его съ такой же недовѣрчивостью смотрятъ на него. Даже дѣти были подавлены и находились въ печальномъ настроеніи, а маленькій Ди-Я, причина всего этого, былъ звонко отшлепанъ сначала Гунией, своей матерью, затѣмъ своимъ отцомъ Бауномъ, и теперь хныкалъ, пессимистически выглядывая на свѣтъ изъ-подъ большой опрокинутой лодки на берегу моря.

Хуже всего было то, что Скунду, шаманъ, былъ въ это время въ немилости, и, такимъ образомъ, его всѣмъ извѣстное искусство не могло быть призвано на помощь для отысканія виновнаго. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсяць тому назадъ онъ обѣщалъ племени, что подуетъ попутный южный вѣтеръ, и можно будетъ отправиться на *потлачъ* въ Тонкинъ,

гдѣ Таку Джимъ собирался спустить всё сбереженія, накопленныя имъ за двадцать лѣтъ. Но когда наступилъ назначенный день, то, о, ужасъ! дулъ страшный сѣверный вѣтеръ, и изъ трехъ первыхъ лодокъ, рискнувшихъ выйти въ море, одна была затоплена волнами, а двѣ другія были выброшены на камни и разбились на мелкія щепы, при чемъ утонулъ ребенокъ. Онъ дернулъ за шнурокъ не того мѣшка, что надо было, объяснялъ шаманъ;— что подѣлаешь, ошибся... Но его уже не хотѣли слушать; приношенія изъ мяса, рыбы и мѣховъ передъ его дверью прекратились, и онъ, надувшись, сидѣлъ у себя въ хижинѣ и постился для покаянія,—такъ они думали. На самомъ же дѣлѣ онъ сидѣлъ и ѣлъ въ свое полное удовольствіе изъ своего хорошо скрытаго запаса, размышляя о непостоянствѣ толпы.

У Гуниі пропали одѣяла. Это были очень хорошія одѣяла, необыкновенно толстыя и теплыя, и она особенно цѣнила ихъ еще потому, что они достались ей очень дешево. Ти-Кванъ изъ сосѣдней деревни былъ дуракъ, что такъ легко разстался съ ними. Но она не знала, что это были одѣяла убитаго англичанина, изъ-за безслѣднаго исчезновенія котораго канонерка Соединенныхъ Штатовъ одно время шмыгала взадъ и впередъ вдоль берега въ то время, какъ паровые катера шныряли и сердито фыркали во всѣхъ укромныхъ бухтахъ и проливахъ; и не знала, что Ти-Кванъ поспѣшилъ разстаться съ ними, чтобы его народу не пришлось отвѣчать передъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. И такъ какъ всѣ женщины завидовали

ей, то ея гордость становилась все безграничнѣй и безконечнѣй, ея наполнилась вся деревня, и она перелилась даже за ея предѣлы по всему Аляскинскому берегу, отъ Голландскаго залива до залива Св. Маріи. Благодаря необыкновенной толщинѣ и теплотѣ этихъ одѣяль, ея тотемъ (идолъ) и ея имя стало извѣстно всемъ, кто ловилъ рыбу или пировалъ на этомъ берегу. И вотъ эти самыя одѣяла пропали, и пропали самымъ загадочнымъ образомъ!

— Я только что повѣсила ихъ на солнце у стѣны дома,—въ сотый разъ рассказывала Гунія своимъ соплеменницамъ. — Я только что развѣсила ихъ и повернулась, потому что Ди-Я, этотъ врагъ тѣста и пожиратель сырой муки, всунулъ свою голову въ большой желѣзный котелъ и упалъ въ него, и ноги его болтались, какъ вѣтки дерева въ лѣсу, колеблемыя вѣтромъ. И я только вытащила его изъ котла и дважды стукнула его голову объ дверь, чтобы онъ лучше понялъ, что этого нельзя дѣлать, и вотъ, гляжу, а одѣяль уже нѣтъ...

— Одѣяль уже нѣтъ! — повторили шопотомъ пораженныя женщины.

— Это—великая потеря,—прибавила одна.

— Никогда не было такихъ одѣяль,—сказала другая; а третья прибавила:—Мы очень сожалѣемъ, Гунія, о твоей потерѣ.—Но каждая изъ этихъ женщинъ въ сердцѣ радовалась, что ненавистныя, вносившія раздоръ, одѣяла пропали.

— Я только повѣсила ихъ на солнце...—начала Гунія въ тысячу первый разъ.

— Да, да,—заговорилъ Баунъ, которому все это до смерти надоѣло.—Но такъ какъ въ деревнѣ не

было никого изъ другихъ деревень, то ясно, что кто-нибудь изъ нашего же племени наложилъ свою преступную руку на одѣяла.

— Какъ это можетъ быть, о, Баунъ?—хоромъ, въ негодованіи, спросили женщины.—Кто это могъ сдѣлать?

— Иначе это было бы колдовствомъ,—продолжалъ Баунъ довольно твердо, но все-таки бросилъ недовѣрчивый взглядъ на ихъ лица.

— Колдовствомъ!—И страшное слово заставило ихъ понизить голосъ и со страхомъ взглянуть другъ на друга.

— Да!—подтвердила Гунія съ внезапно вспыхнувшей злостью, которая, хотя и была присуща ея натурѣ, но обыкновенно только тлѣла въ ней.

— И уже послали лучшихъ гребцовъ за Клокъ-Но-Тономъ. Онъ, навѣрное, будетъ здѣсь съ полуденнымъ приливомъ.

Небольшая группа женщинъ разсѣялась и всю деревню обуялъ страхъ. Изъ всѣхъ несчастій колдовство было самымъ ужаснымъ. Съ невидимымъ и неосязаемымъ могли вѣдаться только шаманы, и ни одинъ мужчина, женщина или ребенокъ не могли знать, до самаго момента испытанія, владѣеть-ли дьяволъ ихъ душой, или нѣтъ. И изъ всѣхъ шамановъ Клокъ-Но-Тонъ, который жилъ въ сосѣдней деревнѣ, былъ самый страшный. Никто не находилъ больше злыхъ духовъ, чѣмъ онъ; никто не подвергалъ свои жертвы болѣе ужаснымъ мученіямъ, чѣмъ онъ. Однажды онъ даже нашелъ дьявола въ тѣлѣ трехмѣсячнаго ребенка—страшно упорнаго дьявола, котораго удалось выгнать только

послѣ того, какъ оставили ребенка на недѣлю на шипахъ терновника. Тѣло его затѣмъ было выброшено въ море, но волны снова и снова прибивали его къ берегу, точно проклятiе висѣло надъ деревней, и его, наконецъ, унесло море, только тогда, когда два рыбака, изъ лучшихъ, отважились пойти въ море во время отлива и утонули.

И Гуниа послала за этимъ Клокъ-Но-Тономъ. Лучше было бы, если бы Скунду, ихъ собственный шаманъ, не былъ въ немилости. Потому что у него были болѣе мягкія средства, и онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что однажды изгналъ двухъ дьяволовъ изъ человѣка, у котораго послѣ этого родилось семь здоровыхъ дѣтей. Но Клокъ-Но-Тонъ!..

И при мысли о немъ всѣ содрогались отъ страшныхъ предчувствій; каждый чувствовалъ себя центромъ, на который были устремлены подозрительные взоры другихъ, и самъ бросалъ такіе же обвиняющіе взоры на своихъ соплеменниковъ; каждый подозрѣвалъ всѣхъ и всѣхъ, кромѣ Сайма, ибо Саймъ былъ насмѣшникъ и зубоскаль, и онъ когда-нибудь плохо кончитъ,—въ этомъ всѣ были глубоко убѣждены, и это убѣжденіе не могли поколебать никакіе его успѣхи.

— Хо! Хо!—смѣялся онъ.—Дьяволы и Клокъ-Но-Тонъ! Хуже него трудно найти дьявола въ странѣ Тинклетовъ.

— Ты дуракъ! Какъ разъ теперь онъ идетъ сюда съ своимъ колдовствомъ и заклинаніями, такъ что придержи лучше свой языкъ, а то зло падетъ на тебя, и будутъ коротки дни твои на землѣ!

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте языкъ при чтеніи.

Такъ говорилъ Лахъ-Лахъ, по прозвищу Мошенникъ; но Саймъ презрительно разсмѣялся.

— Я—Саймъ, не привыкшій бояться и не боящійся мрака. Я—сильный человѣкъ, какимъ былъ и мой отецъ, и моя голова ясна. Ни вы, ни я никогда не видѣли собственными глазами невидимыхъ злыхъ духовъ...

— Но Скунду видѣлъ,—отвѣтилъ Лахъ-Лахъ.—А также и Клокъ-Но-Тонъ. Это мы все знаемъ.

— Откуда ты это знаешь, сынъ глупца?—закричалъ Саймъ, и жилы на его толстой шеѣ налились кровью.

— Знаю потому, что они сами это сказали,—вотъ откуда я знаю!

Саймъ фыркнулъ.

— Шаманъ—только человѣкъ. Развѣ его слова не могутъ быть ложны, какъ твои и мои? Ха! Ха! Плевать мнѣ на твоихъ шамановъ и на дьяволовъ твоихъ шамановъ! Плевать и плевать!

И Саймъ, нагло вскинувъ голову, прошелъ среди зрителей, которые со страхомъ разступились передъ нимъ.

— Хорошій рыбакъ и сильный охотникъ, но дурной человѣкъ,—сказалъ одинъ.

— А все же онъ процвѣтаетъ,—задумчиво проговорилъ другой.

— А поэтому будь и самъ дурнымъ и процвѣтай,—сказалъ Саймъ за его плечомъ.—И если бы все были дурными, то не нужно было бы и шамановъ. Ба! Вы все, какъ дѣти, боитесь мрака!

И когда съ послѣобѣденнымъ приливомъ пріѣхалъ Клокъ-Но-Тонъ, то презрительный смѣхъ

Сайма не умолкнулъ; не могъ онъ также воздержаться отъ шутки, когда шаманъ вышелъ изъ лѣдки на песчаный берегъ.

Клокъ-Но-Тонъ съ кислой миной посмотрѣлъ на него и, не здороваясь ни съ кѣмъ, гордо направился прямо къ дому Скунду.

Что говорилось между нимъ и Скунду—никто изъ жителей деревни не зналъ, потому что, пока шаманы переговаривались, все держались на почетительномъ разстояннн отъ дома, едва осмѣливаясь шопотомъ передавать другъ другу свои впечатлѣннн.

— Привѣтъ, о Скунду!—проговорилъ Клокъ-Но-Тонъ, замѣтно дрожа отъ неувѣренности въ томъ, какъ его примутъ.

Онъ былъ гигантскаго роста и возвышался, какъ массивная башня, надъ маленькимъ Скунду, тонкій голосокъ котораго былъ похожъ на слабый, далекий трескъ кузнечика.

— Привѣтъ, Клокъ-Но-Тонъ!—отвѣтилъ онъ.— День прекрасенъ, это для тебя хорошее предзнаменованнн.

— Но кажется...—сказалъ Клокъ въ нерѣшительности.

— Да, да,—нетерпѣливо отвѣтилъ маленькій шаманъ;—для меня настали плохнн дни, иначе я не сталъ бы благодарить за то, что ты пришелъ исполнять мою работу.

— Мнѣ жаль, другъ Скунду...

— Нѣтъ, я радъ, Клокъ-Но-Тонъ.

— Но я тебѣ дамъ половину того, что будетъ дано мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый Клокъ-Но-Тонъ,— прошепталъ Скунду, отрицательно помахавъ рукою.— Это я—твой рабъ, и мои дни будутъ наполнены желаніемъ оказать и тебѣ услугу.

— Какъ я...

— Какъ ты оказываешь теперь мнѣ услугу.

— Разъ это такъ, то скажи—очень-ли трудное дѣло эта исторія съ одѣялами Гуніи?

Большой шаманъ пробормоталъ это неувѣреннымъ голосомъ, желая вывѣдать у него что-нибудь; но Скунду только иронически улыбнулся, ибо онъ привыкъ читать въ сердцахъ людей, и все люди казались ему жалкими и маленькими.

— Имѣлъ ли ты когда-нибудь дѣло съ сильными средствами?—спросилъ онъ.—Если да, то, безъ всякаго сомнѣнія, виновный будетъ тебѣ скоро извѣстенъ.

— Да, скоро будетъ извѣстенъ, какъ только я устремлю на него свой взоръ.—Опять Клокъ-Но-Тонъ запнулся.—Были ли здѣсь какіе-нибудь люди изъ другихъ мѣстъ?—спросилъ онъ.

Скунду отрицательно покачалъ головою.

— Смотри! Развѣ это не превосходный мокасина?

Онъ показалъ ему обувь изъ кожи оленя съ подкладкою изъ моржоваго мѣха, и его гость сталъ разглядывать ее съ тайнымъ интересомъ.

— Это мнѣ досталось случайно и совсѣмъ недавно.—Клокъ-Но-Тонъ поощрительно кивнулъ головою.—Я получилъ это отъ одного человѣка, по имени Лахъ-Лахъ. Онъ—замѣчательный человѣкъ, и я часто думалъ...

— Да?—нетерпѣливо прервалъ его Клокъ-Но-Тонъ.

— Часто думалъ...—Скунду остановился, и его голосъ совсѣмъ упалъ.—Сегодня очень хорошій день, и твое средство будетъ дѣйствительно, Клокъ-Но-Тонъ.

Лицо Клокъ-Но-Тона прояснилось.

— Ты великій человѣкъ, Скунду; ты шаманъ изъ шамановъ! Я иду теперь. Я всегда буду тебя помнить. И Лахъ-Лахъ, ты говоришь, замѣчательный человѣкъ?

Скунду улыбнулся еще болѣе блѣдной улыбкой, заперъ дверь за своимъ посѣтителемъ, какъ только тотъ переступилъ его порогъ, и забаррикадировалъ ее.

Саймъ починалъ свою лодку, и когда Клокъ-Но-Тонъ пришелъ на берегъ, онъ прервалъ свою работу только для того, чтобы нарочно, на виду у всѣхъ, зарядить свое ружье и положить его возлѣ себя.

Шаманъ увидѣлъ это и закричалъ:

— Пусть всѣ соберутся на это мѣсто! Это приказаніе Клокъ-Но-Тона, искателя дьяволовъ и изгонителя бѣсовъ!

Онъ хотѣлъ-было собрать народъ въ домъ Гуни, но необходимо было, чтобы присутствовали всѣ, а онъ сомнѣвался въ послушаніи Сайма и не хотѣлъ, чтобы вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Саймъ—хорошій человѣкъ, если только его не трогать, думалъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ быть опаснымъ для здоровья шамана.

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книгъ при чтеніи.

— Пусть приведутъ женщину Гунию,—приказалъ Клокъ-Но-Тонъ, свирѣпо взглянувъ на стоящихъ вокругъ, и холодокъ прошелъ по спинѣ у тѣхъ, кто встрѣтился съ его взглядомъ.

Гунія выступила впередъ, опутивъ голову и глядя въ сторону.

— Гдѣ твои одѣяла?

— Я только что повѣсила ихъ на солнце, какъ они пропали!—пробормотала она.

— Ну?

— Это было по винѣ Ди-Я.

— Ну?

— Его я больно побила и еще побью, потому что это онъ принесъ бѣду на насъ, бѣдныхъ людей.

— Одѣяла!—зарычалъ хрипло Клокъ-Но-Тонъ, понявъ, что она желаетъ спустить плату за его услуги.—Это были большія и теплыя одѣяла, женщина! Твое богатство всѣмъ извѣстно.

— Я только повѣсила ихъ на солнце,—захныкала она,—и мы бѣдные люди, у насъ ничего нѣтъ...

Онъ вдругъ застылъ съ страшной гримасой на лицѣ, и Гунія отскочила назадъ. Но онъ такъ быстро прыгнулъ впередъ, вращая глазами и широко раскрывъ ротъ, что она споткнулась и покати-лась ему подъ-ноги. Онъ началъ махать руками, бѣшено разсѣкая ими воздухъ, и его тѣло стало мучительно извиваться и корчиться. Казалось, съ нимъ сдѣлался припадокъ эпилепсіи. Бѣлая пѣна показалась у него на губахъ, и все тѣло его конвульсивно вздрагивало.

Женщины начали свое заунывное пѣніе, качаясь словно въ забытѣи взадъ и впередъ, и одинъ

за другимъ мужчины тоже поддавались вліянію возбужденія, за исключеніемъ одного только Сайма. Онъ, сидя на своей лодкѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на все происходящее; но предки, сѣмя которыхъ онъ носилъ въ себѣ, оказывали на него большое давленіе, и онъ долженъ былъ вспомнить всѣ самыя страшныя свои ругательства, чтобы поддержать мужество въ своей душѣ. Клокъ-Но-Тонъ былъ страшенъ. Онъ сбросилъ съ себя свое одѣяло и разорвалъ свои одежды, такъ что остался совершенно обнаженнымъ, за исключеніемъ пояса изъ орлиныхъ когтей вокругъ бедеръ. Онъ съ дикимъ воемъ носился по кругу, потряхивая своими длинными, развѣвающимися, черными волосами. Въ его бѣшеныхъ движеніяхъ былъ какой-то грубый ритмъ, и, когда всѣ заразились его возбужденіемъ и стали качаться въ ритмъ съ его движеніями и испускать крики въ униссонъ съ его криками, онъ вдругъ сѣлъ на песокъ, вытянувъ вверхъ руку и указательный палецъ, похожій на коготь птицы. Тихій стонъ, похожій на стонъ умирающаго, встрѣтилъ это его движеніе, и присутствующіе, дрожа, присѣдали на корточки, по мѣрѣ того, какъ ужасный палецъ медленно обводилъ ихъ. Ибо съ этимъ пальцемъ шла смерть, и жизнь оставалась лишь съ тѣми, кого уже миновалъ палецъ.

Наконецъ, съ страшнымъ крикомъ, роковой палецъ остановился на Лахъ-Лахъ. Онъ задрожалъ, какъ осиновый листъ, увидѣвъ себя уже мертвымъ, свое хозяйство раздѣленнымъ и свою вдову—замужемъ за его братомъ. Онъ попытался говорить, отрицать свою вину, но его языкъ прилипъ къ гор-

тани и горло было сухо, точно въ него насыпали песку. Клокъ-Но-Тонъ, казалось, теперь, когда его работа была окончена, почти лишился чувствъ; но онъ ждалъ съ закрытыми глазами, чтобы поднялся великій крикъ крови, знакомый его уху по тысячѣ заклинаній, когда его соплеменники бросались, какъ волки, на указанную имъ дрожащую жертву. Но только теперь всё молчали, загѣмъ послышался сдержанный смѣхъ, который все росъ и росъ, пока не перешелъ въ оглушительный хохоть.

— Что это значить?—вскричалъ онъ.

— Ха! Ха!—смѣялся народъ.—Твое заклинаніе было плохое, о, Клокъ-Но-Тонъ!

— Да будетъ извѣстно всёму,—проговорилъ, заикаясь, Лахъ-Лахъ,—что восемь томительныхъ мѣсяцевъ я провелъ далеко отсюда съ сивапскими моряками и только въ нынѣшній день я вернулся сюда и узналъ, что одѣяла Гуніи пропали прежде, чѣмъ я вернулся.

— Это вѣрно!—закричали всё сразу.—Одѣяла Гуніи пропали прежде, чѣмъ онъ возвратился!

— И тебѣ ничего не заплатятъ за твое заклинаніе, отъ котораго нѣтъ пользы,—объявила Гунія, которая была теперь снова на ногахъ и которой создавшееся смѣшное положеніе возвратило всю ея рѣзкость.

Но Клокъ-Но-Тонъ видѣлъ только лицо Скунду и его блѣдную, ироническую усмѣшку, и слышалъ только слабый трескъ кузнечика. «Я получилъ ихъ отъ Лахъ-Лаха и я часто думалъ... это хорошій день, и это для тебя хорошее предзнаменованіе».

Онъ оттолкнулъ отъ себя Гунію, и кругъ инстинктивно раздвинулся и далъ ему дорогу. Саймъ глумился надъ нимъ, сидя на своей лодкѣ, женщины смѣялись ему прямо въ лицо, крики возмущенія все росли и росли, но онъ не обращалъ ни на что вниманія и спѣшилъ къ дому Скунду. Подойдя къ его двери, онъ началъ стучать и бить по ней кулаками и выкрикивать всевозможныя проклятія. Но оттуда не было никакого отвѣта, только сквозь дверь слышался мѣрный голосъ Скунду, произносившій заклинанія. Клокъ-Но-Тонъ пришелъ въ неистовую ярость, но, когда онъ сдѣлалъ попытку разбить дверь огромнымъ камнемъ, то въ толпѣ послышался ропотъ. И онъ, Клокъ-Но-Тонъ, зналъ, что онъ стоялъ здѣсь безъ обычной своей силы и авторитета передъ враждебнымъ ему народомъ. Онъ увидѣлъ, что одинъ уже нагнулся и поднялъ камень, потомъ другой... и его охватилъ страхъ.

— Не дѣлай зла Скунду, ибо онъ здѣсь хозяинъ!—закричала ему одна женщина.

— Ты, лучше, иди обратно въ свою деревню,—угрожающе посовѣтовалъ ему одинъ изъ охотниковъ.

Клокъ-Но-Тонъ повернулся и пошелъ среди нихъ къ берегу, съ безсиьной яростью въ сердцѣ, но думая о своей незащищенной спинѣ. Однако, въ него не было брошено ни одного камня. Дѣти насмѣшливо вертѣлись у него подъ ногами и воздухъ звенѣлъ отъ смѣха и насмѣшекъ, но это было все. Но онъ только тогда вздохнулъ спокойно, когда лодка была уже въ морѣ; тогда онъ всталъ и послалъ ненужное проклятье деревнѣ и ея оби-

тателямъ, не забывъ особо почитать Скунду, который такъ жестоко насмѣялся надъ нимъ.

А на берегу все кричали и звали Скунду; все населеніе толпилось у его дверей, умоляя и упрашивая его выйти; и онъ, наконецъ, вышелъ и поднялъ руку.

— Охотно, дѣти, прощаю васъ за это,—сказалъ онъ,—но никогда больше не прощу. Въ послѣдній разъ ваша глупость остается безнаказанной. То, что вы желаете, будетъ вамъ дано, и оно уже мнѣ извѣстно. Въ эту ночь, когда мѣсяцъ уйдетъ изъ этого міра, чтобы пойти освѣщать страну мертвецовъ, пусть весь народъ соберется въ темнотѣ передъ домомъ Гуніи. Тогда виновный выступитъ впередъ и получить то, что онъ заслужилъ. Я сказалъ.

— Наказаніемъ должна быть смерть!—вскричалъ Баунъ,—за все то горе и срамъ, что онъ намъ принесъ.

— Да будетъ такъ!—отвѣтилъ Скунду и закрылъ дверь.

— Теперь все должно стать ясно и просто, и у насъ снова будетъ миръ и спокойствіе,—провозгласилъ Лахъ-Лахъ, какъ оракуль.

— И все благодаря Скунду, маленькому человѣчку,—насмѣшливо произнесъ Саймъ.

— Благодаря заклинанію Скунду, маленькаго человѣчка,—поправилъ Лахъ-Лахъ.

— Какія глупыя дѣти это племя Тлинкетъ!—Саймъ ударилъ себя по бедру кулакомъ.—Просто непонятно, какъ это взрослые женщины и сильные мужчины вѣрятъ въ бредъ и сказки.

— Я много путешествовалъ,—отвѣтилъ Лахъ Лахъ.—Я ѣздилъ по глубокимъ морямъ и видѣлъ знаменія и чудеса, и я знаю, что такія вещи бываютъ. Я, Лахъ-Лахъ...

— Мошенникъ...

— Такъ меня называютъ; но истинное мое имя Далекій Путешественникъ.

— Я не такой ужъ великій путешественникъ... —началь Саймъ.

— Тогда придержи свой языкъ,—оборвалъ его Баунъ, и они разстались врагами.

Когда послѣдній серебряный лучъ луны исчезъ изъ міра, Скунду пришелъ къ народу, который собрался вокругъ дома Гуніи. Онъ шелъ скорымъ, легкимъ шагомъ, и тѣ, которые увидѣли его при свѣтѣ жировой лампы Гуніи, замѣтили, что онъ пришелъ съ пустыми руками, что у него не было ни трещетокъ, ни масокъ, этихъ неотъемлемыхъ принадлежностей шамана, и что только подъ мышкой онъ держалъ большого, соннаго ворона.

— Есть ли дрова для костра, чтобы все могли видѣть, когда дѣло будетъ сдѣлано?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Баунъ.—Дровъ достаточно.

— Тогда слушайте все, потому что словъ моихъ будетъ немного. Я принесъ съ собою Велха, Ворона, отгадчика тайнъ и провидца будущаго. Его, Чернаго, я долженъ накрыть большимъ чернымъ горшкомъ Гуніи и поставить его въ самый темный уголъ дома. Жировая лампа должна перестать горѣть и все должны остаться на дворѣ въ темнотѣ. Это очень просто. Одинъ за другимъ вы должны

ПОЖАЛУЙТЕ СЯ.

Не перегибайте языкъ при чтеніи.

входить въ домъ и класть руку на горшокъ, въ теченіе одного долгаго вдыханія, и затѣмъ выйти обратно. Несомнѣнно, что Велхъ испуститъ крикъ, когда рука сдѣлавшаго зло будетъ возлѣ него. Или кто знаетъ, можетъ-быть онъ выкажетъ свою мудрость какъ-нибудь иначе. Вы готовы?

— Мы готовы,—раздался дружный отвѣтъ.

— Тогда я буду выкликать всѣхъ по-очереди до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ вызваны.

Первымъ былъ вызванъ Лахъ-Лахъ, и онъ тотчасъ же прошелъ въ домъ. Всѣ насторожили уши и въ наступившей тишинѣ могли слышать его шаги по скрипящему полу. Но это было все. Велхъ не испустилъ крика и не подалъ никакого знака. Слѣдующимъ былъ вызванъ Баунъ, потому что могло случиться, что человекъ могъ украсть свои собственные одѣяла, чтобы покрыть позоромъ своего сосѣда. Затѣмъ послѣдовала Гунія и другія женщины и дѣти, но все безрезультатно.

— Саймъ!—вызвалъ Скунду.

— Саймъ!—повторилъ онъ.

Но Саймъ не двигался.

— Ты, что, испугался темноты?— смѣло спросилъ Лахъ-Лахъ, такъ какъ его честность была теперь установлена.

Саймъ засмѣялся.

— Я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ, потому что это большая глупость. Но все же я пойду; не потому, что я вѣрю въ чудеса, но въ доказательство того, что я не боюсь.

И онъ смѣло вошелъ въ домъ и вышелъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Когда-нибудь ты умрешь съ большою внезапностью, — прошепталь Лахъ-Лахъ съ искреннимъ негодованіемъ.

— Я не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ сухо насмѣшникъ. — Изъ-за шамановъ и моря только немногіе изъ насъ умирають въ постеляхъ.

Когда половина жителей деревни съ честью вышла изъ испытанія, то возбужденіе, не находя себѣ выхода, приняло почти болѣзненный характеръ. Когда двѣ трети прошли черезъ испытаніе, то молодая жинщина, которая скоро должна была родить своего перваго ребенка, вдругъ разразилась истерическими криками и ея ужасъ вылился въ безумномъ смѣхѣ.

Наконецъ, очередь пришла за послѣднимъ челоувѣкомъ, и ничего не случилось. И Ди-Я былъ самый послѣдній изъ всѣхъ, значить, навѣрное, укралъ онъ. Гунія посылала жалобы къ звѣздамъ, а остальные отодвинулись отъ обреченнаго мальчика. Онъ почти оглохъ отъ страха, и ноги у него подкашивались, такъ что онъ покачнулся и почти упалъ на порогъ. Скунду втолкнулъ его въ домъ и затворилъ за нимъ дверь. Прошло много времени, при чемъ слышны были только всхлипыванья мальчика. Затѣмъ, донеслись звуки его шаговъ въ дальнемъ углу, очень медленные, затѣмъ пауза и снова шаги, приближающіеся. Дверь открылась, и онъ вышелъ. Ничего не случилось, и онъ былъ послѣднимъ.

— Зажгите огонь, — приказаль Скунду.

Яркое пламя вспыхнуло и освѣтило лица, на

которыхъ уже исчезалъ страхъ, но оставалось сомнѣніе.

— Конечно, опять не удалось!—прошептала хрипло Гунія.

— Да,—отвѣтилъ сочувственно Баунъ.—Скунду становится старъ и намъ пора найти новаго шамана.

— Гдѣ же мудрость Велха?—смѣялся Саймъ на ухо Лахъ-Лаху.

Лахъ-Лахъ, озадаченный, провелъ рукою по лбу и ничего не сказалъ.

Саймъ выставилъ надменно грудь и закричалъ маленькому шаману:

— Го! Го! Какъ я и говорилъ, ничего не вышло.

— Это такъ кажется, это такъ кажется,—отвѣтилъ Скунду кротко.—Это кажется страннымъ тѣмъ, кто не искусенъ въ тайныхъ дѣлахъ.

— Какъ ты?—дерзко спросилъ Саймъ.

— Можетъ быть, даже, какъ я.—Скунду говорилъ мягко, и его вѣки опускались, медленно, медленно опускались, пока глаза его совершенно закрылись.—Я придумалъ другое испытаніе. Пусть каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенокъ сейчасъ, всѣ сразу, поднимутъ свои руки высоко надъ головою!

Приказаніе было такъ неожиданно и отдано такимъ повелительнымъ тономъ, что ему повиновались безъ всякихъ разсужденій. Всѣ подняли руки вверхъ.

— Пусть каждый посмотритъ на руки другихъ

и пусть всё глядят сразу,—скомандовалъ Скунду,—такъ, чтобы...

Но тутъ послышался смѣхъ, въ которомъ, однако, чувствовался глухой гнѣвъ. Всѣ взоры остановились на Саймѣ. Всѣ руки были черны отъ сажи, но его рука была чиста, ибо къ ней не прикоснулась сажа отъ горшка Гуніи.

Камень разсѣкъ воздухъ и попалъ ему прямо въ щеку.

— Это ложь!—кричалъ онъ.—Это ложь! Чего не знаю объ одѣялахъ Гуніи!

Второй камень разсѣкъ ему щеку, свистѣлъ мимо его головы; послышался великій крикъ крови, и онъ началъ собирать камни. Онъ началъ скакаться на земли.

— Это была шутка!—кричалъ онъ.—Я взялъ...

— Куда ты...
пронзительны
завшій беспор...

— Въ мое
къ, который в
вѣтъ.—Но это

Скунду ки
замелькали ка
кнувшись гол
мальчикъ съ
вмѣстѣ съ...

Гуніи
одѣяламъ

— Мъ

она жалобно.—Такъ что не будь жестоко съ нами, о Скунду!

Въ это время всё остальные перестали кидать камни, которыхъ они навалили уже большую кучу, и смотрѣли съ любопытствомъ на новую сцену.

— Нѣтъ, я никогда не поступалъ жестоко, Гу-
нія,—сказалъ Скунду, беря одѣяла.—И, въ доказа-
тельство этого, я вотъ только ихъ и возьму. Раз-
вѣ я не мудръ, дѣти мои?

— Ты дѣйствительно мудръ, о Скунду!— от-
вѣтили всё въ одинъ голосъ.

И онъ ушелъ въ темноту, закутавшись въ одѣя-
ла, и заснулъ подъ мышку Велха, сонно кива-

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

Х В А С Т У Н Ъ .

ХВАСТУНЪ.

ПОСЛѢДСТВА

не перегибайте книг при чтеніи.

— Кажется, бидарка? Смотрите! Бидарка! И кто это такъ неловко гребетъ весломъ!?

Старая Баскъ-Вахъ-Ванъ поднялась на колѣни, дрожа отъ слабости и напряженія, и стала смотрѣть въ море.

— Намъ-Бокъ былъ всегда неловокъ съ веслами,—разсуждала она вслухъ, поставивъ надъ глазами щиткомъ руку и смотря на серебрившуюся воду.— Намъ-Бокъ всегда былъ неловокъ. Я помню...

Но женщины и дѣти громко разсмѣялись, и въ ихъ смѣхѣ была легкая насмѣшка, и ея голосъ потонулъ въ ихъ смѣхѣ и только губы ея продолжали беззвучно шевелиться.

Кугахъ поднятъ свою сѣдую голову отъ работы и послѣдовалъ глазами за ея взглядомъ. Носъ бидарки по временамъ сворачивало въ сторону, но въ общемъ она шла къ берегу. Стоявшій въ ней чело-вѣкъ проявлялъ въ управленіи ея больше силы, чѣмъ ловкости, и приближался къ берегу по зигзагообразной линіи наибольшаго сопротивленія. Кугахъ опять склонился надъ работою и сталъ вырѣзывать на кускѣ моржоваго клыка, зажатаго между колѣнями, спинной плавникъ рыбы, подобіе которой никогда не плавало въ морѣ.

— Это ѣдетъ, навѣрное, чело-вѣкъ изъ сосѣдней деревни,—сказалъ онъ, наконецъ,—чтобы научить-

ся у меня вырѣзывать фигуры изъ кости. Но онъ очень неловокъ. Онъ никогда не научится вырѣзывать.

— Это Нэмъ-Бокъ,—повторяла старая Баскъ-Вахъ-Ванъ.—Развѣ я могу не узнать своего сына?—спросила она рѣзкимъ голосомъ.—Я говорю опять и опять, что это Нэмъ-Бокъ!

— Ты говорила это уже много лѣтъ,—мягко возразила одна изъ женщинъ.—Всегда, когда ледъ сходилъ съ моря, ты сидѣла и смотрѣла цѣлый день въ море и въ каждой лодкѣ видѣла Нэмъ-Бока. Нэмъ-Бокъ умеръ, о, Баскъ-Вахъ-Ванъ, а мертвые не возвращаются. Этого не бываетъ, чтобы мертвые возвращались!

— Нэмъ-Бокъ!—закричала старуха такъ громко и пронзительно, что вся деревня стала со страхомъ смотрѣть на нее.

Она съ трудомъ поднялась на ноги и поплелась къ песчаному берегу. Она споткнулась о ребенка, лежавшаго на солнцѣ, и его мать долго потомъ успокаивала его и бросала ругательства вслѣдъ старухѣ, которая ничего не замѣчала. Дѣти побѣжали къ берегу, и, когда человѣкъ въ бидаркѣ приблизился, чуть не опрокинувшись, благодаря одному особенно неловкому движенію, женщины тоже направились къ берегу. Кугахъ бросилъ свою моржовую кость и пошелъ тоже, тяжело опираясь на свою палку, а за нимъ потянулись и остальные мужчины, группами по два и по три человѣка.

Бидарка повернулась бортомъ къ берегу, и волны прилива грозили затопить ее; но одинъ изъ мальчиковъ вбѣжалъ въ воду, схватилъ ее за носъ

и вытащилъ ее на песокъ. Мореплавателъ всталъ и вопросительно оглядѣлъ жителей деревни. Полосатая фуфайка, грязная и поношенная, мѣшковато висѣла на его широкихъ плечахъ, и красный носовой платокъ былъ по-матроски повязанъ вокругъ его шеи; рыбацкая шапка на коротко остриженной головѣ, синія, рабочія брюки и толстые, тяжелые башмаки дополняли его костюмъ.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ являлся замѣчательной особой для простоватыхъ рыбаковъ дельты Юкона, которые всю свою жизнь смотрѣли на Берингово море и за это время видѣли только двухъ бѣлыхъ людей: счетчика во время переписи и сбившагося съ пути іезуитскаго священника. Это были очень бѣдные люди; на ихъ землѣ не было ни золота, ни дорогихъ пушныхъ звѣрей, такъ что бѣлые далеко обходили ихъ.

Затѣмъ Юконъ въ теченіе тысячелѣтій засорялъ эту часть моря пескомъ горныхъ аляскинскихъ породъ, такъ что корабли садились на мель такъ далеко отъ берега, что даже не видѣли его. Поэтому корабли избѣгали этотъ илистый берегъ, съ его глубоко вдающимися въ землю заливами и огромнымъ болотистымъ архипелагомъ, и бѣдные рыбаки-индѣйцы никогда не подозрѣвали, что корабли существуютъ.

Кугахъ, рѣзчикъ по кости, вдругъ бросился назадъ, но споткнулся о свою палку и упалъ.

— Нэмъ-Бокъ!—закричалъ онъ, барахтаясь въ песокѣ и стараясь изо всѣхъ силъ подняться на ноги.—Нэмъ-Бокъ, котораго вѣтеръ унесъ въ море, вернулся назадъ!

Мужчины и женщины бросились бѣжать, и дѣти шмыгали у нихъ между ногъ. Только Они-Кванъ сохранилъ мужество, какъ и подобало главѣ деревни. Онъ вышелъ впередъ и долго смотрѣлъ на пришельца.

— Да, это Нэмъ-Бокъ!—сказалъ онъ, наконецъ, и женщины, услышавъ, съ какимъ убѣжденіемъ онъ сказалъ это, подняли крикъ и отступили еще дальше отъ берега.

Губы пришельца нерѣшительно задвигались, и его смуглое горло дѣлало конвульсивныя движенія, но слова такъ и застряли въ немъ.

— Ла, ла! да это, правда, Нэмъ-Бокъ!—закаркала Баскъ-Вахъ-Ванъ, не спускавшая съ него глазъ.—Не говорила-ли я, что Нэмъ-Бокъ вернется?

— Да, это Нэмъ-Бокъ пришелъ назадъ.—На этотъ разъ это сказалъ самъ Нэмъ-Бокъ, поставивъ ногу на берегъ и стоя такимъ образомъ одной ногой въ бидаркѣ, а другой на берегу. Опять его горло судорожно сжималось, стараясь воспроизвести забытыя слова. И когда слова, наконецъ, вышли изъ его гортани, то звучали они странно, и эти, странные горловые звуки сопровождались какимъ-то смѣшнымъ шлепаньемъ губъ.—Привѣтъ, о братья,—сказалъ онъ,—братья прежнихъ лѣтъ, когда я еще не былъ унесенъ вѣтромъ въ море!

Онъ сталъ обѣими ногами на берегъ, но Они-Кванъ замахалъ на него рукой.

— Ты умеръ, Нэмъ-Бокъ!—сказалъ онъ.

Нэмъ-Бокъ разсмѣялся.

— Какъ же умеръ, когда я жиренъ!

— Мертвые не бываютъ жирными,—сознался Они-Кванъ.—Ты выглядишь хорошо, но это странно. Ни одинъ человѣкъ не можетъ справиться съ вѣтромъ, дующимъ съ берега; и кого онъ унесъ, тотъ не можетъ вернуться обратно черезъ много лѣтъ.

— Я вернулся обратно,—отвѣтилъ Нэмъ-Бокъ просто.

— Можетъ быть, ты—призракъ, ты тѣнь Нэмъ-Бока? Тѣни иногда возвращаются обратно.

— Я голоденъ, а тѣни не ѣдятъ.

Но Они-Кванъ продолжалъ сомнѣваться, и въ глубокомъ недоумѣннн теръ себѣ лобъ. Нэмъ-Бокъ тоже былъ озадаченъ и обводилъ глазами жителей своей деревни, но онъ ни на одномъ лицѣ не могъ уловить какихъ бы то ни было признаковъ сочувствія. Мужчины и женщины шептались между собою. Дѣти робко жалисъ къ старшимъ, а оцетинившіяся собаки махали хвостами и подозрительно нюхали воздухъ.

— Я носила тебя, Нэмъ-Бокъ, и кормила тебя сосцами своихъ грудей, когда ты былъ маленькій,—прошамкала Баскъ-Вахъ-Ванъ, подойдя ближе;— и тѣнь ли ты, или нѣтъ, а я все-таки дамъ тебѣ сейчасъ поѣсть.

Нэмъ-Бокъ сдѣлалъ движеніе къ ней навстрѣчу, но угрожающее ворчаніе заставило его отступить назадъ. Онъ сказалъ что-то на непонятномъ языкѣ, что прозвучало вродѣ «чортъ возьми!» и прибавилъ вслухъ:— Не тѣнь я, а живой человѣкъ.

— Кто можетъ знать то, что касается тайны?—спросилъ Они-Кванъ, обращаясь не то къ самому

себѣ, не то къ своимъ единоплеменникамъ.—Мы существуемъ—и черезъ минуту насъ нѣтъ. Если человѣкъ можетъ стать тѣнью, то почему тѣнь не можетъ стать человѣкомъ? Нэмъ-Бокъ былъ, но его нѣтъ. Это мы знаемъ, но мы не знаемъ, Нэмъ-Бокъ ли это, или тѣнь Нэмъ-Бока.

Нэмъ-Бокъ прочистилъ горло и отвѣтилъ:

— Давно, давно, въ старыя времена, отецъ твоего отца, Они-Кванъ, ушелъ и черезъ много лѣтъ вернулся обратно, и ему не отказывали въ мѣстѣ у костра. И говорятъ...—онъ значительно помолчалъ, и всѣ замерли въ ожиданіи.

— И говорятъ,—повторилъ онъ, медленно подходя къ своему главному оправдательному аргументу,—что Сипсинъ, его жена, родила ему двухъ сыновей послѣ того, какъ онъ вернулся обратно.

— Но онъ не имѣлъ никакого дѣла съ береговымъ вѣтромъ!—отвѣтилъ Они-Кванъ.—Онъ ушелъ въ глубь земли, а это въ природѣ вещей, что человѣкъ можетъ уходить въ чужія земли и приходитъ обратно.

— И въ море... Почему въ землю можно, а въ море нельзя? И говорятъ... что и отецъ твоего отца рассказывалъ странныя вещи о томъ, что онъ видѣлъ.

— Да, странныя вещи онъ рассказывалъ...

— Я тоже могу рассказать странныя вещи,—лукаво заявилъ Нэмъ-Бокъ, и, такъ какъ они начали колебаться, то онъ прибавилъ:—И у меня есть съ собою и подарки.

Онъ вытащилъ изъ бидарки шаль, удивительнаго цвѣта и рисунка, и надѣлъ ее на плечи ма-

тери. Женщины испустили общій крикъ восторга, а старая Баскъ-Вахъ-Ванъ щупала и гладила яркую матерію и съ дѣтскою радостью что-то мурлыкала подъ носъ.

— У него есть интересныя исторіи, — пробормоталъ Кугахъ.

— И подарки!... — прибавила его жена.

И Они-Кванъ зналъ, что его народъ былъ очень пылокъ, и къ тому же его самого одолѣвало любопытство узнать эти неразсказанныя еще исторіи. И онъ разсудительно сказалъ:

— Уловъ рыбы былъ хорошъ и у насъ есть много масла и жира. Такъ что иди, Нэмъ-Бокъ, и будемъ ѣсть всё вмѣстѣ.

Два человѣка вытащили на берегъ бидарку и на плечахъ понесли ее къ огню. Нэмъ-Бокъ шель рядомъ съ Они-Кваномъ, и за ними шли остальные жители деревни, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя остались для того, чтобы еще пощупать шаль въ полное удовольствіе.

Пока шло предварительное насыщеніе, разговоръ было мало, хотя всё продолжали съ любопытствомъ взглядывать на сына Баскъ-Вахъ-Ванъ. И это смущало его; не потому, однако, что онъ былъ скромень, а потому, что запахъ воючаго тюленьяго жира лишилъ его аппетита и что онъ всячески старался скрыть свои чувства по этому поводу.

— Ёшь; ты, вѣдь, проголодался, — приказалъ Они-Кванъ; и Нэмъ-Бокъ закрылъ глаза и опустилъ руку въ большой горшокъ съ тухлою рыбою.

— Ну, ну, не стѣсняйся! Тюленей было много въ этомъ году, и сильные люди любятъ много

ѣсть.—И Баскъ-Вахъ-Ванъ обмакнула совершенно разложившій кусокъ дососины въ жиръ и любовно подала его сыну.

Въ полномъ отчаяннiи, когда предостерегающіе симптомы показали ему, что желудокъ его не былъ такъ крѣпокъ, какъ раньше, онъ набилъ свою трубку табакомъ и началъ курить. Окружающіе шумно ѣли и наблюдали за нимъ. Немногіе изъ нихъ могли похвастаться близкимъ знакомствомъ съ драгоценнымъ зельемъ, хотя кое-когда они покупали его въ небольшихъ количествахъ, но ужаснаго качества, отъ эскимосовъ, жившихъ къ сѣверу отъ нихъ. Кугахъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, сдѣлалъ знакъ, что онъ былъ бы не прочь затянуться разокъ-другой и, сдѣлавъ небольшой перерывъ въ ѣдѣ, онъ своими вымазанными жиромъ губами началъ сосать янтарный мундштукъ. Послѣ чего Нэмъ-Бокъ, придерживая дрожащею рукою желудокъ, отказался принять его обратно.

— Кугахъ,—сказалъ онъ,—можешь взять себѣ трубку, потому что я съ самаго начала имѣлъ намѣреніе почтить тебя этимъ подаркомъ.—И соплеменники облизывали свои пальцы и хвалили его за его щедрость.

Они-Кванъ поднялся на ноги.

— А теперъ, о Нэмъ-Бокъ, ѣда окончена, и мы будемъ слушать о тѣхъ странныхъ вещахъ, которыя ты видѣлъ.

Рыбаки захлопали въ ладоши и приготовились слушать. Мужчины при этомъ дѣлали дротики и вырѣзывали по кости, а женщины соскабливали жиръ съ тюленьихъ шкуръ и мяли ихъ, или шили

обувъ нитками, сдѣланными изъ сухожилій. Нэмъ-Бокъ обвелъ глазами эту живописную группу, но не нашелъ въ ней той прелести, которая жила въ его воспоминаніяхъ, и которую онъ надѣялся увидѣть наяву. Во время своихъ многолѣтнихъ странствованій, онъ представлялъ себѣ именно эту сцену; но теперь, когда она была передъ его глазами, онъ былъ разочарованъ. Какая жалкая, нищенская жизнь, думалъ онъ, и нельзя сравнить ее съ той, къ которой онъ привыкъ. Все же онъ хотъ немного откроетъ имъ глаза; и при этой мысли его собственные глаза засверкали.

— Братья,—начальъ онъ съ внутреннимъ довольствомъ челоуѣка, собирающаго повѣдать о великихъ дѣлахъ, которыя онъ совершилъ,—это было позднимъ лѣтомъ, много лѣтъ тому назадъ, во время такой-же погоды, какая скоро наступить, что я ушелъ отъ васъ... Вы всѣ помните тотъ день, когда чайки низко летали надъ водой и дулъ сильный вѣтеръ съ берега, и я не могъ въ своей бидаркѣ бороться противъ него. Я привязалъ покрывку бидарки къ своему поясу, чтобы вода не могла наполнить ее, и всю ночь боролся съ бурей. Но утромъ я уже не видѣлъ земли, только одно море, и береговой вѣтеръ крѣпко держалъ меня въ рукахъ и несъ меня все дальше и дальше. Три ночи затѣмъ свѣтлѣли съ зарею, а земли все не было видно и вѣтеръ попрежнему не отпускалъ меня. И когда насталь четвертый день, то я былъ какъ сумасшедшій, я не могъ поднять весель отъ голода, и моя голова шла кругомъ отъ жажды, которая охватила меня. Но море уже не было сер-

дито; дуль мягкій, южный вѣтеръ, и, когда я оглянулся вокругъ, то я увидѣлъ такое зрѣлище, которое заставило меня подумать, что я дѣйствительно, сошелъ съ ума.

Нэмъ-Бокъ остановился, чтобы выковырять кусокъ рыбы, который застрялъ у него въ зубахъ; а мужчины и женщины, сложивъ руки и вытянувъ шеи впередъ, ждали.

— Это была лодка, большая лодка. Если бы изъ всѣхъ лодокъ, которыя я видѣлъ, сдѣлать одну, то и она не была бы такой большой.

Послышались недовѣрчивыя восклицанія, а Кугахъ, которому было много лѣтъ, покачалъ головою.

— Если бы каждая бидарка была песчинкою, — продолжалъ съ гнѣвомъ Нэмъ-Бокъ, — и если бы было столько бидарокъ, сколько песку на этомъ берегу, то все же онѣ не могли бы составить такой большой лодки, какую я увидѣлъ утромъ на четвертый день. Это была очень большая лодка и называлась она *шхуной*. Я увидѣлъ эту чудесную вещь, эту огромную шхуну, приближающуюся ко мнѣ, и на ней я увидѣлъ людей...

— Подожди, о Нэмъ-Бокъ! — перебилъ его Они-Кванъ. — Что это были за люди, большіе люди?

— Нѣтъ; такіе, какъ вы и я.

— А лодка шла скоро?

— Да.

— Борты были высоки, люди коротки... — Они-Кванъ съ убѣжденіемъ констатировалъ эти послышки. — А эти люди гребли длинными веслами?

Нэмъ-Бокъ насмѣшливо улынулся.

— На ней не было веселья,—сказалъ онъ.

Рты остались открытыми, и наступило продолжительное молчаніе. Они-Кванъ взялъ трубку у Кугаха, чтобы разъ-другой затянуться.

Одна молодая женщина нервно хихикнула и на нее обратились со всѣхъ сторонъ гнѣвные взоры.

— Тамъ не было веселья?—спросилъ Они-Кванъ мягко, возвращая трубку.

— Сзади дулъ южный вѣторъ...—объяснилъ Нэмъ-Бокъ.

— Но вѣдь отъ вѣтра ходъ слабый...

— У шхуны есть крылья, вотъ такъ.—Онъ нарисовалъ на пескѣ мачты и паруса, и мужчины столпились вокругъ него, изучая его рисуночекъ.— Вѣтеръ дулъ довольно сильно,—и для большей наглядности онъ схватилъ за концы шаль своей матери и поставилъ ее противъ вѣтра, и она надулась какъ парусъ. Баскъ-Вахъ-Ванъ бранилась и боролась съ вѣтромъ, но ее вѣтромъ понесло къ берегу и черезъ нѣсколько шаговъ бросило на кучу принесенныхъ моремъ щепокъ.

Мужчины стали ворчать, но Кугахъ вдругъ откинулъ назадъ свою сѣдую голову.

— Хо! хо!—смѣялся онъ.—Глупая вещь эта большая лодка! Глупѣйшая вещь! Игрушка вѣтра. Куда вѣтеръ идетъ, она тоже идетъ. Ни одинъ человекъ, кто путешествуетъ на ней, не знаетъ, къ какому берегу онъ пристанетъ, потому что онъ идетъ туда, куда вѣтеръ, а вѣтеръ идетъ всюду; но ни одинъ человекъ не знаетъ, куда онъ идетъ!

— Это такъ,—подтвердилъ важно Они-Кванъ.

— Съ вѣтромъ итти легко, но противъ вѣтра

человѣкъ борется съ трудомъ; а такъ какъ эти люди на большой лодкѣ не имѣютъ веселья, то они совсѣмъ не борются съ нимъ!

— Имъ не нужно бороться!—вскричалъ Нэмъ-Бокъ сердито.—Шхуна идетъ и противъ вѣтра.

— А что, ты говоришь, заставляетъ шх... шх... шхуну идти?—спросилъ Кугахъ, запинаясь на незнакомомъ словѣ.

— Вѣтеръ,—былъ нетерпѣливый отвѣтъ.

— Вѣтеръ заставляетъ шх... шхуну идти противъ вѣтра!..—Старый Кугахъ открыто подмигнулъ Они-Квану, и раздался всеобщій смѣхъ, а Нэмъ-Бокъ продолжалъ:

— Вѣтеръ дулъ съ юга...

— Вѣтеръ дуетъ съ юга и гонитъ шхуну на югъ. Вѣтеръ дуетъ противъ вѣтра! Вѣтеръ дуетъ въ одну сторону и другую, въ одно и то же время! Это очень просто. Ты понимаешь, Нэмъ-Бокъ? Мы вполне понимаемъ...

— Ты дуракъ!

— Истина выходитъ изъ твоихъ устъ,—смирненно отвѣтилъ Кугахъ.—Я долго не понималъ, а это было такъ просто.

Но лицо Нэмъ-Бока было мрачно, и онъ быстро проговорилъ какия-то слова, которыхъ они раньше никогда не слыхали. Слушатели снова взялись за вырѣзываніе по кости и за соскребаніе жира со шкуръ; но онъ крѣпко сжалъ губы надъ языкомъ, которому они не могли повѣрить.

— Эта шх... шх... шхуна,—спросилъ невозмутимо Кугахъ,—была сдѣлана изъ большого дерева?

— Она была сдѣлана изъ многихъ деревьевъ,— коротко бросилъ Нэмъ-Бокъ.—Она была очень большая.

Онъ снова погрузился въ молчаніе, а Они-Кванъ подтолкнулъ Кугаха, который покачалъ головою въ изумленіи и прошепталъ: «Это очень странно».

Нэмъ-Бокъ пошелъ на приманку.

— Это еще пустяки,—сказалъ онъ весело.— Вотъ если бы вы увидали пароходъ! Какъ песчинка ничто въ сравненіи съ бидаркой, какъ бидарка ничто въ сравненіи съ шхуной, такъ шхуна ничто въ сравненіи съ пароходомъ! Кромѣ того, пароходъ сдѣланъ изъ желѣза. Онъ весь изъ желѣза.

— Нѣтъ, нѣтъ, Нэмъ-Бокъ,—вскричалъ предводитель,—какъ это можетъ быть? Желѣзо всегда идетъ ко дну. Вотъ я недавно получилъ желѣзный ножъ въ обмѣнъ отъ начальника сосѣдней деревни, и вотъ желѣзный ножъ выскользнулъ у меня изъ пальцевъ и пошелъ внизъ, внизъ, на самое дно моря. Для всѣхъ вещей есть законъ. Никогда не было ни одной вещи внѣ закона. Это мы знаемъ. И, кромѣ того, мы знаемъ, что вещи одного рода имѣютъ одинъ и тотъ же законъ, и что все желѣзо имѣетъ одинъ законъ. Такъ возьми назадъ свои слова, Нэмъ-Бокъ, чтобы мы могли еще уважать тебя.

— Это такъ! — утверждалъ Нэмъ-Бокъ.— Пароходъ сдѣланъ изъ желѣза, и онъ не тонетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ; этого не можетъ быть.

— Я самъ видѣлъ это собственными глазами.

— Это не въ природѣ вещей.

— Но скажи мнѣ, Нэмъ-Бокъ,—перебилъ Ку-

гахъ изъ боязни, что разсказъ не будетъ продолжаться, — скажи мнѣ, какъ эти люди находятъ дорогу въ морѣ, когда не видно земли?

— Солнце указываетъ имъ путь.

— Но какъ?

— Въ полдень начальникъ беретъ такую вещь, черезъ которую его глазъ смотритъ на солнце, и затѣмъ онъ заставляетъ солнце падать внизъ по небу до края земли.

— Но это злое колдовство! — вскричалъ Оникванъ, испуганный этимъ святотатствомъ. Мужчины въ ужасѣ вдѣли руки къ небу, а женщины жалобно застонали. — Это колдовство! Это нехорошо сбивать съ пути великое солнце, которое прогоняетъ ночь и даетъ намъ тюленей, рыбу и теплую погоду!

— Что изъ того, что это колдовство? — спросилъ Нэмъ-Бокъ свирѣпо. — Я тоже смотрѣлъ черезъ эту вещь на солнце и спускалъ солнце внизъ до небу!

Тѣ, которые сидѣли близко возлѣ него, поспѣшно отодвинулись подальше, а женщина закрыла лицо ребенка, который лежалъ у ея груди, чтобы взгляды Нэмъ-Бока не упали на него.

— Но утромъ на четвертый день, о Нэмъ-Бокъ, — напомнилъ ему Кугахъ, — что было утромъ на четвертый день, когда шх... шхуна пришла къ тебѣ?

— У меня было мало силъ, и я не могъ убѣжать. Такъ что меня взяли на бортъ и влили мнѣ воды въ ротъ и дали мнѣ хорошей пищи. Дважды, братья мои, вы видѣли бѣлаго человѣка.

Тѣ люди тоже всѣ люди бѣлые, и ихъ было такъ много, какъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ вмѣстѣ. И когда я увидѣлъ, что они были очень добры, я рѣшилъ остаться съ ними, чтобы потомъ прійти и рассказать вамъ обо всемъ, что я видѣлъ. И они научили меня ихъ работѣ и дали мнѣ хорошую пищу и мѣсто, гдѣ спать.

— И день за днемъ мы ѣхали по морю, и каждый день начальникъ спускалъ солнце по небосклону и заставлялъ его говорить, гдѣ мы находились. И, когда волны были добры къ намъ, мы охотились за тюленями, и я очень удивлялся, потому что всегда бѣлые люди выбрасывали мясо и жиръ тюленей и оставляли себѣ только шкуру.

Ротъ Они-Квана грозно искривился, и онъ уже готовъ былъ высказать свое порицаніе за такую расточительность, но Кугахъ толкнулъ его, чтобы онъ молчалъ.

— Когда прошло скучное время, когда солнца не было, и когда морозъ сталъ кусаться, начальникъ направилъ носъ шхуны къ югу. Къ югу и къ востоку мы плыли дни за днями, но земли не было видно, и мы были уже близко отъ деревни, откуда были эти люди...

— Откуда они знали, что они были близко?— спросилъ Они-Кванъ, не будучи въ состояніи дольше сдерживаться.—Земли-же не было видно!

Нэмъ-Бокъ бросилъ на него гнѣвный взглядъ.

— Развѣ я не сказалъ, что начальникъ спускалъ солнце по небу?

Кугахъ вступился, и Нэмъ-Богъ снова продолжалъ:

— Какъ я сказалъ, когда мы были близко отъ деревни, вдругъ поднялась страшная буря, и ночью мы были совершенно безпомощны и не знали, гдѣ мы находились.

— Ты только что сказалъ, что начальникъ зналъ...

— О, замолчи, Они-Кванъ! Ты глупъ и не можешь понять. Какъ я сказалъ, мы были безпомощны только ночью, когда я услышалъ изъ-за рева бури прибой моря у берега. И въ слѣдующій моментъ мы получили сильный ударъ, и я очутился въ водѣ. Это былъ скалистый берегъ съ одной только узкой полоской песчаного берега, и много, много высокихъ скалъ, и судьба захотѣла чтобы я попалъ руками въ песокъ и вышелъ на берегъ. Другіе люди, должно быть, разбились о скалы, потому что никто изъ нихъ не вышелъ на берегъ, кромѣ начальника, и его я узналъ только по кольцу на пальцѣ. Когда насталъ день, то, такъ какъ отъ шхуны ничего не осталось, я повернулъ лицо свое къ землѣ и пошелъ туда, гдѣ я могъ найти пищу и увидѣть лица людей. И когда я пришелъ въ домъ, то меня приняли и дали поѣсть, потому что я научился ихъ языку, и бѣлые люди всегда добры. И это былъ домъ больше, чѣмъ всѣ дома, построенные нами и нашими отцами до насъ...

— Это былъ, значить, огромный домъ!—ска-
заль Кугахъ, маскируя свое недовѣріе удивленіемъ.

— И много деревьевъ пошло на постройку этого дома...—прибавилъ Они-Кванъ, понявъ его хитрость.

— Это еще ничего!—Нэмъ-Бокъ съ пренебреженіемъ повелъ плечами.—Какъ наши дома ничто въ

сравненіи съ тѣмъ домою, такъ тотъ домъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣми домами, которые мнѣ пришлось увидѣть послѣ.

— И ты говоришь, что люди были небольшіе?

— Да; точно такіе, какъ вы и я,—отвѣтилъ Нэмъ-Бокъ.—Я вырѣзалъ палку, чтобы мнѣ удобнѣе было ходить, и, вспомнивъ, что я долженъ принести вамъ отчетъ, братья мои, я дѣлалъ на палкѣ зарубку для каждаго человѣка, который жилъ въ томъ домѣ. И я остался тамъ много дней и работалъ, за что они дали мнѣ *деньги*—вещь, о которой вы ничего не знаете, но которая очень хороша. И однажды я ушелъ изъ того мѣста, чтобы пойти дальше внутрь земли. И когда я шелъ, я встрѣчалъ много народу, и я дѣлалъ все меньшія и меньшія зарубки на палкѣ, чтобы для всѣхъ хватило мѣста. Затѣмъ я пришелъ къ странной вещи. На землѣ передо мною была полоса желѣза, толщиною въ мою руку, и черезъ большой шагъ впереди лежала другая желѣзная полоса!..

— И тогда ты сталъ богатымъ человѣкомъ,—убѣжденно сказалъ Они-Кванъ;—потому что желѣзо цѣннѣе всего на свѣтѣ. Изъ него можно было сдѣлать много ножей.

— Нѣтъ, оно было не мое.

— Это была находка, а находка законна!

— Нѣтъ, невѣрно; бѣлые люди положили его туда. А затѣмъ эти полосы были такъ длинны, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы унести ихъ,—онѣ были такія длинныя, что, насколько я могъ видѣть, имъ не было конца.

ПОИЩИТЕ МѢСТА.

Во перегибаите книгу при чтеніи.

— Нэмъ-Бокъ, это, вѣдь, очень много желѣза!— предупредилъ его Они-Кванъ.

— Да, мнѣ трудно было повѣрить своимъ глазамъ; но я не могъ не вѣрить имъ. И когда я смотрѣлъ на нихъ, то я услышалъ...—Нэмъ-Бокъ внезапно повернулся къ начальнику.—Кванъ, слышалъ ли ты когда-нибудь ревъ морского льва, когда онъ разъяренъ? Представь себѣ столько морскихъ львовъ, сколько волнъ на морѣ, и представь, что изъ всѣхъ этихъ львовъ сдѣланъ одинъ левъ, и вообрази, что одинъ этотъ левъ зарычалъ,—такъ, вотъ, какъ рычала та вещь, которую я услышалъ.

Рыбаки громко закричали отъ удивленія, а челоусть Они-Квана опустилась и такъ и осталась въ этомъ положеніи.

— И потомъ вдругъ я увидѣлъ чудовище величиною, какъ тысяча китовъ. Оно было одноглазое и выбрасывало изъ себя дымъ и рычало страшно громко. Я испугался и побѣжалъ на трясущихся ногахъ между двумя желѣзными полосами. Но чудовище приблизилось со скоростью вѣтра, и я перепрыгнулъ черезъ желѣзныя полосы, когда почувствовалъ уже его горячее дыханіе...

Они-Кванъ снова пришелъ немного въ себя и спросилъ:

— А затѣмъ, о Нэмъ-Бокъ?

— Затѣмъ оно прошло по желѣзнымъ полосамъ и не сдѣлало мнѣ никакого вреда; и когда мои ноги были въ состояніи снова меня держать, его уже не было видно. И это обычная вещь въ этой странѣ. Даже женщины и дѣти не боятся его. Мужчины заставляютъ работать эти чудовища.

— Какъ мы заставляемъ работать собакъ?—спросилъ Кугахъ, скептически подмигивая.

— Да, какъ мы заставляемъ работать нашихъ собакъ!

— А какъ они выращиваютъ эти чудовища?—спросилъ Они-Кванъ.

— Они ихъ совсѣмъ не выращиваютъ. Люди искусно дѣлаютъ ихъ изъ желѣза и кормятъ ихъ камнями и даютъ имъ пить воду. Камни становятся огнемъ, а вода становится паромъ, и водяной паръ есть дыханіе ихъ ноздрей, а...

— Довольно, довольно, о Нэмъ-Бокъ!—прервалъ его Они-Кванъ.—Разскажи намъ о другихъ чудесахъ. Мы устали отъ этихъ, которыя мы не понимаемъ.

— Вы не понимаете?—спросилъ Нэмъ-Бокъ въ отчаяніи.

— Нѣтъ, мы не понимаемъ!—закричали въ отвѣтъ мужчины и женщины.—Мы не можемъ этого понять!

Нэмъ-Бокъ подумалъ о сложной жатвенной машинѣ и о машинахъ, которыя показывали живыхъ людей, и о машинахъ, изъ которыхъ выходилъ голосъ человѣка, и понялъ, что его народъ никогда этого не пойметъ!

— Могу ли я разсказать, что я ѣздилъ на этомъ желѣзномъ чудовищѣ по странѣ?—спросилъ онъ съ горечью.

Они-Кванъ вскинулъ руки ладонями вверхъ въ знакъ нескрываемаго недовѣрія.

— Говори, говори, что хочешь. Мы слушаемъ тебя.

— Тогда я скажу, что я ѣздилъ на желѣзномъ чудовищѣ, за что я давалъ деньги...

— Ты сказалъ, что его кормятъ камнями!

— И точно такъ же я сказалъ, о глупецъ, что деньги это есть вещь, о которой вы ничего не знаете. Какъ я сказалъ, я поѣхалъ на чудовищѣ черезъ страну и черезъ многія деревни, пока я не пріѣхалъ въ большую деревню, стоявшую на соленомъ рукавѣ моря. И дома касались своими крышами звѣздъ на небѣ и задѣвали облака, и всюду было много дыму. И шумъ этой деревни походилъ на шумъ моря во время бури, и людей было такъ много, что я бросилъ свою палку и больше уже не дѣлалъ на ней зарубокъ.

— Если бы ты дѣлалъ совсѣмъ маленькія зарубки,—замѣтилъ Кругахъ,—ты могъ бы принести намъ отчетъ.

Нэмъ-Бокъ гнѣвно набросился на него.

— Если бы я дѣлалъ маленькія зарубки! Послушай, Кругахъ, ты—вырѣзыватель по кости. Если бы я дѣлалъ маленькія зарубки, то не только на одной палкѣ, а на двадцати палкахъ онѣ не могли бы умѣститься,—нѣтъ, на всѣхъ палкахъ, которыя приносятъ море на этотъ берегъ между этой деревней и слѣдующей. И если бы всѣхъ васъ, женщинъ и дѣтей, было бы въ двадцать разъ больше, и каждый изъ васъ имѣлъ бы по двадцати рукъ и въ каждой рукѣ было бы по палкѣ и по ножу, все же нельзя было бы сдѣлать зарубки для всѣхъ людей, которыхъ я видѣлъ,—такъ много ихъ было и такъ быстро они приходили и уходили!

— Столько людей не можетъ быть во всемъ

свѣтъ,—возразилъ Они-Кванъ, ибо онъ былъ ошеломленъ, и его умъ не могъ охватить такое множество чиселъ.

— Что ты знаешь о свѣтѣ и объ его величинѣ?—спросилъ Нэмъ-Бокъ.

— Но не можетъ же быть столько народу въ одномъ мѣстѣ!

— Кто ты такой, что можешь говорить, что можетъ быть и чего не можетъ быть?

— Но это говоритъ разумъ, что не можетъ быть столько людей въ одномъ мѣстѣ. Ихъ лодки покрыли бы все море, такъ, что не осталось бы свободнаго мѣста. И они могли бы выловить всю рыбу изъ моря и не всѣ изъ нихъ были бы сыты.

— Это такъ кажется,—отвѣтилъ Нэмъ-Бокъ.— Однако, это такъ. Я видѣлъ это своими собственными глазами и тогда бросилъ свою палку.—Онъ усталъ зѣвнулъ и поднялся на ноги.—Я гребъ долго. День былъ длиненъ, и я усталъ. Теперь я пойду спать, а завтра я вамъ снова буду рассказывать о томъ, что я видѣлъ.

Баскъ-Вахъ-Ванъ, прихрамывая и ежась отъ страха, заковыляла впереди, гордясь и въ то же время боясь своего удивительнаго сына, и повела его въ свой домикъ и уложила его на грязные, вонючіе мѣха. Но мужчины еще остались у костра и держали свѣтъ, при чемъ много шептались и спорили вполголоса.

Прошелъ часъ и другой; Нэмъ-Бокъ спалъ, а разговоры у костра продолжались. Вечернее солнце направилось къ сѣверу и въ одиннадцать часовъ ночи было почти на самомъ сѣверѣ. Тогда началъ-

никъ племени и вырѣзыватель по кости отошли отъ костра совѣта и пошли будить Нэмъ-Бога. Онъ съ недоумѣніемъ захопалъ глазами и повернулся на другой бокъ, съ намѣреніемъ снова заснуть. Но Они-Кванъ схватилъ его за руку и ласково, но твердо привелъ его въ себя.

— Вставай, Нэмъ-Бокъ, вставай! — приказаль онъ. — Уже время.

— Опять ѣсть? — вскричалъ Нэмъ-Бокъ. — Нѣтъ, я не голоденъ. Ѣшьте сами и дайте мнѣ спать.

— Время уѣзжать! — закричалъ Кугахъ.

Но Они-Кванъ заговорилъ болѣе мягко:

— Ты былъ моимъ товарищемъ по лодкѣ, когда мы были мальчиками, — сказалъ онъ. — Мы вмѣстѣ охотились за тюленями и вынимали изъ сѣтей лососей. И ты меня возвратилъ къ жизни, Нэмъ-Бокъ, когда море закрылось надо мною и меня засосало у черныхъ скалъ. Мы вмѣстѣ голодали и мерзли и вмѣстѣ залѣзали подъ одну шкуру и близко жались другъ къ другу. И вслѣдствіе всего этого и тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыя я диталь къ тебѣ, меня очень огорчаетъ, что ты возвратился такимъ замѣчательнымъ лгуномъ. Мы не можемъ понять, и наши головы кружатся отъ вещей, которыя ты намъ говорилъ. Это нехорошо, и въ совѣтѣ было много разговоровъ объ этомъ. Поэтому мы тебя высласмъ вонъ, чтобы наши головы могли остаться ясными и не были смущаемы непостижимыми вещами.

— Всѣ вещи, о которыхъ ты говоришь, — тѣни, — добавилъ Кугахъ. — Изъ міра тѣней ты принеся ихъ и въ міръ тѣней ты долженъ возвратить ихъ. Твоя

бидарка готова и люди ждуть. Они не могут пойти спать, пока ты не уйдешь.

Нэмъ-Бокъ былъ озадаченъ и съ тревогой слушалъ голосъ начальника племени.

— Если ты—Нэмъ-Бокъ,—сказалъ Они-Кванъ,— то ты удивительный и безстрашный лгунъ; если же ты тѣнь Нэмъ-Бока, то ты говоришь о тѣняхъ, относительно которыхъ живому человѣку нехорошо что бы то ни было знать. Эта большая деревня, о которой ты говорилъ, мы думаемъ, только деревня тѣней. Туда перелетаютъ души мертвыхъ, потому что только мертвыхъ можетъ быть много, а живыхъ мало. Мертвые не приходятъ назадъ. Никогда еще мертвый не приходилъ назадъ, кромѣ тебя съ твоими чудесными рассказами. Это не позволено, чтобы мертвые приходили обратно, и если мы это допустимъ, то будетъ намъ большая бѣда.

Нэмъ-Бокъ хорошо зналъ свой народъ и зналъ, что голосъ совѣта былъ священенъ. Такъ что онъ позволилъ повести себя на берегъ, далъ посадить себя въ бидарку и взять въ руки весло. Одинокая морская птица закричала гдѣ-то въ морѣ, и прибой шумно разбивался о песчаный берегъ. Мутныя сумерки спустились надъ водой и землей, а на сѣверѣ большое туманное солнце свѣтилось сквозь кроваво-красную дымку. Чайки низко летали надъ водою. Береговой вѣтеръ былъ холодный и рѣзкій, и массы черныхъ облаковъ, несомыхъ имъ, предвѣщали дурную погоду.

— Изъ моря ты вышелъ,—торжественно провозгласилъ Они-Кванъ,—и снова въ море ты идешь.

Такъ получается равновѣсіе, и всѣ вещи приведены къ закону.

Баскъ-Вахъ-Ванъ приковыляла къ самой водѣ и закричала :

— Я благославляю тебя, Нэмъ-Бокъ, за то, что ты вспомнилъ обо мнѣ!

Но Кугахъ прежде, чѣмъ оттолкнуть бидарку, Нэмъ-Бока отъ берега, сорвалъ шаль съ плечъ старухи и бросилъ ее въ бидарку.

— Холодно во время длинныхъ ночей, — застонала она, — и морозъ проникаетъ въ мои старыя кости...

— Эта вещь — тѣнь, — отвѣтилъ вырѣзыватель по кости, — а тѣнь не можетъ давать тебѣ тепло.

Нэмъ-Бокъ всталъ, чтобы его голосъ могли услышать всѣ.

— О, Баскъ-Вахъ-Ванъ, мать, что родила меня! — обратился онъ къ ней. — Внемли словамъ Нэмъ-Бока, твоего сына. Въ бидаркѣ есть мѣсто для двоихъ, и онъ хочетъ, чтобы ты пошла съ нимъ. Ибо его путь лежитъ къ тому мѣсту, гдѣ имѣется рыба и масло въ изобиліи. Туда морозъ не приходитъ, и жизнь тамъ легка, и вещи изъ желѣза дѣлаютъ работу людей. Хочешь ли ты пойти со мной, о Баскъ-Вахъ-Ванъ?

Въ то время, какъ бидарка быстро уносила прочь отъ нея, она съ минуту колебалась, но затѣмъ отвѣтила дрожащимъ, срывающимся голосомъ :

— Я стара, Нэмъ-Бокъ, и скоро перейду въ царство тѣней. Но у меня нѣтъ желанія итти туда раньше времени. Я стара, Нэмъ-Бокъ, и я боюсь.

Лучь свѣта прорвался сквозь тусклую дымку и, скользнувъ по морю, освѣтилъ лодку и чело-
вѣка великолѣпнѣмъ багрянца и золота. Безмолв-
но стояли рыбаки на своемъ берегу, и только слыш-
ны были стоны берегового вѣтра и крики чаекъ,
низко летавшихъ надъ водой.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
21, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтеніи.

КИШЪ, СЫНЪ КИША.

Кишъ, сынъ Киша.

— Итакъ, я даю шесть большихъ теплыхъ одѣялъ; шесть большихъ, твердыхъ напильниковъ; шесть гудзоновскихъ ножей, длинныхъ и острыхъ; двѣ лодки работы Могума, великаго плотника; десять собакъ широкогрудыхъ и сильныхъ, съ упряжью, и три ружья; курокъ у одного изъ нихъ сломанъ, но это еще очень хорошее ружье и, конечно, его можно починить!

Кишъ остановился и обвелъ глазами кругъ напряженныхъ, внимательныхъ лицъ. Было время великой рыбной ловли, и онъ предлагалъ Гнобу выкупъ за его дочь Су-Су. Происходило это возлѣ миссиі св. Георгія на Юконѣ, куда собрались индѣйскія племена за многія сотни миль въ окружности. Они пришли съ сѣвера, съ юга, съ востока и съ запада; здѣсь были даже изъ племени този-какатовъ; были и далекіе тананы.

— А затѣмъ, о Гнобъ, ты—начальникъ танановъ, а я—Кишъ, сынъ Киша и начальникъ тлонгетовъ. Поэтому, когда мое сѣмя прорастетъ изъ чреселъ твоей дочери, то между нашими племенами настанетъ дружба, великая дружба и Тана-нау и Тлонгетъ будутъ братьями по крови на всѣ грядущія времена. И что я сказалъ, что сдѣлаю, то сдѣлаю. А что ты, о Гнобъ, думаешь объ этомъ дѣлѣ?

Гнобъ важно покачалъ головою, но его старое, изрѣзанное морщинами, лицо, какъ маска, скры-

вало всё движенія его души. Его узенькіе, какъ щелочки, глазки горѣли, какъ два уголька, когда онъ запищалъ своимъ высокимъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Но это еще не все.

— Что же еще?—спросилъ Кишъ.—Развѣ я не предложилъ полную мѣру? Развѣ за какую-нибудь другую дѣвушку изъ танановъ когда-нибудь давали такую большую цѣну? Если такъ, то назовите ее!

Открытая, насмѣшливая улыбка пробѣжала по лицамъ сидѣвшихъ въ кругу, и Кишъ понялъ, что онъ стоялъ передъ этимъ народомъ, покрытый стыдомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый Кишъ, ты не понялъ,—Гнобъ сдѣлалъ ласковый жестъ рукою.—Цѣна хороша. Я даже ничего не говорю о сломанномъ куркѣ. Но это не все. А какъ относительно самого мужчины?

— Да, какъ относительно самого мужчины?—повторили сидѣвшіе въ кругу.

— Говорятъ,—пискливо продолжалъ Гнобъ,—говорятъ, что Кишъ не идетъ по пути своихъ отцовъ. Говорятъ, что онъ пошелъ во тьму за чужими богами и что онъ сталъ боязливымъ.

Лицо Киша потемнѣло.

— Это ложь!—вскричалъ онъ.—Кишъ не боится ни одного человѣка!

— Говорятъ,—продолжалъ пищать Гнобъ,—что онъ сталъ слушать рѣчи бѣлаго человѣка, проповѣдывающаго въ большомъ домѣ, и что онъ склоняетъ голову передъ богомъ бѣлаго человѣка; и,

кромѣ того, говорятъ, что кровь негодна богу бѣлаго человѣка.

Кишь опустилъ глаза и страстно сжалъ руки. Кругъ дикарей насмѣшливо разсмѣялся. Гнобу что-то шепнулъ на ухо Мэдванъ, шаманъ, верховный жрецъ и врачеватель племени.

Гнобъ наклонился впередъ.

— Кишь! О Кишь! Осмѣлишься ли ты убить человѣка? Смотри! Вотъ Киць-Ну, рабъ. Рази его, о Кишь, рази его со всей силой твоей руки!

Мальчикъ, дрожа, ожидалъ удара. Кишь посмотрѣлъ на него, и мысли о высшей морали миссіонера Брауна пронеслись въ его головѣ, и страшной картиной предстало въ его воображеніи горячее пламя ада, такъ ярко описанное мистеромъ Брауномъ. Ножъ упалъ на землю, и мальчикъ, облегченно вздохнувъ, съ трясущимися колѣнами отошелъ отъ огня.

У ногъ Гноба лежала овчарка, которая оскалила свои блестящіе зубы и приготовилась броситься на мальчика. Но шаманъ поставилъ ногу на тѣло животнаго и этимъ движеніемъ подаль Гнобу новую мысль.

— Затѣмъ, о Кишь, что бы ты сдѣлалъ человѣку, если бы онъ сдѣлалъ тебѣ вотъ такъ?—Съ этими словами Гнобъ взялъ рыбью кость и поднесъ ее къ мордѣ «Бѣлаго Клыка», но, когда животное приготовилось схватить ее, онъ сильно ударилъ его палкой по носу.—А затѣмъ, о Кишь, сдѣлалъ ли бы ты такъ?—Бѣлый Клыкъ» подползъ на животъ и лизнулъ руку Гнобу.

— Прислушай!—опершись на руку Мэдвана,

Гнобъ поднялся на ноги.—Я очень старъ и потому, что я очень старъ, я хочу тебѣ кое-что рассказать. Твой отецъ, Кишъ, былъ могучимъ человѣкомъ. Онъ любилъ пѣсню натянутой тетивы въ бою, и мои глаза видѣли, какъ онъ бросалъ копье, остріе котораго торчало потомъ изъ тѣла насквозь проткнутаго врага. Но ты не похожъ на него. Съ тѣхъ поръ, какъ ты покинулъ Ворона, для того, чтобы поклоняться Волку*), ты сталъ бояться крови и заставилъ бояться ее и весь твой народъ. Это не хорошо. Потому что, помни, что когда я былъ мальчикомъ, вотъ какъ Киць-Ну, во всей странѣ не было ни одного бѣлаго человѣка. Но они пришли, одинъ за другимъ, эти бѣлые люди, и ихъ теперь много. И они—безпокойное племя, они никогда не успокаиваются и не довольствуются отдыхомъ у костра, даже когда у нихъ полонъ животъ, и не предоставляютъ завтрашнему дню позаботиться о завтрашнемъ мясѣ. На нихъ, какъ будто, наложено проклятіе, и они всегда должны тяжело трудиться.

Кишъ былъ пораженъ. Онъ вдругъ вспомнилъ неясную ему прежде исторію, рассказанную миссіонеромъ Брауномъ, о какомъ-то Адамѣ, жившемъ въ древнія времена; но теперь онъ видѣлъ, что мистеръ Браунъ рассказалъ ему истинную правду.

— И они налагаютъ руку на все, что они видятъ, эти бѣлые люди; а они идутъ всюду и видятъ всѣ вещи. И все больше и больше ихъ приходитъ сюда, такъ что, если ничего не будетъ сдѣлано, то они завладѣютъ всей нашей землей и не

*) Воронъ—индѣйская раса. Волкъ—бѣлая. (Прим. перев.).

останется мѣста для племенъ Ворона. Поэтому намъ нужно бороться съ ними до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного изъ нихъ. Въ нашихъ рукахъ будутъ перевалы и земля, и тогда, можетъ быть, наши дѣти и дѣти нашихъ дѣтей будутъ процвѣтать и стануть жирными. Будетъ великая борьба, когда Волкъ и Воронъ схватятся; но Кишь не будетъ сражаться и не позволить своему народу сражаться. Такъ что не хорошо, чтобы онъ взялъ себѣ мою дочь. Такъ сказалъ я, Гнобъ, начальникъ танановъ.

— Но бѣлые люди добры и мудры, — сказалъ въ отвѣтъ Кишь. — Бѣлые люди научили насъ многимъ вещамъ. Бѣлые люди дали намъ, одѣяла и ножи и ружья, такіе, какихъ мы никогда сами не могли бы сдѣлать! Я помню, какъ мы жили, прежде чѣмъ они пришли. Я тогда еще не былъ рожденъ, но я знаю это со словъ моего отца. Когда мы шли охотиться, мы должны были совѣмъ близко подползать къ оленю, чтобы долетѣло копье. Теперь мы употребляемъ ружье бѣлаго человѣка и можемъ стрѣлять изъ него на такое разстояніе, на какомъ уже не слышно крика ребенка. Мы ѣли рыбу, мясо и ягоды, ничего другого больше у насъ не было, и ѣли это безъ соли. Много ли изъ васъ найдется такихъ, которые захотѣли бы вернуться назадъ къ рыбѣ и къ мясу безъ соли?

Это возраженіе попало бы въ цѣль, если бы Мэдвакъ не вскочилъ на ноги, какъ только воцарилось молчаніе.

— Сначала позволъ задать тебѣ одинъ вопросъ, Кишь. Бѣлый человѣкъ въ большомъ домѣ го-

ворить вамъ, что убивать нехорошо. Но развѣ мы не знаемъ, что бѣлые люди сами убиваютъ? Развѣ мы забыли великую битву при Койокукѣ? Или сраженіе въ Нуклукіето, когда три бѣлыхъ человѣка убили двадцать человѣкъ изъ племени тозикакатъ? Вы думаете, что мы уже не помнимъ трехъ человѣкъ изъ танановъ, которыхъ убилъ бѣлый человѣкъ Мэкльвратсъ? Скажи мнѣ, о Кишъ, почему шаманъ Браунъ учитъ васъ, что сражаться дурно, когда всѣ его братья сражаются?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно отвѣчать,—пропищалъ Гнобъ, въ то время какъ Кишъ старался разрѣшить эту трудную задачу.—Это очень просто. Добрый человѣкъ Браунъ хочетъ крѣпко держать Ворона, чтобы его братья могли спокойно общипывать его перья.—Онъ повысилъ голосъ.—Но до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ мужчина изъ племени танановъ, способный драться, или хоть одна женщина, которая можетъ родить мальчика—до тѣхъ поръ Воронъ не дастъ себя общипывать!

Гнобъ обратился къ мрачному молодому человѣку, сидѣвшему по другую сторону костра.

— А что скажешь ты, Макамукъ, братъ Су-Су?

Макамукъ поднялся на ноги. Длинный шрамъ на его лицѣ оттопыривалъ его верхнюю губу, отчего на его лицѣ была вѣчная усмѣшка, которая, однако, противорѣчила суровому блеску его глазъ.

— Сегодня, — началъ онъ съ хитрой усмѣшкой, — я проходилъ мимо палатки купца Мэкльвратса, и въ дверяхъ я увидѣлъ ребенка, смѣющагося

на солнцѣ. И дитя посмотрѣло на меня глазами купца Мэклевратса и испугалось. Мать его прибѣжала успокаивать его. Мать была Циска, изъ племени тлонгетовъ.

Поднялся ревъ бѣшенства, въ которомъ утонулъ голосъ Макамука, но онъ, обратившись къ Кишу, указалъ на него драматическимъ жестомъ.

— Значить такъ? Вы отдаете своихъ женщинъ, вы, тлонгеты, и затѣмъ приходите къ тананамъ, чтобы вамъ дали еще? Но намъ самимъ нужны наши женщины, Кишь; потому что мы должны растить мужчинъ, много мужчинъ къ тому дню, когда Воронъ схватится съ Волкомъ!

Сквозь бурю рукоплесканій, ясно былъ слышенъ рѣзкій голосъ Гноба.

— А ты, Носабокъ, любимый братъ Су-Су?

Молодой парень былъ гибокъ и граціозенъ, съ крѣпкимъ, орлинымъ носомъ и высокимъ лбомъ; но, вслѣдствіе какой-то нервной болѣзни, вѣко одного глаза иногда смѣшно опускалось, и казалось, что онъ постоянно подмигивалъ. Когда онъ всталъ, оно тоже опустилось и осталось одинъ моментъ въ такомъ положеніи. Однако, на этотъ разъ, это не было встрѣчено обычнымъ хохотомъ. Всѣ лица были серьезны.

— Я тоже проходилъ мимо палатки купца Мэклевратса, — сказалъ онъ мягкимъ, дѣвичьимъ голосомъ, въ которомъ были нотки, напоминавшія голосъ его сестры. — Я видѣлъ индѣйцевъ; потъ застилалъ имъ глаза и колѣни тряслись отъ усталости, — я говорю, я видѣлъ индѣйцевъ, стонавшихъ подъ тяжестью бревенъ для лавки, которую

хочетъ строить купецъ Мэкльвратсъ. И собственными глазами своими я видѣлъ ихъ колющими дрова для того, чтобы держать теплымъ большой домъ шамана Брауна во время долгихъ морозныхъ ночей. Это—позорная работа женщинъ. Никогда тананы не будутъ этого дѣлать! Намъ могутъ быть братьями по крови мужчины, а не женщины, а тлонгеты—женщины.

Наступило глубокое молчаніе, и всѣ взоры сосредоточились на Кишѣ. Онъ спокойно оглядѣлся вокругъ, пристально взглядывая прямо въ лицо каждому изъ своихъ противниковъ, и безстрастно проговорилъ: «такъ!»—затѣмъ еще разъ повторилъ: «такъ!»—и, повернувшись на пяткахъ и не говоря больше ни слова, пошелъ прочь отъ костра и исчезъ въ темнотѣ.

Пробираясь между ползавшими дѣтьми и оцетинившимися овчарками, онъ прошелъ черезъ весь лагерь и на его краю наткнулся на женщину, работавшую при свѣтѣ костра. Изъ волоконъ древесной коры, содранной съ длинныхъ стеблей ползучаго растенія, она плела веревку для рыбной ловли. Нѣкоторое время онъ, не говоря ни слова, наблюдать за ея ловкими руками, приводившими въ порядокъ непокорную массу спутанныхъ волоконъ. Было пріятно смотрѣть, какъ она ловко управлялась съ работой, какія у нея были сильныя ноги, высокая грудь и бедра, созданныя для материнства. Бронзовый цвѣтъ ея лица казался золотистымъ при отблескахъ костра, ея волосы были иссиня-черными и глаза—блестящими, какъ агаты.

— О, Су-Су,—сказалъ онъ, наконецъ,—ты смо-

трѣла на меня благосклонно прежде, въ тѣ дни, когда я еще былъ юнъ...

— Я смотрѣла благосклонно на тебя потому, что ты былъ начальникомъ племени тлонгетовъ,— быстро отвѣтила она,— и потому, что ты былъ большой и сильный.

— Да...

— Но это было прежде, до рыбной ловли,— послѣшила она прибавить,— прежде чѣмъ шаманъ Браунъ научилъ тебя дурнымъ вещамъ и направилъ твои стопы по чужому пути.

— Но я тебѣ расскажу...

Она сдѣлала отрицательный жестъ рукою, который напомнилъ ему ея отца, и сказала:

— Нѣтъ, я знаю уже тѣ слова, которыя шевелятся въ твоемъ горлѣ, о Кипь, и я тебѣ на нихъ отвѣчаю. Рыбы въ водѣ и звѣри въ лѣсу рождаютъ себѣ подобныхъ. И это хорошо. То же самое и съ женщинами. Это онѣ должны рождать себѣ подобныхъ, и даже дѣвушка, пока она еще дѣвушка, чувствуетъ схватки дѣторожденія и боль въ грудяхъ и маленькія ручки вокругъ своей шеи. И когда такое чувство сильно, тогда каждая дѣвушка должна тайно высматривать себѣ мужчину—мужчину, который могъ бы стать отцомъ ея дѣтей. Такъ чувствовала и я. Такъ чувствовала я, когда смотрѣла на тебя и видѣла, что ты большой и сильный, хороший охотникъ, способный побѣждать звѣрей и людей и добывать мясо, когда я буду ѣсть за двоихъ; способный защитить меня отъ опасности, когда придетъ время моей безпомощности. Но это

было раньше того времени, какъ въ страну пришелъ шаманъ Браунъ и научилъ тебя...

— Но это невѣрно, Су-Су! Я знаю, что...

— Убивать нехорошо. Я знаю, что ты это скажешь. Тогда рождай дѣтей съ женщиной изъ твоего рода, рода, который не убиваетъ; но не приходи съ такой просьбой къ тананамъ. Потому что говорятъ, что наступитъ время, когда Воронъ долженъ схватиться съ Волкомъ. Я не знаю этого, потому что это дѣло мужчинъ; но я знаю, что мое дѣло родитъ мужчинъ для этого времени...

— Су-Су,—перебилъ ее Кишъ,—ты должна выслушать меня...

— *Мужчина* побилъ бы меня палкой и заставить бы выслушать себя, — съ насмѣшкой сказала она.—Но ты... на, держи!—Она бросила ему въ руки пучекъ волоконъ.—Я не могу отдать тебѣ себя, но вотъ это—да. Это очень идетъ къ твоимъ рукамъ. Это—женская работа, такъ что ты можешь ее дѣлать!

Онъ отшвырнулъ отъ себя пучекъ волоконъ, и краска гнѣва залила его бронзовую кожу.

— Еще вотъ что,—продолжала она.—Существуетъ старый обычай, котораго еще придерживался твой отецъ и мой. Когда человѣкъ падаетъ въ битвѣ, то его скальпъ уносится въ видѣ трофея. Очень хорошо. Но ты, что отрекся отъ Ворона, ты долженъ сдѣлать больше. Ты долженъ принести мнѣ не скальпы, а головы, двѣ головы, и тогда я тебѣ дамъ не волокна, а красивый, вышитый бисеромъ поясъ и ножны, и длинный русскій ножъ.

не перебивать ни при какихъ

Тогда я снова буду смотрѣть на тебя благосклонно, и все будетъ хорошо.

— Такъ, — отвѣтилъ мужчина. — Такъ. — Затѣмъ повернулся и ушелъ отъ огня въ темноту.

— Нѣтъ, о Кишь! — закричала она ему вслѣдъ. — Не двѣ головы, а, по крайней мѣрѣ, три!

Но Кишь остался вѣренъ своей новой вѣрѣ, жилъ честно и заставлялъ своихъ единоплеменниковъ повиноваться тому, что проповѣдывалъ преподобный Джэксонъ Браунъ. Въ продолженіе всего періода рыбной ловли, онъ не обращалъ никакого вниманія на племя танановъ и не слушалъ ни оскорбительныхъ замѣчаній, которыя дѣлались исподтишка на его счетъ, ни смѣха женщинъ изъ всѣхъ собравшихся сюда племенъ. И, послѣ рыбной ловли, Гнобъ и его народъ съ большими запасами лососины, провяленной на солнцѣ и прокопченной въ дыму, отправились на охоту въ землю племени танановъ. Кишь провожалъ ихъ глазами, но это не помѣшало ему присутствовать на богослуженіи въ мисси, гдѣ онъ всегда молился и пѣлъ своимъ густымъ, красивымъ басомъ.

Преподобный Джэксонъ Браунъ восхищался этимъ густымъ басомъ, и, благодаря выдающимся качествамъ Киша, считалъ его многообѣщающимъ обращеннымъ. Мэкльвратъ сомнѣвался въ этомъ. Онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность обращенія язычниковъ и открыто высказывалъ это. Мистеръ Браунъ былъ въ своемъ родѣ большой человекъ, и онъ однажды ночью опровергалъ мнѣніе куща съ такой убѣдительностью, что тотъ, сбитый съ позиціи, наконецъ, воскликнулъ въ отчаяніи: «Разбейте мнѣ яблоками голову, Браунъ, если я

самъ не стану обращеннымъ, когда Кишъ продержится христіаниномъ въ теченіе хотя-бы двухъ лѣтъ!» Мистеръ Браунъ никогда не упускалъ случая спасти кого-нибудь, и сейчасъ онъ ухватился за слова кунца; такъ что теперь отъ Киша должна была зависѣть и окончательная судьба души Мэкльватса.

Но однажды, послѣ того, какъ наступила зима и установился сносный путь для путешествія, получились интересныя извѣстія. Одинъ человѣкъ изъ племени танановъ явился въ миссію св. Георгія за амуницией и сообщилъ, что Су-Су остановила свой выборъ на Ни-Ку, сильномъ молодомъ охотникѣ, который у костра старачо Гноба предложилъ великолѣпную цѣну за нее.

Нѣкоторое время спустя, преподобный Джэксонъ Браунъ встрѣтилъ Киша на лѣсной дорогѣ, которая вела къ рѣкѣ. У Киша въ упряжи были его самыя лучшія собаки, а изъ-подъ поклажи выглядывали его самыя большія и самыя лучшія лыжи.

— Куда это ты собрался, о Кишъ? На охоту?— спросилъ его мистеръ Браунъ, впадая въ индѣйскую манеру говорить.

Кишъ пристально, въ продолженіе цѣлой минуты, глядѣлъ ему въ глаза и затѣмъ тронулъ собакъ. Но потомъ снова обратился на миссіонера свой пристальный взглядъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я иду къ діаволу.

— — —

На открытомъ, безлюдномъ мѣстѣ, прячась въ снѣгу, стояли три жалкія хижины. Въ десяти шагахъ отъ нихъ темнѣлъ мрачнымъ полукругомъ

черный лѣсъ. Надъ головою не было видно голубого неба: стояла тяжелая, густая туманная завѣса, изъ которой вотъ-вотъ готовъ былъ посыпаться снѣгъ. Не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, не слышно было ни одного звука, словомъ, не было ничего, кромѣ снѣга и безмолвія. Не было даже обычнаго движенія, какое бываетъ вокругъ жилища людей, такъ какъ недавно всѣ вернулись съ охоты, очень удачной, ибо имъ удалось напасть на стадо оленей. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго поста, настало время пира, вслѣдствіе чего всѣ среди бѣла дня спали тяжелымъ сномъ въ своихъ юртахъ, покрытыхъ оленьими шкурами.

Возлѣ одной юрты горѣлъ костеръ, и воткнутыя въ снѣгъ, стояли пять паръ лыжъ, а возлѣ огня сидѣла Су-Су. Капюшонъ изъ бѣличьяго мѣха былъ крѣпко обвязанъ вокругъ ея шеи, но на рукахъ у нея не было перчатокъ, и онѣ были заняты работой: съ помощью иглы и сухожилій она оканчивала фантастическій узоръ на кожаномъ поясѣ, подшитомъ ярко-краснымъ сукномъ. Внезапно собака отрывисто залаяла за одной изъ хижинъ и затѣмъ такъ же внезапно смолкла. Отецъ Су-Су захрипѣлъ и что-то заборомоталъ во снѣ въ своей хижинѣ. «Плохой сонъ увидалъ,» и Су-Су улыбнулась. «Онъ уже сталъ старъ, а это послѣдняя охота была слишкомъ утомительна для него».

Она пришила послѣднюю бисеринку, закрѣпила сухожиліе и подбросила дровъ въ огонь. Затѣмъ она стала смотрѣть на пламя; но вдругъ она повернула голову, услышавъ рѣзкое хрустѣніе

крѣпкаго снѣга подъ ногами, обутыми въ тяжелыя мокасины. Возлѣ нея стялъ Кишъ, слегка согнувшійся подъ тяжестью ноши, которую держалъ на спинѣ. Эта ноша была кое-какъ обернута въ мягкую оленью шкуру; онъ небрежно сбросилъ ее въ снѣгъ и сѣлъ. Оба, молча, обмѣнялись долгими взглядами.

— Путь далекъ, о Кишъ,—сказала она, наконецъ,—отъ миссіи св. Георгія до Юкона.

— Да,—сказалъ онъ разсѣянно, пытливо взглянувъ на поясъ, который она вышила и мѣряя глазами его длину.—А гдѣ же ножъ?—спросилъ онъ.

— Здѣсь.—Она вытащила его изъ-подъ своей кофты и его длинное лезвее заблестѣло при свѣтѣ костра.

— Дай его мнѣ!—приказалъ онъ.

— Нѣтъ, о Кишъ,—засмѣялась она.—Можетъ быть, ты не рожденъ, чтобы его носить.

— Дай его мнѣ,—повторилъ онъ тѣмъ же тономъ приказанія.—Я рожденъ, чтобы его носить.

Но ея взглядъ, кокетливо скользнувъ мимо него по оленьему мѣшку, замѣтилъ, что снѣгъ вокругъ него медленно краснѣетъ.

— Это кровь, Кишъ?—спросила она.

— Да, это кровь. Но дай мнѣ поясъ и длинный русскій ножъ.

Она вдругъ испугалась и вся задрожала, когда онъ грубо выхватилъ у нея поясъ,—задрожала отъ этой грубости. Она ласково смотрѣла на него и чувствовала боль въ груди и маленькія ручки, обвинявшіяся вокругъ ея шеи.

— Онъ былъ сдѣланъ для болѣе тонкаго чело-

вѣка,—замѣтилъ онъ мрачно, надѣвая на себя поясъ и застегивая пряжку на послѣднюю дырочку.

Су-Су улыбнулась, и ея взоръ сталъ еще ласковѣе. Опять она почувствовала нѣжныя дѣтскія ручки вокругъ шеи. Кишь былъ красивъ, и поясъ, дѣйствительно, былъ малъ для него, ибо былъ сдѣланъ для болѣе тонкаго человѣка. Но развѣ это что-нибудь значило? Она могла сдѣлать другой поясъ.

— Но кровь?—спросила она съ внезапно зародившейся надеждой.—Кровь, Кишь? Это... это... головы?

— Да.

— Онѣ должны быть совсѣмъ свѣжи, иначе кровь бы замерзла.

— Да; сегодня не холодно, и онѣ свѣжія, совсѣмъ свѣжія.

— О, Кишь!—Ея лицо оживилось и покраснѣло.—И это для меня?

— Да, для тебя!

Онъ взялъ шкуру за одинъ конецъ, вытряхнулъ ее, и головы покатались къ ея ногамъ.

— Три,—прошепталъ онъ свирѣпо.—Нѣтъ, не три, а цѣлыхъ четыре.

Но она сидѣла, оцѣпенѣвъ отъ ужаса. На нее глядѣли: Ни-Ку, съ его красивыми чертами лица; изборожденное морщинами старое лицо Гноба; Ма-камукъ, насмѣшливо приподнявшій свою верхнюю губу, и дальше всѣхъ Носабокъ; его вѣко, по обыкновенію, опустилось и какъ-бы многозначительно подмигивало. Головы лежали передъ ней, освѣщенные отблесками костра, и возлѣ каждой изъ нихъ

темнѣль все увеличивавшійся кругъ ярко-краснаго снѣга.

Снѣговая кора подтаяла подь головой Гноба, и она, какъ живая, покачнулася и покатилася прямо къ ея ногамъ. Но дѣвушка не двинулася. Кишь тоже сидѣль неподвижно, и глаза его, не мигая, пристально смотрѣли на нее.

Въ лѣсу перегруженная снѣгомъ сосна съ шумомъ сбросила съ себя свой грузъ, и эхо гулко покатилося по ущелью; но никто изъ нихъ не двинулся.

Короткій день быстро угасалъ, и на небольшой поселокъ надвигалась темнота, когда Бѣлый Клыкъ осторожно приблизился къ огню. Онъ остановился на минуту, выжидая, но, увидѣвъ, что его не гонять, подошелъ ближе. Его носъ рѣзко повернулся въ сторону, ноздри задрожали и шерсть оцетинилась на спинѣ, и онъ прямо пошелъ на внезапно почуянный имъ запахъ головы своего хозяина. Сначала онъ осторожно ее понюхалъ и лизнулъ ея лобъ своимъ длиннымъ, краснымъ языкомъ. Затѣмъ онъ вдругъ сѣлъ, направилъ носъ на первую появившуюся звѣздочку, еле мерцавшую въ туманѣ, и завылъ длиннымъ, тягучимъ волчьимъ воемъ.

Это привело Су-Су въ себя. Она взглянула на Киша, который стоялъ съ обнаженнымъ русскимъ ножомъ въ рукѣ и внимательно наблюдалъ за нею. Выраженіе его лица было твердо и рѣшительно, и она прочла на немъ законъ. Сбросивъ съ головы капюшонъ, она обнажила шею и поднялася на ноги. Затѣмъ остановилась и долгимъ взглядомъ обвела все окружающее: темнѣвшій лѣсъ, мерцающую въ

туманѣ звѣзду, небольшой поселокъ и лыжи, торчавшія въ снѣгу. Это былъ послѣдній ея взглядъ на жизнь.

Легкій вѣтерокъ подулъ сбоку и пошевелилъ ея волосы, и она медленно стала поворачивать голову къ нему навстрѣчу до тѣхъ поръ, пока онъ прямо не подулъ ей въ лицо. Тогда она глубоко втянула въ себя его живительную струю и подумала о своихъ дѣтяхъ, которымъ не суждено было родиться. Затѣмъ она подошла къ Кишу и сказала:

— Я готова.

СВѢТЛОКОЖАЯ ЛИ-ВАНЪ.

ПОЖАЛУЙСТА.
не перегибайте книг при чтеніи.

СВѢТЛОКОЖАЯ ЛИ-ВАНЬ.

— Солнце садится, Канимь, и дневной жарь спалъ.

Такъ говорила Ли-Вань, обращаясь къ человеку, голова котораго была покрыта одѣяломъ изъ бѣличьяго мѣха. Но она говорила мягкимъ голосомъ, точно колеблясь между обязанностью разбудить его и боязнью, что онъ проснется. Ибо она боялась своего большого мужа, не походившаго ни на одного изъ мужчинъ, которыхъ она знала.

Жарившаяся оленина вдругъ сильно зашипѣла и она сдвинула сковороду съ горящихъ углей. Но сдѣлавъ это, она подозрительно взглянула на двухъ гудзоновыхъ собакъ, которыя сидѣли, облизываясь и слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Это были огромные, длинношерстые псы, лежавшіе на подвѣтренной сторонѣ въ слабой струѣ дыма, тянувшейся отъ костра, чтобы укрыться отъ укусовъ мириадъ мошекъ и комаровъ. Когда Ли-Вань взглянула по направленію обрыва, куда Клондайкъ катилъ межъ холмовъ свои вздувшіяся воды, одна изъ собакъ червемъ подползла на животъ и сильнымъ, внезапнымъ ударомъ лапы сбросила со сковороды на землю кусокъ горячаго мяса. Но Ли-Вань увидѣла ея движеніе кончикомъ глаза, и собака тотчасъ же принуждена была съ рычаніемъ и воемъ отскочить назадъ, ибо Ли-Вань палкой ударила ее по носу.

— Нѣтъ, не вышло, Оло!—сказала она разсмѣявшись и положила мясо обратно, не спуская глазъ съ пса.—Ты вѣчно голоденъ и поэтому твой носъ всегда вводитъ тебя въ бѣду.

Но другая собака поддержала Оло и онѣ вмѣстѣ напали на женщину. Отъ ярости шерсть на ихъ спинахъ оцетинилась, тонкія губы собрались зловѣщими морщинами и обнажили грозно блестящія клыки; и онѣ рычали, какъ рычатъ волки, въ дикой ярости собираясь прыгнуть на женщину и растерзать ее въ клочки.

— А, и ты тоже, Башъ! Ты свирѣпъ, какъ твой хозяинъ, и никогда не живешь въ мирѣ съ рукой, которая тебя кормитъ! Это не ты затѣялъ ссору... такъ на, получай! На тебѣ еще! И на тебѣ еще!

Она съ крикомъ шла на нихъ, размахивая большой головней, но онѣ ловко метались въ стороны, избѣгая ея ударовъ, не желая, однако, отступать. Но затѣмъ онѣ раздѣлились и, низко пригнувшись къ землѣ, стали подходить къ ней съ глухимъ ворчаніемъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Ли-Ванъ привыкла драться съ псами съ тѣхъ поръ, какъ она только начала ковылять на своихъ дѣтскихъ ножкахъ между кипами оленьихъ шкуръ въ вигвамѣ своей матери, и поэтому она прекрасно знала, что въ каждой схваткѣ съ ними всегда бываетъ критическій, опасный моментъ. Башъ уже остановился, все мускулы его тѣла напряглись, готовясь къ прыжку; Оло продолжалъ еще подползать, такъ какъ онъ не былъ еще на разстояніи прыжка.

Схвативъ два горящихъ полѣна за обуглившіеся концы, она пошла навстрѣчу животнымъ. Оло отступилъ, но Башъ прыгнулъ, и она въ воздухѣ встрѣтила его своимъ горящимъ орудіемъ.

Послышался сильный визгъ и острый запахъ горѣлой шерсти и мяса: собака каталась въ пыли, а женщина тыкала ей въ пасть горѣвшей головней. Дико щелкая зубами, песъ въ ужасѣ бросился бѣжать отъ нея. Оло, съ другой стороны, началъ свое отступленіе, какъ только Ли-Ванъ напомнила ему о своемъ превосходствѣ, ткнувъ его въ ребра тяжелой палкой. Тогда обѣ собаки отступили на самый край бивуака, и принялись лизать свои раны, ворча и повизгивая отъ боли.

Ли-Ванъ сдула золу съ мяса и снова присѣла къ огню. Ея сердце не билось усиленно, ибо такого рода инциденты были для нея не новы,—изъ нихъ состояла ея повседневная жизнь. Канімъ не только не двинулся во время ея борьбы съ собаками, но даже ни на минуту не переставалъ звонко храпѣть.

— Вставай, Канімъ!—окликнула она его.— Дневной жаръ спалъ и дорога ждетъ наши ноги.

Бѣличій мѣхъ зашевелился, и, минуто спустя, коричневая рука высунулась и отбросила его въ сторону. Вѣки спящаго открылись, но затѣмъ снова опустились.

«Его ноша тяжела,» подумала она, «и онъ усталъ отъ сегодняшней работы.»

Комаръ укусилъ ее въ шею, и она залѣпила незащищенное мѣсто на шеѣ мокрой глиной, комокъ которой имѣлся у нея подъ рукой. Все утро они съ трудомъ поднимались вверхъ къ перевалу,

ПОЖАЛУЙСТА

не пергибайте книгъ при чтеніи.

среди облаковъ москитовъ, для защиты отъ которыхъ они облѣпливали себя липкой грязью, которая, высыхая на солнцѣ, покрывала ихъ лица толстыми, глиняными масками. Эти маски, растрескивавшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ движенія личныхъ мускуловъ, должны были быть постоянно подновляемы, такъ что слой глины, покрывавшій лица, былъ разной толщины и представлялъ собою самое курьезное зрѣлище.

Ли-Ванъ начала тихонько, но настойчиво трясти Канима до тѣхъ поръ, пока онъ не проснулся и не сѣлъ. Первый взглядъ его былъ на солнце, и послѣ того, какъ онъ справился съ своимъ небеснымъ хронометромъ, онъ подошелъ къ огню и началъ жадно ѣсть мясо. Это былъ крупный индѣецъ, полныхъ шести футовъ росту, широкогрудый и мускулистый, и его пронзительные глаза блистали незауряднымъ для индѣйца умомъ. Сильная воля провела рѣзкія борозды по его лицу, и это, вмѣстѣ съ суровой дикостью его чертъ, указывало на природную неукротимость, на натуру, ничему не уступавшую и способную вслучаѣ противорѣчія быстро переходить къ звѣрской жестокости.

— Завтра, Ли-Ванъ, мы будемъ пировать.—Онъ начисто обсосалъ кость и бросилъ ее собакамъ.— У насъ будутъ сушенныя яблоки, жаренныя въ свиномъ салтѣ, и сахаръ, что очень вкусно.

— Яблоки?—переспросила она, съ любопытствомъ выговаривая это незнакомое слово.

— Да,—отвѣтилъ Канимъ съ чувствомъ превосходства;—и я научу тебя варить новыя кушанья. О тѣхъ вещахъ, о которыхъ я только-что говорилъ,

ты ничего не знаешь, да и о многихъ другихъ. Ты прожила всю свою жизнь въ маленькомъ уголкѣ земли и ничего не знаешь. А я,—онъ гордо выпрямился и снисходительно взглянувъ на нее,—я великій путешественникъ, и былъ во всѣхъ мѣстахъ, даже среди бѣлыхъ людей, и я хорошо знаю ихъ обычаи и обычаи многихъ народовъ. Я—не дерево, которому предопредѣлено стоять всегда на одномъ мѣстѣ и не знать, что дѣлается за сосѣднимъ холмомъ; ибо я—Канимъ-Лодка, и я созданъ для того, чтобы ходить туда и сюда, и путешествовать, и узнавать длину и ширину свѣта!

Она смиренно склонила голову.

— Это вѣрно. Я ѣла только рыбу и мясо, и ягоды всѣ мои дни, и жила въ маленькомъ уголкѣ земли. И мнѣ даже во снѣ не снилось, что свѣтъ такъ великъ, до тѣхъ поръ, пока ты меня не украдъ у моего народа и не взялъ меня варить для тебя и нести твою ношу на безконечныхъ дорогахъ.— Она вдругъ взглянула на него.—Скажи мнѣ, Канимъ, эта дорога когда-нибудь кончится?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Моя дорога, какъ мѣръ, она никогда не кончится и я путешествую по ней съ тѣхъ поръ, какъ меня стали носить ноги, и буду путешествовать по ней, пока не умру. Мой отецъ и моя мать, можетъ-быть, уже умерли, ибо давно я уже на нихъ не глядѣлъ, и мнѣ это все равно. Мое племя такое же, какъ и твое племя. Оно стоитъ на одномъ мѣстѣ, которое находится далеко отсюда, но мнѣ дѣла нѣтъ до моего племени, ибо я—Канимъ-Лодка!..

— И я, Ли-Ванъ, которая утомилась, должна буду тоже идти по твоей дорогѣ, пока не умру?

— Ты, Ли-Ванъ, моя жена, а жена идетъ за мужемъ всюду, куда бы онъ ни шелъ. Это законъ. И если бы это не было закономъ, то это былъ бы законъ Канима, который есть законодатель и для себя самого и для всего, что ему принадлежитъ.

Она снова наклонила свою голову, ибо она не знала другого закона, кромѣ того, что мужчина былъ полнымъ хозяиномъ женщины.

— Не спѣши,—предупредилъ ее Канимъ, когда она начала собирать скудные пожитки въ свой тюкъ.—Солнце еще горячо, и дорога идетъ внизъ, и ходить теперь будетъ легко.

Она послушно оставила свою работу и сѣла на прежнее мѣсто.

Канимъ смотрѣлъ на нее съ интересомъ.

— Ты не сидишь на корточкахъ, какъ другія женщины,—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Мнѣ это всегда неловко. Это меня утомляетъ, и я не могу отдохнуть такимъ образомъ.

— А почему, когда ты ходишь, то твои ступни не прямо смотрятъ передъ тобою?

— Я не знаю; мои ноги не таковы, какъ ноги другихъ женщинъ.

Въ глазахъ его блеснуло удовлетвореніе, но, кромѣ этого, онъ ничѣмъ не обнаружилъ своего чувства.

— Волосы твои черны, какъ и у другихъ женщинъ; но замѣтила ли ты, что они гораздо мягче и нѣжнѣе, чѣмъ волосы другихъ женщинъ?

— Я замѣтила,—отвѣтила она кратко, ибо ей

не правился такой холодный разборъ ея тѣлесныхъ недостатковъ.

— Уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я взялъ тебя отъ твоего народа, — продолжалъ онъ, — а ты такъ же робка и стыдлива, и такъ же боишься меня, какъ въ тотъ день, когда я впервые посмотрѣлъ на тебя. Отчего это такъ?

Ли-Ванъ поникла головой.

— Я боюсь тебя, Канимъ!.. Ты такой большой, странный... И, затѣмъ, прежде чѣмъ ты взглянулъ на меня, я боялась всѣхъ молодыхъ мужчинъ. Я не знаю... я не могу сказать... только кажется мнѣ почему-то, что я не для нихъ; какъ-будто...

— Ну? — нетерпѣливо проговорилъ онъ.

— Какъ будто они не того рода, что я.

— Не твоего рода? — спросилъ онъ медленно. — Тогда, каковъ же твой родъ?

— Я не знаю; я... — Она растерянно покачала головою. — Я не могу выразить словами, что я чувствую. Во мнѣ какая-то странность. Я была не похожа на другихъ дѣвушекъ, которыя исподтишка выбирали себѣ мужчинъ; мнѣ не нужны были мужчины такимъ образомъ. Мнѣ казалось, что это было бы дурно, и я сдѣлала бы дурное дѣло.

— Какое твое самое первое воспоминаніе; кого ты помнишь? — вдругъ рѣзко спросилъ Канимъ.

— Поу-Вахъ-Каанъ, мою мать.

— И никого раньше твоей матери?

— Никого.

Но Канимъ, глядя ей пристально въ глаза, искалъ ея тайную душу и видѣлъ, что она мелькаетъ въ нихъ.

— Думай, думай сильно; Ли-Ванъ!—въ его голосъ слышалась угроза.

Она колебалась, и въ ея глазахъ виднѣлась трогательная мольба; но его воля поработчала ее и вынуждала говорить.

— Но это были только сны и видѣнія, Канимъ; дурные сны дѣтства, тѣни нереальныхъ вещей, такія видѣнія, напримѣръ, какія видятъ собаки, спящія на солнцепекѣ и лающія и визжащія во снѣ.

— Расскажи мнѣ о нихъ,—приказаль онъ;—расскажи о вещахъ, которыя ты видѣла раньше Поу-Вахъ-Каанъ, твоей матери.

— Это—забытыя воспоминанія,—протестовала она.—Когда я была ребенкомъ, я грезила наяву, съ открытыми глазами, и когда я рассказывала о странныхъ вещахъ, которыя я видѣла, всѣ надо мной смѣялись, а другія дѣти боялись меня и убѣгали отъ меня. И когда я рассказывала о вещахъ, которыя я видѣла, моей матери Поу-Вахъ-Каанъ, то она бранила меня и говорила, что онѣ были отъ злого духа; она также и била меня. Я думаю, что это была болѣзнь, какъ падучая болѣзнь, которая случается со стариками; и когда я выросла, я перестала грезить. И теперь... я не могу припомнить, —она смущенно дотронулась до лба рукою, —они гдѣ-то здѣсь, но я не могу ихъ найти, только...

— Только... —повторилъ Канимъ, подбадривая ее.

— Только помню одну вещь. Но ты станешь смѣяться надъ этой глупостью, такъ она нереальна.

— Нѣтъ, Ли-Ванъ. Сны есть сны. Они могутъ

быть воспоминаніями о другихъ жизняхъ, въ которыхъ мы жили. Я былъ когда-то оленемъ. Я твердо вѣрю, что я былъ когда-то оленемъ, судя по тому, что мнѣ снилось и что я слышалъ.

Хотя онъ старался скрыть это, но видно было, что его охватывала тревога; однако, Ли-Вань съ усиленіемъ искала слова, чтобы описать свое видѣніе, и не обратила на это вниманія.

— Я вижу пространство съ утопаннымъ снѣгомъ между деревьями,—начала она,—и на снѣгу человѣка, который съ трудомъ притащился туда на колѣняхъ, опираясь на руки. И я вижу этого человѣка въ снѣгу и кажется, что онъ очень близокъ мнѣ. Онъ не похожъ на реальныхъ людей, потому что у него на лицѣ волосы и голова его желтая, какъ лѣтняя шерсть у ласки. Его глаза закрыты, но ни открываются и ищутъ что-то вокругъ. Они голубые, какъ небо, и смотрятъ въ мои и не ищутъ больше ничего. И его рука поднимается, медленно, какъ-будто отъ слабости, и я чувствую...

— Ну,—хрипло, прошептала Канимъ.—Что ты чувствуешь?..

— Нѣтъ, нѣтъ!—послѣпно вскричала она.—Я ничего не чувствую. Развѣ я сказала «чувствую»? Я не то хотѣла сказать. Не можетъ быть, что я хотѣла это сказать. Я вижу, я только вижу, и вижу только человѣка въ снѣгу, съ глазами, какъ небо, и съ волосами, какъ шерсть у ласки. Я видѣла это много разъ и всегда то же самое—человѣка въ снѣгу...

— А ты видишь самое себя?—спросилъ онъ, наклоняясь впередъ и напряженно глядя на нее.—

Видѣла ли ты когда-нибудь себя около человѣка на снѣгу?

— Почему я должна видѣть самое себя? Развѣ я не реальна?

Онъ съ облегченіемъ откинулся назадъ, и въ глазахъ его появилось ликующее выраженіе; но онъ отвелъ ихъ въ сторону, чтобы она не замѣтила его радости.

— Я скажу тебѣ, Ли-Ванъ,—сказалъ онъ рѣшительно:—ты была маленькой птичкой въ прежней жизни, совѣмъ маленькой птичкой, когда ты видѣла всѣ эти вещи, память о которыхъ еще сохранилась въ тебѣ. Я былъ когда-то оленемъ, а отецъ моего отца потомъ сталъ медвѣдемъ; такъ сказалъ шаманъ, а шаманъ не можетъ лгать. Такимъ образомъ, на пути боговъ мы переходимъ изъ жизни въ жизнь, и только боги знаютъ и понимаютъ это. Сны и тѣни сновъ это—воспоминанія, и больше ничего; и собака, спящая на солнцѣ и визжащая во снѣ, несомнѣнно видитъ и вспоминаетъ о вещахъ, которыя она видѣла раньше. Нашъ Башъ, вѣроятно, былъ прежде воиномъ. Я твердо вѣрю, что онъ былъ прежде воиномъ.

Канимъ бросилъ костью въ животное и всталъ на ноги.

— Ну, намъ пора итти. Солнце еще горячо, но оно скоро станетъ прохладнѣе.

— А эти бѣлые люди, каковы они изъ себя?—осмѣлилась спросить Ли-Ванъ.

— Они такіе же, какъ ты и я,—отвѣтилъ онъ,—только у нихъ не такая темная кожа. Ты будешь между ними прежде, чѣмъ день умретъ.

Канимъ привязалъ одѣяло къ своему тюку въ сто пятьдесятъ фунтовъ, намазалъ лицо мокрой глиной и сѣлъ отдыхать, пока Ли-Ванъ нагружала собакъ. Оло униженно замахалъ хвостомъ, когда увидѣлъ въ ея рукахъ палку, и не противился, когда къ нему пристегивали его ношу въ сорокъ фунтовъ. Но Башъ свирѣпо огрызался и не могъ не визжать и не рычать, когда его заставили нести поклажу. Онъ оцетинивалъ шерсть и скалилъ зубы, когда она затягивала на немъ ремни, и всю свою злобу сосредоточивалъ во взглядахъ, которые онъ бросалъ на нее. А Канимъ расхохотался и сказалъ :

— Развѣ я не говорилъ, что онъ былъ когда-то великимъ воиномъ?

— Эти мѣха должны принести намъ хорошую цѣну,—замѣтилъ онъ, поправляя ремень на головѣ и поднимая свой тюкъ съ земли.—Большую цѣну. Бѣлые люди платятъ хорошо за такія вещи, потому что, у нихъ нѣтъ времени охотиться и они слишкомъ чувствительны къ холоду. Скоро мы будемъ пировать, Ли-Ванъ, какъ ты не пировала никогда во всѣхъ жизняхъ, въ которыхъ ты жила раньше.

Она пробормотала нѣсколько словъ благодарности за любезность своего господина, наклоняясь, чтобы поднять поклажу.

— Въ слѣдующій разъ я рожусь бѣлымъ человекомъ,—прибавилъ онъ, и пустился внизъ по дорогѣ, которая вела въ ущелье.

Собаки слѣдовали по его пятамъ, а Ли-Ванъ замыкала шествіе. Но ея мысли были далеко-далеко; онѣ унеслись къ востоку, за ледяныя горы,

въ тотъ маленькій уголокъ земли, въ которомъ она провела свое дѣтство. Она, будучи еще ребенкомъ, помнила, что на нее смотрѣли, какъ на дѣвочку странную, одержимую какою-то болѣзнью. Дѣйствительно, она грезила наяву, и ее бранили и били за тѣ удивительныя видѣнія, которыя она видѣла до тѣхъ поръ, пока она не выросла и не перестала ихъ видѣть. Но и тогда она не совсѣмъ перестала ихъ видѣть. Хотя она не видѣла ихъ наяву, но зато они являлись ей во снѣ даже и теперь, когда она была уже взрослой женщиной, и ночи ея были наполнены кошмарами съ колеблющимися тѣнями, неопредѣленными и непонятными. Разговоръ съ Канимомъ привелъ ее въ возбужденіе, и, спускаясь по извиистой дорогѣ перевала, ей все время вспоминались странныя, фантастическія картины ея грезъ.

— Отдохнемъ немного,—сказалъ Канимъ, когда они прошли полъ-дороги по берегу рѣчки.

Онъ положилъ свой тюкъ на выступавшій уступъ, снялъ съ головы ремень, поддерживавшій его ношу, и сѣлъ. Ли-Ванъ послѣдовала его примѣру, и собаки растянулись на землѣ возлѣ нихъ, тяжело дыша и высунувъ языки. У ихъ ногъ струился ледниковый ручеекъ, но вода въ немъ была грязна и мутна, точно въ нее насыпали земли.

— Почему вода такая мутная?—спросила Ли-Ванъ.

— Потому, что бѣлые люди работаютъ въ землѣ. Слушай!—Онъ поднялъ руку и, прислушавшись, они услышали стукъ лопаты и кирки и звуки человѣческихъ голосовъ.—Ихъ съ ума свело золото,

и они, не переставая, работаютъ, чтобы найти его. Что такое золото? Оно—желтое и находится въ землѣ, и считается очень цѣннымъ. Оно также служить мѣрою цѣнъ.

Но блуждающіе глаза Ли-Вань обратили на себя его вниманіе. Въ нѣсколькихъ ярдахъ ниже отъ нихъ виднѣлась, наполовину скрытая молодой зарослью сосенъ, бревенчатая хижина, покрытая земляной крышей. Дрожь пробѣжала по тѣлу Ли-Вань, и всѣ призраки ея грезъ вдругъ ожили и зашевелились передъ нею.

— Канимъ,—прошептала она въ тоскливомъ предчувствіи.—Канимъ, что это?

— Это—вигвамъ бѣлаго человѣка, въ которомъ онъ ѣсть и спать.

Она, не отрывая глазъ, смотрѣла на хижину, схватывая взглядомъ всѣ ея достоинства, и снова вздрогнула отъ необъяснимаго чувства, которое поднимало въ ней это зрѣлище.

— Въ ней должно быть тепло во время мороза,—сказала она вслухъ и въ то же время почувствовала, что ей хочется произнести губами какіе-то странные звуки.

Она чувствовала, что она должна произнести ихъ, но не произнесла, и въ слѣдующій затѣмъ моментъ Канимъ сказалъ:

— Это называется «домъ».

Ея сердце вдругъ заколотилось въ груди. Тѣ звуки! Тѣ самые звуки! Она смотрѣла вокругъ себя съ внезапнымъ страхомъ. Какъ могла она знать это странное слово, когда она его никогда не слышала? Что такое съ нею? И затѣмъ, вдругъ, сразу

испугавшись и обрадовавшись, она поняла, что въ первый разъ въ ея жизни ея грезы оказались имѣющими и значеніе и смѣсль.

«Домъ»,—повторила она про себя,—«домъ». Несвязный потокъ видѣнныхъ ею сновъ росъ и ширился передъ ея глазами до тѣхъ поръ, пока голова ея не закружилась и сердце, казалось, готово было лопнуть. Тѣ же туманныя очертанія странныхъ предметовъ и неясныя ассоціаціи мелькали и кружились въ ея мозгу, и она тщетно старалась уловить ихъ и удержать въ своемъ сознаніи. Ибо она чувствовала, что тамъ, въ этихъ неуловимыхъ воспоминаніяхъ, находится ключъ къ загадкѣ; если бы она могла ихъ уловить и удержать, то все стало бы тогда просто и ясно...

— О, Канимъ! О, Поу-Вахъ-Каанъ! О, тѣни и призраки, что это такое?—Она обернулась къ Каниму, дрожа, не въ состояніи выговорить ни одного слова, между тѣмъ какъ картины ея сновъ бѣшено кружились передъ ея глазами. Она теряла сознаніе и могла только слышать восхитительные звуки, которые неслись изъ хижины съ удивительнымъ ритмомъ.

— Это играютъ на *флейтѣ*,—удостоилъ ее разъясненіемъ Канимъ.

Но она не слышала его, потому что въ томъ экстазѣ, въ которомъ, она находилась, ей показалось, что, наконецъ, все ей стало яснымъ. «Вотъ, вотъ, наконецъ!»—думала она. Внезапно глаза ея увлажнились и слезы потекли по щекамъ. Тайна была разгадана, но ею овладѣвало обморочное состояніе. Если бы она могла продержаться еще не-

много ! Если бы только... но пейзажъ вдругъ наклонился и снова выпрямился, холмы качнулись взадъ и впередъ по небу, и она вдругъ вскочила на ноги и закричала изо всѣхъ силъ: «*Папа! Папа!*»; затѣмъ и солнце вдругъ покачнулось и ее охватила тѣма, и она упала головою впередъ на камни.

Канимъ посмотрѣлъ, не сломана ли у нея шея тяжелыми тюками, одобрительно промычалъ что-то и началъ брызгать ей въ лицо водою изъ рѣчки. Она медленно пришла въ себя и, рыдая, сѣла.

— Это нехорошо, когда солнце печетъ прямо въ голову,—сказалъ онъ, наконецъ.

И она отвѣтила:

— Да, это нехорошо, и тюкъ очень тяжело нести.

— Мы рано сдѣлаемъ привалъ, чтобы мы могли выспаться и набраться силъ,—сказалъ, онъ мягко.—И если мы пойдемъ сейчасъ, то мы скорѣе можемъ лечь спать.

Ли-Ванъ ничего не сказала, но послушно встала и подняла собакъ. Она механически послѣдовала за своимъ мужемъ и прошла вмѣстѣ съ нимъ мимо хижины, еле осмѣливаясь дышать. Но оттуда не слышно было больше никакихъ звуковъ, хотя дверь была открыта и дымъ клубами вился изъ желѣзной трубы.

На поворотѣ рѣки они подошли къ человѣку, у котораго была бѣлая кожа и голубые глаза, и одинъ моментъ Ли-Ванъ увидала другого человѣка въ снѣгу. Но она видѣла это смутно, потому что была слаба и утомлена всѣмъ тѣмъ, что сегодня переживала. Все же она смотрѣла на него съ любо-

пытствомъ и остановилась съ Канимомъ, чтобы по-смотреть, какъ онъ работаетъ. Онъ перемывалъ песокъ въ большомъ жестяномъ тазу, безпрестанно вращая его въ одну сторону, затѣмъ ловкимъ движеніемъ встряхнулъ тазъ и они увидѣли на днѣ его широкую полосу желтаго золотого песку.

— Очень богатая эта рѣчка,—сказалъ ей Канимъ, когда они пошли дальше.—Когда-нибудь я найду такую рѣчку, и тогда я стану большимъ человѣкомъ.

Хижины и люди встрѣчались все чаще и чаще, пока они не пришли къ тому мѣсту, гдѣ находился главный центръ розсыпей. Онъ представлялъ собою картину чудовищнаго переворота и разрушенія. Повсюду земля была взрыта и взорвана, какъ бы усиліями титановъ. Вся мѣстность была покрыта высокими кучами песку и щебня; зіяли глубокія ямы. Даже русло рѣки было высушено и перерыто; воды были запружены и направлены во все стороны въ особыя канавы, образуя въ низкихъ мѣстахъ небольшіе пруды. На холмахъ были уничтожены все деревья и ихъ обнаженные склоны были изрѣзаны огромными желобами для спуска лѣса и изрыты траншеями золотоискателей. И надъ всеѣмъ этимъ, подобно какой-то чудовищной породѣ муравьевъ, была разсыпана цѣлая армія людей—грязныхъ, покрытыхъ глиною, растрепанныхъ; они вползали въ ямы и выползали изъ галлерей, выкопанныхъ ими самими; хлопотали, какъ муравьи, вокругъ канавъ, и трудились въ потѣ лица надъ кучами песку, которыя они безпрестанно пересыпали съ мѣста на мѣсто. И люди были повсюду,

сколько только можно было охватить глазомъ; они были даже на самой верхней линіи холмовъ, и повсюду они копали, взрывали и бороздили лицо природы.

Ли-Ванъ была потрясена произведеннымъ ими разрушеніемъ.

— Дѣйствительно, эти люди сумасшедшіе, — сказала она Каниму.

— Что же удивительнаго? Золото, которое они копаютъ, великая вещь, — отвѣтилъ онъ. — Это — величайшая вещь на свѣтѣ!

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ они проходили этотъ хаосъ, порожденный алчностью; при этомъ Канимъ относился къ нему съ жаднымъ вниманіемъ, а Ли-Ванъ разсѣянно и равнодушно. Она чувствовала, что она находится наканунѣ какого-то открытія; но нервное напряженіе, которое она пережила, утомило ее и она пассивно ждала чего-то, что должно было случиться, но сама не знала чего. Со всѣхъ сторонъ ея внѣшнія чувства воспринимали безчисленныя впечатлѣнія, изъ которыхъ каждое только тупо раздражало ея утомленное воображеніе. Гдѣ-то внутри нея внѣшнія впечатлѣнія находили отзвукъ, между нею и ими снова устанавливалось какое-то давно забытое соотношеніе и она чувствовала это, но какъ-то равнодушно; душа ея была глубоко потрясена, но въ ней не было достаточно умственной силы, чтобы претворить въ себѣ все это и понять. Она устало брела по стопамъ своего господина, и съ удовлетвореніемъ ждала того, что, она знала, должно было гдѣ-то и какъ-то случиться.

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книгъ при чтеніи.

Побывавъ въ рабствѣ обезумѣвшаго человѣка, рѣчка затѣмъ снова возвращалась въ свое старое русло, затемненная и загрязненная его работой, и лѣниво извивалась между широкими отмелями и лѣсистыми берегами, гдѣ у устья ея расширялась долина. Здѣсь въ пескѣ больше не было золота и люди сюда не ходили. Вдругъ, когда Ли-Ванъ остановилась, чтобы подтолкнуть Оло своей палкой, она услышала серебристый женскій смѣхъ. Передъ хижиной сидѣла женщина съ свѣтлой кожей и вся розовая, какъ ребенокъ, и улыбалась словамъ другой женщины, которая стояла въ дверяхъ. И сидѣвшая женщина тряхнула массой роскошныхъ, темныхъ, мокрыхъ волосъ, которые она сушила подъ теплыми ласками солнца.

На мгновеніе Ли-Ванъ остановилась, какъ вкопанная. Затѣмъ что-то точно блеснуло въ ея глазахъ, что-то ударило въ голову, предъ нею упала какая-то завѣса, и женщина передъ хижиной исчезла, исчезла и сама хижина, высокій сосновый лѣсъ и зубчатая линія горизонта, и Ли-Ванъ увидѣла передъ собою другую женщину, при блескѣ другого солнца, съ громкимъ пѣніемъ расчесывавшую массу своихъ черныхъ волосъ. И Ли-Ванъ слышала слова пѣсни, и понимала ихъ и была снова ребенкомъ. Она была поражена этимъ видѣніемъ, въ которомъ тонули всѣ ея безпокойныя грезы, и безформенныя тѣни получили опредѣленный, привычный видъ и все снова становилось просто и реально. Много картинъ проносилось въ ея мозгу; странные пейзажи, деревья, цвѣты, люди; и она видѣла ихъ и знала ихъ всѣхъ.

— Когда ты была птичкой, маленькой птичкой...—сказалъ Канимъ, устремивъ на нее горящій взоръ.

— Когда я была маленькой птичкой...—прошептала она такъ тихо, что онъ еле разслышалъ. Но она знала, что теперь она лжетъ; медленно стала надѣвать на голову ремень и снова пустилась въ путь.

Но страннѣе всего было то, что реальное теперь стало какъ бы нереальнымъ. Путешествіе по лѣснымъ тропамъ и остановки на берегу ручьевъ казались ей теперь кошмаромъ. Она жарила мясо, кормила собакъ и снимала съ нихъ ношу, какъ во снѣ, и пришла въ себя только тогда, когда Канимъ сталъ рисовать ей планъ своего слѣдующаго путешествія.

— Клондайкъ впадаетъ въ Юконъ,—говорилъ онъ.—Это могучая рѣка, болѣе могучая, чѣмъ Макэнзи, которую ты знаешь. И мы пойдёмъ, ты и я, въ фортъ Юконъ. Съ собаками въ зимнее время это беретъ двадцать сновъ. Затѣмъ мы пойдёмъ по Юкону на западъ—сто сновъ или двѣсти, я никогда объ этомъ не слыхалъ. Это очень далеко. И тогда мы придемъ къ морю. Ты ничего не знаешь о морѣ, такъ я тебѣ сейчасъ расскажу. Какъ озеро относится къ острову, такъ море къ землѣ; всѣ рѣки бѣгутъ въ него и ему нѣтъ конца. Я видѣлъ его у Гудзонова залива; я долженъ видѣть его еще въ Аляскѣ. И тогда мы можемъ взять на морѣ большую пирогу, ты и я, Ли-Ванъ, или можемъ пойти по землѣ къ югу много сотенъ сновъ. А что дальше... но только я—Канимъ-Лодка,

и я долженъ странствовать и далеко путешествовать по всей землѣ!

Она сидѣла и слушала, и страхъ заползалъ въ ея сердце, когда она представляла себѣ это путешествіе по безконечной пустынѣ!

— Это—очень утомительная дорога, — сказала она только, опустивъ голову на колѣни въ знакъ покорности.

Затѣмъ ей пришла въ голову великолѣпная мысль, отъ которой она пришла въ большое возбужденіе. Она пошла къ рѣкѣ и смыла всю глину со своего лица. Когда рябь улеглась, она долго разсматривала свое отраженіе въ водѣ; но солнце и вѣтеръ сдѣлали свое дѣло, и, въ отношеніи цвѣта и мягкости, ея кожа не напоминала нѣжной кожи ребенка. Но мысль ея все же была великолѣпна, и ея возбужденіе не улеглось, когда она залѣзала вмѣстѣ съ мужемъ въ ихъ спальный мѣшокъ.

Она лежала съ открытыми глазами, устремленными на синее небо, и ожидала, чтобы Канимъ погрузился въ первый глубокой сонъ. Когда это, наконецъ, случилось, она осторожно вылѣзла изъ мѣшка, заботливо подоткнула его и встала на ноги. Башъ грозно зарычалъ. Она шепотомъ приказала ему молчать и посмотрѣла на Канима. Но тотъ звонко храпѣлъ. Тогда она повернулась и быстрыми, безшумными шагами побѣжала назадъ по тропинкѣ.

Миссисъ Эвелинъ Ванъ-Викъ собиралась лечь спать. Наскучивъ обязанностями, которыя

возлагало на нее ея положеніе въ обществѣ, она воспользовалась своимъ богатствомъ и благословеннымъ вдовствомъ, поѣхала на Дальній Сѣверъ и поселилась въ уютной хижинѣ на самой границѣ раскопокъ. Здѣсь, вмѣстѣ со своимъ другомъ и компаньонкой Миртль Гиддингсъ, она занималась игрой въ примитивную жизнь на лонѣ дикой природы. Она стремилась уйти отъ людей своего круга, созданныхъ путемъ искусственного подбора въ гостиныхъ, въ теченіи многихъ поколѣній, и вновь приблизиться къ землѣ, отъ которой отошли ея предки. Это вызывало въ ней новыя настроенія, и она вполне искренно считала ихъ похожими на тѣ, которыя испытывали люди каменнаго вѣка. Даже теперь, причесываясь на ночь, она создавала въ воображеніи картины любви палеолитической эпохи. Въ этихъ картинахъ были и пещерныя жилища, и свирѣпыя хищники, и волосатые мамонты, и битвы при помощи оружія изъ полированного камня. Эвелинъ какъ разъ бѣжала черезъ лѣсъ, преслѣдуемая низколобымъ, полуодѣтымъ поклонникомъ, когда внезапно раскрылась дверь и въ хижину, не постучавшись, вошла дикая, первобытная женщина, одѣтая въ звѣриныя шкуры.

— Боже мой!

Однимъ прыжкомъ, который сдѣлалъ бы честь даже заправской пещерной женщинѣ, миссъ Гиддингсъ очутилась въ безопасномъ мѣстѣ за столомъ. Но миссисъ Ванъ-Викъ осталась на мѣстѣ. Она замѣтила, что вопедшая была сильно возбуждена и поэтому бросила быстрый взглядъ назадъ, чтобы убѣдиться, что отступленіе къ кушеткѣ, гдѣ за

подушкой лежалъ большой кольтовскій револьверъ, было свободно.

— Привѣтъ тебѣ, о женщина! чудныхъ волосъ,—сказала Ли-Ванъ.

Но она сказала это на своемъ собственномъ языкѣ, на которомъ говорили только въ маленькомъ уголкѣ земли, и женщины ее не поняли.

— Пойти позвать на помощь?—спросила миссъ Гидингсъ.

— Я думаю, что это бѣдное созданіе неопасно, —отвѣтила миссисъ Ванъ-Викъ.—Взгляните только на ея платье, какое оно оборванное и изношенное. Оно единственное въ своемъ родѣ. Надо купить его для коллекціи. Достаньте, пожалуйста, мой мѣшочекъ съ золотомъ, Миртль, и вѣсы.

Ли-Ванъ слѣдила за губами говорившей, но слова были ей непонятны, и тутъ ей впервые пришло въ голову, что между ними нѣтъ способа сношенія.

Въ глубокомъ отчаяніи она закричала, простирая руки:

— О, женщина, ты одна изъ моихъ сестеръ!—Слезъ побѣжали по ея щекамъ и въ голосѣ слышалась печаль, о которой она не могла имъ рассказать. Но миссъ Гидингсъ дрожала отъ страха и даже миссисъ Ванъ-Викъ была встревожена.

— Я буду жить такъ, какъ вы живете. Твои обычаи будутъ моими обычаями и у насъ будутъ одни обычаи. Мой мужъ Канимъ-Лодка, и онъ большой и странный, и я боюсь его. Его путь идетъ по всему свѣту и никогда не кончается, а я устала. Моя мать была, какъ ты, и ея волосы были, какъ

твой, и глаза тоже. И жизнь моя тогда была легкая и солнце теплое.

Она смиренно стала на колѣни и поклонилась въ ноги миссисъ Ванъ-Викъ. Но миссисъ Ванъ-Викъ отступила назадъ, испуганная ея пылкостью.

Ли-Ванъ стояла, страстно желая говорить. Ея нѣмныя губы не могли выразить понятными звуками ея горячее убѣжденіе въ томъ, что она принадлежитъ къ ихъ роду.

— Продаешь? Ты продаешь?—спросила миссисъ Ванъ-Викъ, ломая языкъ, какъ обыкновенно дѣлають высшіе народы, когда разговариваютъ съ низшими.

Она тронула оборванное мѣховое платье Ли-Ванъ, чтобы показать, что она хочетъ его приобрести и насыпала немного золотого песку въ чашечку въсовъ. Она потрясла золотой песокъ и затѣмъ стала искушающе пересыпать его пальцами. Но Ли-Ванъ видѣла только пальцы, бѣлые и красивые, утончавшіеся къ концамъ и кончавшіеся розовыми, похожими на драгоценные камни ногтями. Она положила рядомъ свою руку, огрубѣвшую отъ работъ и мозолистую, и заплакала.

Миссисъ Ванъ-Викъ не поняла, въ чемъ дѣло.

— Золото,—сказала она ободрительно.—Хорошее золото! Ты продаешь? Хочешь—мѣняй?—И она снова положила руку на мѣховое платье Ли-Ванъ.

— Сколько? Ты продаешь? Сколько?—настаивала она, проводя рукой противъ шерсти, чтобы нащупать рубцы, шитые нитками изъ сухожилий.

Но Ли-Ванъ была попрежнему глуха, и слова

женщины не имѣли для нея никакого значенія. Ужасъ охватилъ ее при сознаніи своей безпомощности. Какимъ образомъ объяснить женщинамъ, кто она? Ибо она знала, что онѣ были одного племени, что онѣ—сестры по крови. Ея глаза дико блуждали по комнатѣ, впиваясь въ мягкія драпри, висѣвшія кругомъ, въ женскія одежды, въ овальное зеркало и красивыя туалетныя принадлежности, лежавшія подъ нимъ. Эти вещи поражали ее, потому что она видѣла ихъ раньше; и когда она смотрѣла на нихъ, ея губы невольно принимали форму того звука, которое ея горло силилось произнести. Вдругъ у нея блеснула мысль, и она сдѣлала усиліе надъ собою. Она должна быть спокойна. Она должна сдержать себя, ибо не должно быть больше недоразумѣній, иначе... и слезы хлынули у нея изъ глазъ, но она опять сдержала себя.

Она положила руку на столъ.

— *Столъ*,—произнесла она ясно и отчетливо.—
Столъ,—повторила она.

Она посмотрѣла на миссисъ Ванъ-Викъ и та утвердительно кивнула головой. Ли-Ванъ возликовала, но сдѣлала усиліе надъ собой и снова успокоилась.

— *Печь*,—продолжала она.—*Печь*.

И при каждомъ утвердительномъ кивкѣ миссисъ Ванъ-Викъ возбужденіе Ли-Ванъ усиливалось. То и дѣло спотыкаясь и останавливаясь, затѣмъ снова лихорадочно спѣша, по мѣрѣ того, какъ забытыя слова приходили ей на память, она двигалась по комнатѣ, называя предметъ за предметомъ. И когда она, наконецъ, остановилась, то на лицѣ

ея было полное торжество; она вся выпрямилась, голова была закинута назадъ и она ждала.

— Кошка,—произнесла, смѣясь, миссисъ Ванъ-Викъ, растягивая слова какъ въ дѣтской школѣ.

— Я вижу—кош-ка ло-вить мышъ.

Ли-Ванъ серьезно кивнула головой. Онѣ, эти женщины, начинали понимать ее, наконецъ. Кровь залила ея смуглыя щеки при этой мысли, и она улыбнулась и усердно закивала головой.

Миссисъ Ванъ-Викъ обратилась къ своей компаньонкѣ.

— Повидимому, она получила поверхностное образование въ какой-нибудь мисси и пришла показать намъ свои познанія.

— По всей вѣроятности,—согласилась миссъ Гиддингсъ.—Маленькая дурочка! И мы должны жертвовать сномъ ради ея тщеславія!

— Все равно, я хочу ея кофту. Она дѣйствительно старинная и работа хороша; это—великолепнѣйшій образецъ.—Она обратилась къ своей посѣтительницѣ.—Мѣняй, мѣняй? Ты! Мѣняй, мѣняй? Сколько? А? Сколько?

— Можетъ-быть, она предпочитаетъ получить платье или что-нибудь другое,—сказала миссъ Гиддингсъ.

Миссисъ Ванъ-Викъ подошла къ Ли-Ванъ и знаками показала, что она хочетъ вымѣнять свой капоть на ея кофту. И, чтобы подвинуть дѣло впередъ, она взяла руки Ли-Ванъ и, положивъ ее между кружевами и лентами на свою пышную грудь, провела ея пальцами вверхъ и внизъ, чтобы та могла пощупать, какъ мягка ткань. Но усы-

панная драгоценными камнями бабочка, которой небрежно было приколото платье у ворота, отступилась, одна пола платья откинулась и обнажила крѣпкую бѣлую грудь, которую никогда не сосали дѣтскія губы.

Миссисъ Ванъ-Викъ спокойно поправила платье. Но Ли-Ванъ испустила громкій крикъ, стала рвать свою мѣховую сорочку и, наконецъ, обнажила собственную грудь, такую же крѣпкую и бѣлую, какъ у Эвелинъ Ванъ-Викъ.

Бормоча что-то непонятное и быстро жестикулируя, она вновь пыталась объяснить свое родство съ ними...

— Полукровка,—пояснила миссисъ Ванъ-Викъ.—Я подумала это, глядя на ея волосы.

Миссъ Гиддингсъ сдѣлала презрительный жестъ.

— Гордитесь бѣлой кожей своего отца. Это противно! Дайте ей что-нибудь, Эвелинъ, и пусть она идетъ себѣ.

Но ея подруга вздохнула.

— Бѣдное созданіе, я бы хотѣла ей какъ-нибудь помочь.

Снаружи послышались тяжелые шаги. Затѣмъ дверь хижины распахнулась и Канимъ смѣло вошелъ въ комнату. Миссъ Гиддингсъ подумала, что она погибла и дико закричала; но миссисъ Ванъ-Викъ спокойно посмотрѣла на вошедшаго.

— Что вамъ нужно?—спросила она.

— Здравствуй!—вѣжливо отвѣтилъ Канимъ и, указывая на Ли-Ванъ, прибавилъ:—моя жена.

Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но Ли-Ванъ замала на него рукой.

— Говори Канимь! Скажи имъ, что я...

— Дочь Поу-Вахъ-Каанъ? Нѣтъ, зачѣмъ имъ это, развѣ имъ это нужно? Лучше я имъ скажу, что ты плохая жена и убѣгаешь изъ постели твоего мужа, когда онъ крѣпко спитъ.

Онъ снова хотѣлъ подойти къ ней, но она отскочила отъ него и, подбѣжавъ къ миссисъ Ванъ-Викъ, бросилась къ ея ногамъ и стала страстно молить ее о чемъ-то, стараясь обнять ея колѣни. Но та отступила назадъ и глазами указала на нее Каниму. Онъ схватилъ Ли-Ванъ подъ мышки и поставилъ ее на ноги. Но она въ безумномъ порывѣ отчаянія стала бороться съ нимъ. Онъ тяжело дышалъ отъ усилій удержать ее.

— Пусти меня, Канимь,—рыдала она.

Но онъ скрутилъ ея руки такъ, что она перестала сопротивляться.

— Воспоминанія маленькой птички были черзчуръ сильны и надѣлали бѣды,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь я знаю! Я знаю,—вскричала она.—Я вижу человѣка въ снѣгу и ясно, какъ никогда раньше; я вижу, какъ онъ ползетъ на рукахъ и на колѣняхъ. И я, маленькое дитя, сижу у него на спинѣ. И это было до Поу-Ванъ-Каанъ и до того времени, когда я пришла жить въ маленькій уголокъ земли.

— Ты знаешь,—отвѣтилъ онъ, направляя ее къ двери,—но ты должна итти со мною къ Юкону забыть это.

— Никогда я не забуду! До тѣхъ поръ, п моя кожа будетъ бѣлой, я не забуду.—Она съ чаяніемъ уцѣпилась за дверь и посмотрѣла съ

надежною мольбою на миссисъ Эвелинъ Ванъ-Викъ.

— Тогда я научу тебя, какъ забыть,—я, Канимъ-Лодка!

Съ этими словами онъ схватилъ ея руки, разжалъ ея пальцы, уцѣпившіеся за притолку двери, и потащилъ ее съ собою на дорогу.

ЛИГА СТАРИКОВЪ.

ЛИГА СТАРИКОВЪ.

Въ помѣщеніи казармъ судили челоуѣка за преступленіе, за которое полагается смертная казнь. Это былъ старикъ туземецъ съ рѣки Бѣлой Рыбы, впадающей въ Юконъ пониже озера Лебаржъ. Не только весь Даусонъ волновался изъ-за этого дѣла, но и всѣ живущіе вверхъ и внизъ по Юкону на разстояніи многихъ тысячъ миль. Англо-саксонцы, грабящіе направо и налево земли и моря, обыкновенно пріучаютъ завоеванные ими народы къ законности, и часто эти законы бываютъ суровы. Въ случаѣ Имбера законъ еще разъ оказался недостаточно суровымъ.

Въ данномъ случаѣ математическаго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ не могло быть, ибо хотя Имберу грозила смертная казнь, но у него была всего одна жизнь, въ то время какъ преступленій имъ было совершенно великое множество.

Въ самомъ дѣлѣ, руки его обагрятъ кровь такого множества людей, что невозможно было въ точности даже исчислить всѣ приписываемыя ему убійства. Покуривая трубки во время отдыха въ пути, или собравшись вокругъ печки, пионеры часто дѣлали приблизительный подсчетъ тѣмъ, которые погибли отъ его руки. Это были все бѣлые, и ихъ убивали и въ одиночку, и по два заразъ, и цѣлыми партіями. И всѣ эти убійства были до

того безцѣльны и безпричинны, что они долго являлись загадкой для конной полиціи сѣверо-западной территоріи.

Но болѣе всего непонятнымъ было прибытіе самого Имбера въ Даусонъ, чтобы отдаться въ руки властей. Случилось это позднею весною, когда Юконъ бурлилъ и метался подъ своею ледяной корою, и старый индѣецъ, съ трудомъ выбравшись на берегъ съ рѣчной дороги, стоялъ, моргая отъ солнца, на главной улицѣ города. Видѣвшіе, какъ онъ поднимался, замѣтили, что онъ былъ слабъ и шатался и что онъ съ трудомъ добрался до кучи бревенъ и сѣлъ на нихъ. Онъ сидѣлъ тамъ цѣлый день, глядя прямо передъ собою на непрерывный потокъ проходившихъ передъ нимъ бѣлыхъ людей. Многіе съ любопытствомъ оглядывались на стараго сиваша и многихъ смущалъ этотъ неподвижный чело-вѣкъ съ такимъ страннымъ взглядомъ. Многіе потомъ вспоминали, что они были поражены его необыкновенной вѣшностью и хвастались тѣмъ, что они сразу угадали въ немъ нѣчто выходящее изъ ряда вонъ.

Но только Дикенсену, маленькому Дикенсену, выпало на долю стать героемъ этого дѣла. Маленькій Дикенсенъ явился въ страну съ большими мечтами и полнымъ карманомъ денегъ; но мечты исчезли вмѣстѣ съ деньгами, и, чтобы раздобыть средства на обратный путь въ Штаты, онъ поступилъ клеркомъ въ комиссіонную контору «Гольбрукъ и Мейсонъ». Черезъ улицу, противъ конторы «Гольбрукъ и Мейсонъ», была сложена та куча бревенъ, на которой сидѣлъ Имберъ. Дикенсенъ

смотрѣлъ на него изъ окна, пока не настало время итти завтракать; но когда онъ пришелъ назадъ послѣ завтрака и посмотрѣлъ въ окно, то старѣй сивашъ все еще сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.

Дикенсенъ продолжалъ поглядывать въ окно, и тоже послѣ гордился своимъ умѣніемъ распознавать людей. Это былъ парень съ нѣскольکو романтической складкою ума, и онъ сравнилъ неподвижнаго стараго язычника съ геніемъ сивашской расы, спокойно взирающимъ на тѣму англо-саксовъ, наводнившихъ страну. Часы шли, но Имберъ не мѣнялъ своей позы и не двинулъ ни однимъ мускуломъ; и Дикенсенъ вспомнилъ чело-вѣка, который, однажды, сидѣлъ такъ же прямо на саняхъ на главной улицѣ, гдѣ люди безпре-станно ходили взадъ и впередъ. Они думали, что этотъ чело-вѣкъ отдыхаетъ, но когда дотронулись до него, то оказалось, что онъ уже совершенно окоченѣлъ—онъ замерзъ посреди шумной улицы города. Чтобы разогнуть его для того, чтобы положить въ гробъ, они должны были притащить его къ костру и оттаять тѣло у огня. Дикенсенъ весь вздрогнулъ при этомъ воспоминаніи.

Нѣскольکو времени спустя, Дикенсенъ вышелъ на улицу, чтобы выкурить сигару и освѣжиться; а позже мимо проходила Эмилиа Трависъ. Эмилиа Трависъ была хрупка и изящна и безразлично, въ Лондонѣ ли, или въ Клондайкѣ, одѣвалась, какъ подобаетъ одѣваться дочери миллионера. Маленькій Дикенсенъ положилъ сигару на подоконникъ, чтобы потомъ снова ее взять, и приподнялъ шляпу.

Они весело разговаривали уже въ теченіе десяти

минуть, когда вдругъ Эмилиа Трависъ, взглянувъ черезъ плечо Дикенсена, испуганно вскрикнула. Дикенсенъ обернулся, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и тоже испугался. Имберъ перешелъ улицу, и стоялъ около нихъ, словно высокій, голодный призракъ, устремивъ свой неподвижный взоръ на дѣвушку.

— Что вамъ надо?—ужасно храбро спросилъ его маленькій Дикенсенъ.

Имберъ пробормоталъ что-то и подошелъ къ Эмилиа Трависъ. Онъ сталъ пристально и чрезвычайно внимательно осматривать всю ея фигуру. Повидимому, онъ особенно заинтересовался ея темными, шелковистыми волосами и цвѣтомъ ея щекъ, мягкихъ и покрытыхъ пушкомъ, какъ крылья бабочки. Онъ обошелъ вокругъ нея, оглядывая ее взглядомъ чловѣка, изучающаго лошадь или лодку. Когда его взглядъ упалъ на ея розовое ушко, которое, попавъ между его глазомъ и заходящимъ солнцемъ, просвѣчивало насквозь, онъ остановился, чтобы разсмотрѣть его розовую прозрачность. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на ея лицо и долго смотрѣлъ въ ея голубые глаза. Пробормотавши что-то, онъ положилъ руку на ея предплечье между локтемъ и плечомъ. Другой рукой онъ взялъ ее за кисть и согнулъ ея руку у локтя. Презрѣніе и удивленіе отразились на его лицѣ и онъ опустилъ руку, презрительно бормоча про себя что-то. Затѣмъ онъ произнесъ нѣсколько гортанныхъ слоговъ, повернулся къ ней спиной и обратился къ Дикенсену.

Дикенсенъ не могъ понять, что онъ говорилъ,

и Эмилиа Трависъ разсмѣялась. Имберъ оборачивался поочередно, то къ тому, то къ другому и хмурился, но оба отрицательно качали головами. Онъ уже хотѣлъ уйти, когда она громко позвала:

— О, Джимми! Идите сюда!

Джиммъ, шедшій по другой сторонѣ улицы, подошелъ къ нимъ. Это былъ высокій, молодой индѣецъ, одѣтый въ костюмъ мѣстныхъ бѣлыхъ людей, съ сомбреро на головѣ, словно эльдорадскій король. Онъ началъ разговаривать съ Имберомъ, запинаясь, и какъ будто испытывалъ горловые спазмы. Джимми былъ изъ Ситки и обладалъ только очень поверхностнымъ знаніемъ нарѣчій индѣйцевъ, живущихъ внутри страны.

— Онъ изъ племени Бѣлой Рыбы,—сказалъ онъ Эмилии Трависъ.—Я не много умѣю съ нимъ говорить. Онъ хочетъ видѣть начальника бѣлыхъ.

— Губернатора,—предположилъ Дикенсенъ.

Джимми еще поговорилъ съ Имберомъ и его лицо стало вдругъ серьезно и озадачено.

— Я думаю, онъ хочетъ капитана Александра,—объявилъ онъ.—Онъ говоритъ, онъ убилъ бѣлаго мужчину, бѣлую женщину, бѣлаго мальчика, много убилъ бѣлыхъ людей. Онъ хочетъ умереть.

— Вероятно, сумасшедшій,—сказалъ Дикенсенъ.

— Что значитъ «сумасшедшій»?—спросилъ Джимми.

Дикенсенъ жестомъ показалъ, будто вертитъ пальцемъ себя въ мозгу.

— Можетъ быть, можетъ быть,—сказалъ Джим-

ми, обращаясь снова къ Имберу, который все еще просилъ отвести его къ начальнику бѣлыхъ.

Конный полицманъ присоединился къ группѣ и услышалъ просьбу, повторенную Имберомъ. Это былъ дюжій молодецъ, широкоплечій, съ широкой грудью, съ крѣпкими, стройными ногами и такой высокой, что онъ на полъ-головы былъ выше Имбера, который и самъ былъ очень высокъ. У него были спокойные, внимательные, сѣрые глаза и держался онъ, какъ человекъ, насквозь проникнутый сознаниемъ власти, которую онъ впиталъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Его великолѣпная мужественность еще больше подчеркивалась его молодостью, ибо онъ былъ совсѣмъ молодой юноша, и его пѣжные щеки такъ же быстро покрывались румянцемъ, какъ щеки молодой дѣвушки.

Имберъ тотчасъ же подошелъ къ нему. Огонекъ блеснулъ въ его глазахъ при видѣ прама отъ сабельнаго удара, пересѣкавшаго щеку полицейскаго. Онъ провелъ своей сморщенной рукой по ногѣ молодого парня и ласково потрепалъ его выпуклые мускулы. Затѣмъ постучалъ пальцами по его широкой груди и пощупалъ мускулы, толстой броней покрывавшіе его плечи.

Группа стоявшихъ на тротуарѣ все увеличивалась, ибо къ ней присоединились любопытные прохожіе: смуглые рудокопы, горцы и таможенные солдаты, все сыны длинноногой и широкоплечей бѣлой породы. Имберъ смотрѣлъ то на одного, то на другого, затѣмъ заговорилъ громко на языкѣ Бѣлой Рыбы.

— Что онъ говорить?—спросилъ Дикенсенъ.

— Онъ говоритъ: хорошій, большой, сильный, настоящій мужчина,—объяснилъ Джимми.

Маленькій Дикенсенъ былъ маленькій и, такъ какъ здѣсь была миссъ Трависъ, то онъ пожалѣлъ, что предложилъ этотъ вопросъ.

Полисмэну было жаль его и онъ вывелъ его изъ непріятнаго положенія.

— Возможно, что въ его разсказахъ есть доля правды. Я отведу его къ капитану. Скажите ему, Джимми, чтобы онъ шелъ за мной.

Джимми произвелъ еще нѣсколько горловыхъ спазмъ, Имберъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ и, казалось, остался доволенъ.

— Но спросите его, что онъ сказалъ, и чего онъ хотѣлъ, когда взялъ меня за руку,—спросила Эмилиа Трависъ, и Джимми перевелъ ея вопросъ и получилъ отвѣтъ.

— Онъ говоритъ, что вы не боитесь,—сказалъ Джимми.

Эмилиа Трависъ, повидимому, была довольна этимъ отвѣтомъ.

— Онъ говоритъ, что вы не *скукумъ*, не сильная, что вы мягкая, какъ маленькій ребенокъ. Онъ можетъ васъ сломать руками на нѣсколько кусковъ. Онъ думаетъ, что очень странно и непонятно, какъ можете вы быть матерью такихъ большихъ людей, какъ этотъ полисмэнь.

Эмилиа Трависъ не опустила глазъ, но яркій румянецъ залилъ ея щеки. Маленькій Дикенсенъ тоже покраснѣлъ и пришелъ въ полное замѣшательство. Лицо полисмэна тоже залилось юношескимъ румянцемъ.

— Пойдемъ, что ли,—сказалъ онъ сурово, расталкивая толпу плечомъ и прокладывая себѣ дорогу.

Вотъ такимъ образомъ Имберъ и попалъ въ зданіе казармъ; тамъ онъ сдѣлалъ полное и чисто-сердечное признаніе и уже болѣе никогда не выходилъ изъ его предѣловъ.

Имберъ казался очень утомленнымъ. Утомленіе отъ безнадежности и старости было написано на его лицѣ. Его плечи опустились и въ глазахъ не было блеска. Остатки его волосъ должны были бы быть бѣлыми, но солнце и непогода оказали на нихъ свое дѣйствіе, и они висѣли жидкими, безцвѣтными прядями. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ тому, что происходило вокругъ него. Зала суда была переполнена людьми со всѣхъ сосѣднихъ промысловъ, и въ гулъ и ропотъ голосовъ слышна была зловѣщая нота; но его уху весь этотъ гулъ казался похожимъ на ревъ моря, бурливаго въ какихъ-нибудь глубокихъ кавернахъ.

Онъ сидѣлъ возлѣ окна и его апатичный взглядъ время отъ времени обращался на мрачную картину за окномъ. Небо низко нависло надъ землей и моросилъ сѣрый, мелкій дождикъ. Это было время разлива Юкона. Ледъ прошелъ и рѣка наводнила городъ. На главной улицѣ взадъ и впередъ шмыгали лодки и баркасы, наполненные людьми, которые никогда не отдыхали. Часто онъ видѣлъ, что эти люди сворачивали съ главной улицы и заѣзжали на залитую водою площадь передъ

казармами, служившую для парадовъ. Иногда они исчезали подъ его окномъ, и онъ слышалъ, какъ лодка толкалась о бревна дома и люди, сидѣвшіе въ ней, карабкались вверхъ и влѣзали въ казармы черезъ окно. Послѣ этого слышался плескъ воды вокругъ ногъ людей, когда они брели по нижней комнатѣ, наполненной водой и затѣмъ подымались вверхъ по лѣстницѣ. Затѣмъ они появлялись въ дверяхъ съ шляпами въ рукахъ и въ высокихъ сапогахъ, съ которыхъ текла вода, и присоединялись къ ожидавшей толпѣ!

И въ то время, какъ всѣ взоры сосредоточивались на немъ и въ нихъ свѣтилось злое чувство удовлетворенія отъ сознанія, что ему предстоитъ тяжелое наказаніе, Имберъ смотрѣлъ на нихъ и размышлялъ объ ихъ обычаяхъ и о томъ, что ихъ Законъ никогда не спитъ, но все время безостановочно дѣлаетъ свое дѣло, въ хорошія времена и въ плохія, во время голода и наводненія, черезъ ужасы и смерть, и что онъ всегда будетъ идти такъ, не переставая, какъ ему казалось, до конца времени.

Какой-то человѣкъ громко постучалъ по столу, и разговоры умолкли. Имберъ посмотрѣлъ на человѣка. Онъ, повидимому, былъ начальникомъ, но все же Имберъ подумалъ, что другой человѣкъ съ широкимъ лбомъ, сидѣвшій за другимъ столомъ немного подальше, былъ начальникомъ надъ всѣми, и надъ тѣмъ человѣкомъ, который постучалъ по столу. Другой человѣкъ, сидѣвшій за тѣмъ же столомъ, всталъ и началъ громко читать по многимъ листочкамъ тонкой бумаги. Въ началѣ

каждаго листочка онъ прочищалъ горло, а въ концѣ его смачивалъ пальцы слюной. Имберъ не понималъ того, что онъ читалъ, но другіе понимали, и онъ зналъ, что это приводило ихъ въ гнѣвъ. Иногда они очень сердились, и одинъ человѣкъ сталъ бранить его односложными, но колкими и рѣзкими словами, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, не приказалъ ему замолчать.

Человѣкъ читалъ безконечно долго. Его монотонное чтеніе нараспѣвъ убаюкало Имбера и онъ спалъ глубокимъ сномъ, когда человѣкъ окончилъ чтеніе. Кто-то заговорилъ съ нимъ на его собственномъ нарѣчій; онъ проснулся и, нисколько не удивясь, увидѣлъ сына своей сестры, молодого человѣка, который ушелъ отъ нихъ много лѣтъ тому назадъ и поселился съ бѣлыми.

— Ты не помнишь меня,—сказалъ тотъ вмѣсто привѣтствія.

— Нѣтъ, помню,—отвѣтилъ Имберъ.—Ты—Гауканъ, который ушелъ. Твоя мать умерла.

— Она была старая женщина,—сказалъ Гауканъ.

Но Имберъ уже не слышалъ его, и Гауканъ потрясъ его за плечо и снова разбудилъ его.

— Я долженъ сказать тебѣ, о чемъ читалъ человѣкъ, а это была исторія тѣхъ бѣдъ, которыя ты натворилъ и о которыхъ ты, о, глупецъ, рассказалъ капитану Александру. И ты долженъ понять и сказать, вѣрно ли онъ говоритъ, или невѣрно. Такъ приказано.

Гауканъ попалъ къ миссіонерамъ и у нихъ научился читать и писать. Въ рукахъ онъ держалъ много листочковъ тонкой бумаги, на которыхъ были занесены клеркомъ первыя признанія Имбера, сдѣланныя имъ капитану Александру черезъ посредство Джимми. Гауканъ началъ читать. Имберъ слушалъ нѣкоторое время, но затѣмъ на лицѣ его появилось изумленіе и онъ рѣзко прервалъ Гаукана.

— Это мои слова, Гауканъ. Но они исходятъ съ твоихъ губъ, когда твои уши ихъ не слышали.

Гауканъ самодовольно улыбнулся.

— Нѣтъ, но они исходятъ изъ бумаги, о, Имберъ. Никогда мои уши не слышали твоихъ словъ. Но отъ бумаги они идутъ черезъ мои глаза въ мою голову и оттуда выходятъ черезъ мой ротъ. Вотъ какъ это происходитъ.

— Такъ это происходитъ? Они тамъ на бумагѣ?—голосъ Имбера отъ изумленія понизился до шопота, когда онъ взялъ пальцами листъ бумаги и уставился на слова, написанныя на немъ.—Это—великое колдовство, Гауканъ, и ты большой колдунъ.

— Это ничего, это ничего,—сказалъ молодой человѣкъ небрежно и гордо. Онъ прочелъ наугадъ изъ документа: «Въ тотъ годъ, прежде чѣмъ тронулся ледъ, пришелъ одинъ старикъ и мальчикъ, который былъ хромъ на одну ногу. Ихъ я тоже убилъ, и старикъ очень кричалъ...»

— Это вѣрно,—перебилъ его Имберъ, затаивъ дыханіе.—Онъ очень кричалъ и долго не хотѣлъ умирать. Но какъ ты это знаешь, Гауканъ? Мо-

жетъ быть начальникъ бѣлыхъ сказалъ тебѣ это? Никто не слышалъ меня и ему одному я говорилъ.

Гауканъ нетерпѣливо покачалъ головою.

— Развѣ я не сказалъ тебѣ, что это все на бумагѣ, о, глупецъ?

Имберъ напряженно вглядывался въ испещренную чернильными значками поверхность.

— Какъ охотникъ смотритъ на снѣгъ и говоритъ: здѣсь только вчера прошелъ заяцъ; а здѣсь подъ ивовымъ кустомъ онъ остановился и слушалъ и испугался; а здѣсь онъ пошелъ назадъ по своимъ слѣдамъ; а здѣсь онъ побѣждалъ съ большой быстротою, дѣлая большіе прыжки; а здѣсь съ еще бѣльшей быстротою и бѣльшими прыжками побѣждала рысь; а здѣсь, гдѣ лапы глубоко входятъ въ снѣгъ, она сдѣлала очень большой прыжокъ; а здѣсь она настигла зайца и смяла его подъ себя; а здѣсь идутъ слѣды только одной рыси и зайца больше нѣтъ,—какъ охотникъ смотритъ на эти слѣды въ снѣгу и говоритъ: это было такъ и такъ, такъ и ты смотришь на бумагу и говоришь: это было такъ и такъ, и здѣсь были вещи, которыя сдѣлалъ старый Имберъ?

— Пожалуй, такъ,—сказалъ Гауканъ.—А теперь ты слушай и придержи за зубами твой женскій языкъ, пока тебя не попросятъ говорить.

Послѣ этого Гауканъ долго читалъ ему его признанія, а Имберъ оставался задумчивымъ и молчаливымъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Это мои слова и вѣрныя слова; но я сталъ старъ, Гауканъ, и забытыя вещи возвращаются снова ко мнѣ, тѣ, которыя хорошо было бы знать

начальнику бѣлыхъ. Первымъ дѣломъ, это былъ человѣкъ, который пришелъ въ Ледяныя горы съ хитрыми капканами, сдѣланными изъ желѣза, который искалъ бобровъ на рѣкѣ Бѣлой Рыбы. Его я убилъ. И затѣмъ тамъ были еще три человѣка, —давно это было, —которые искали золото въ рѣкѣ. И ихъ я тоже убилъ и оставилъ ихъ тѣла въ пищу росомахамъ. И у Пяти Пальцевъ былъ человѣкъ съ плотомъ и на немъ много мяса и другой пищи...

Въ промежутки, когда Имберъ останавливался, чтобы припомнить, Гауканъ переводилъ, а клеркъ записывалъ. Зала суда безмолвно выслушивала повѣствованія о всѣхъ этихъ несложныхъ трагедіяхъ до тѣхъ поръ, пока Имберъ не рассказалъ о рыже-волосомъ человѣкѣ съ косыми глазами, котораго онъ убилъ на удивительно большомъ разстояніи.

— Чортъ возьми!—сказалъ тогда человѣкъ, сидѣвшій въ переднемъ ряду слушателей. Онъ сказалъ это прочувственно, со скорбью въ голосѣ. У него тоже были рыжіе волосы.

— Чортъ возьми!—повторилъ онъ.—Это былъ мой братъ Биллъ.—И черезъ регулярные промежутки времени во все продолженіе процесса, въ залѣ, то-и-дѣло, слышалось его торжественное «чортъ возьми!», но его никто не останавливалъ, ни товарищи, ни человѣкъ, сидѣвшій за столомъ.

Голова Имбера снова опустилась и глаза его потускнѣли, точно какая-то завѣса опустилась на нихъ и закрыла ихъ отъ міра. И онъ снова задремалъ, какъ только можетъ дремать старость.

Позже Гауканъ разбудилъ его и сказалъ:

— Встань, о, Имберь. Приказано, чтобы ты сказалъ, зачѣмъ ты все это сдѣлалъ и убилъ этихъ людей, а потомъ пришелъ сюда искать закона.

Имберь поднялся на ноги, но отъ слабости не могъ стоять прямо и качался взадъ и впередъ. Онъ началъ говорить слабымъ голосомъ, переходившимъ въ шопотъ, но Гауканъ перебилъ его.

— Этотъ старикъ какой-то сумасшедшій, — сказалъ онъ по-англійски человѣку съ широкимъ лбомъ. — Его рѣчь глупая и походить на рѣчь ребенка.

— Мы хотимъ услышать его рѣчь, которая походить на рѣчь ребенка, — сказалъ человѣкъ съ широкимъ лбомъ. — И мы хотимъ слышать слово въ слово, какъ онъ говорить. Понимаете?

Гауканъ понялъ, и глаза Имбера блеснули, потому, что онъ тоже понялъ сцену, которая произошла между начальникомъ и сыномъ его сестры. И затѣмъ онъ началъ рассказывать исторію, настоящую эпическую исторію бронзоваго патріота, которую слѣдовало бы высѣчь на камнѣ въ назиданіе еще не родившимся поколѣніямъ. Толпа, наполнявшая залу, какъ-то странно примолкла, а судья съ широкимъ лбомъ, подперевши рукою голову, размышлялъ о своей душѣ и о душѣ своей расы. Слышенъ былъ только густой басъ Имбера, правильно чередовавшійся съ рѣзкимъ голосомъ переводчика; а отъ времени до времени, точно колоколъ Господа, раздавалось удивленное и задумчивое «чортъ возми!» рыжеволосаго промышленника.

«Я—Имберь, изъ племени Бѣлой Рыбы». Такъ началъ переводить Гауканъ, и чувства варвара

снова проснулись въ немъ; онъ терялъ всю культурность, которой научился въ миссіяхъ, и уваженіе къ цивилизаціи, по мѣрѣ того, какъ проникался дикимъ ритмомъ и настроеніемъ разсказа стараго Имбера. «Мой отецъ былъ Отсбаокъ, сильный человѣкъ. Земля была полна солнечнаго свѣта и радости, когда я былъ мальчикомъ. Народъ не жаждалъ чуждыхъ вещей и не прислушивался къ новымъ голосамъ, и пути его отцовъ были его путями. Женщины находили сочувствіе въ глазахъ молодыхъ людей, и молодые люди смотрѣли на нихъ съ удовольствіемъ. Дѣти висѣли у грудей женщинъ, а женщины были съ широкими бедрами отъ частыхъ родовъ. Мужчины были мужчинами въ тѣ дни. Во время мира и довольства, точно такъ же, какъ во время войны и голода, они были мужчинами.

«Въ то время было больше рыбы въ водѣ, чѣмъ теперь, и больше мяса въ лѣсу. Наши собаки были волками, которыхъ грѣлъ ихъ теплый мѣхъ и которыхъ не боялись ни морозовъ, ни бурь. Какъ были наши собаки, такъ были и мы, и мы точно также не боялись ни морозовъ, ни бурь. И когда Пелли приходили въ нашу землю, то мы ихъ убивали и они насъ убивали. Ибо мы были мужчины, мы, племя Бѣлой Рыбы, и наши отцы и отцы нашихъ отцовъ сражались противъ Пелли и опредѣляли границы нашей земли.

«Какъ я сказалъ, какъ было съ нашими собаками, такъ было и съ нами. И однажды пришелъ первый бѣлый человѣкъ. Онъ еле ползъ на рукахъ и на колѣняхъ по снѣгу. И его кожа крѣпко

обтягивала его кости, и онѣ всѣ торчали изъ-подъ нея. Никогда не было у насъ такого страннаго чело-
вѣка, и мы удивлялись и не знали, изъ какого
страннаго племени онъ былъ и изъ какой земли.
И онъ былъ слабъ, слабѣе маленькаго ребенка;
такъ что мы дали ему мѣсто у костра и теплые мѣ-
ха, на которые лечь, и мы дали ему пищу, какъ
даютъ маленькимъ дѣтямъ.

«И съ нимъ была собака, большая, какъ три
нашихъ, и очень слабая. Шерсть у этой собаки
была короткая и не теплая, и хвостъ былъ от-
мороженъ, такъ, что конецъ его отпалъ. И эту
странную собаку мы кормили и давали ей мѣсто
у костра, и отгоняли нашихъ собакъ, которыя ина-
че бы разорвали ее. И вотъ отъ оленьяго мяса и
сушеной лососины челоуѣкъ и собака набрали
силъ; и когда набрались силъ, то стали большими
и никого не боялись. И челоуѣкъ говорилъ гром-
кимъ голосомъ, и смѣялся надъ стариками и моло-
дыми людьми, и смѣло смотрѣлъ на дѣвушекъ.
А собака грызлась съ нашими собаками, и, не-
смотря на свою короткую шерсть и мягкость, за-
грызла трехъ изъ нихъ въ одинъ день.

«Когда мы спрашивали челоуѣка объ его на-
родѣ, то онъ сказалъ: «У меня много братьевъ»,
и засмѣялся нехорошимъ смѣхомъ. И когда онъ
былъ въ полной силѣ, то онъ ушелъ, и съ нимъ
вмѣстѣ ушла Нода, дочь нашего начальника. Вско-
рѣ послѣ этого одна изъ нашихъ сукъ оценилась.
И никогда раньше не было такой породы собакъ,—
большоголовыхъ, большеротыхъ, коротко-шер-
стыхъ и беспомощныхъ. Я хорошо помню моего

отца Отсбаока, сильнаго человѣка. Его лицо почернѣло отъ гнѣва при видѣ этой безпомощности, и онъ взялъ камень и разъ, два, и больше не было безпомощныхъ собакъ. И, два лѣта спустя, Нода пришла назадъ съ ребенкомъ на рукахъ.

«И это было начало. Пришелъ второй бѣлый человѣкъ съ собакой съ короткой шерстью, которую онъ оставилъ у насъ, когда ушелъ. И съ нимъ ушли шесть самыхъ сильныхъ нашихъ собакъ, въ обмѣнъ за которыхъ онъ далъ Ку-Зо-Ти, брату моей матери, удивительный пистолетъ, который палилъ съ большой скоростью шесть разъ. И Ку-Зо-Ти очень гордился своимъ пистолетомъ и смѣялся надъ нашими луками и стрѣлами. «Женскія вещи!»— называлъ онъ ихъ и пошелъ смѣло на голомордаго медвѣдя съ пистолетомъ въ рукѣ. Теперь уже извѣстно, что не хорошо идти на голомордаго съ пистолетомъ, но откуда мы могли это знать? И какъ Ку-Зо-Ти могъ это знать? Такъ что онъ пошелъ противъ голомордаго очень смѣло и выстрѣлилъ изъ пистолета съ большой скоростью шесть разъ; и голомордый только зарычалъ и бросился на его грудь и разодралъ ее, точно она была яичной скорлупой; а затѣмъ, какъ медъ изъ пчелинаго гнѣзда, вылилъ мозги Ку-Зо-Ти на землю. Онъ былъ хорошимъ охотникомъ, и больше не было никого, кто приносилъ бы мясо его женѣ и дѣтямъ. И мы очень разсердились и сказали: «то что хорошо для бѣлыхъ людей, то нехорошо для насъ». И это вѣрно. Есть много бѣлыхъ людей и они жирные, но мы отъ ихъ обычаевъ сдѣлались худыми и насъ стало немного.

«Пришелъ третій бѣлый человѣкъ съ большимъ богатствомъ всевозможныхъ, удивительныхъ вещей и пищи. И въ обмѣнъ взялъ у насъ двадцать самыхъ сильныхъ нашихъ собакъ. Также, благодаря подаркамъ и большимъ обѣщаніямъ, онъ взялъ у насъ десять нашихъ молодыхъ охотниковъ и отправился съ ними въ путешествіе, которое шло неизвѣстно куда. Говорятъ, что они умерли въ снѣгахъ Ледяныхъ Горъ, гдѣ человѣкъ еще никогда не былъ, или на холмахъ Безмолвія, которые находятся на краю земли. Такъ это, или иначе, но только ни собакъ, ни молодыхъ охотниковъ больше никогда не видали у Бѣлой Рыбы.

«И еще потомъ приходили бѣлые люди и всегда съ подарками и вещами, и уводили съ собою молодыхъ охотниковъ. И иногда молодые люди приходили обратно съ странными разсказами объ опасностяхъ и трудахъ въ земляхъ за землею Пелли, а иногда не приходили. И мы сказали: «если они не боятся терять жизньъ, эти бѣлые люди, то это потому, что у нихъ много жизней; но насъ мало у Бѣлой Рыбы, и молодые люди не должны больше уходить».—Но молодые люди все же уходили и молодыя женщины также; и мы были очень сердиты.

«Правда, мы ѣли муку и соленую свинину, и пили чай, что было очень вкусно; только, когда мы не могли достать чаю, то было очень плохо и мы становились угрюмы и быстро впадали въ гнѣвъ. Такъ мы стали жаждавать вещей, которыя бѣлые люди приносили въ обмѣнъ. Мѣна, мѣна, все время шла мѣна! Одну зиму мы продали все

мясо за стѣнные часы, которые не хотѣли итти, и за карманные часы съ поломанной пружиною, и за напильникъ, который былъ весь истертъ, и за пистолеты безъ зарядовъ и поэтому никуда негодные. А затѣмъ пришелъ голодъ, и мы были безъ мяса и много насъ умерло, пока не пришла весна.

«Мы стали слабы,—сказали мы,—и Пелли упадутъ на насъ и наши границы будутъ уничтожены.—Но, какъ случилось съ нами, такъ случилось и съ Пелли, и они тоже были слишкомъ слабы, чтобы пойти противъ насъ.

«Мой отецъ Отебаокъ, сильный человекъ, былъ теперь старъ и очень мудръ. И онъ сказалъ начальнику: «Смотри, наши собаки стали негодны. На нихъ ужъ больше нѣтъ густой шерсти, онѣ не сильны и умираютъ отъ морозовъ и упряжи. Пойдемъ въ деревню и убьемъ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, что волчьей породы, которыхъ привяжемъ на одну ночь въ лѣсу, чтобы онѣ могли спароваться съ дикими волками. Такимъ образомъ, мы снова будемъ имѣть собакъ сильныхъ и съ теплою шерстью.

«И его словъ послушали, и мы, племя Бѣлой Рыбы, стали славиться нашими собаками, которые были лучшія во всей землѣ. Но мы не славились самими собою. Лучшіе изъ нашихъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ уходили съ бѣлыми людьми по рѣкамъ и дорогамъ въ далекія мѣста. И молодые женщины приходили назадъ старыми и разбитыми, какъ пришла Нода, или онѣ вовсе не приходили. И молодые мужчины приходили назадъ посидѣть

на время у нашихъ костровъ, но они приносили съ собою дурныя рѣчи и грубые обычаи, и пили дурные напитки, и играли въ карты всѣ долгіе ночи и дни, и сердца ихъ были всегда неспокойны, пока ихъ снова не звали бѣлые люди, и тогда они снова уходили въ чужія мѣста. И у нихъ не было ни почтенія, ни уваженія къ старымъ обычаямъ; они смѣялись надъ ними, смѣялись въ лицо начальнику и шаманамъ.

«Какъ я сказалъ, мы стали слабой породой, мы, племя Бѣлой Рыбы. Мы продавали наши теплыя шкуры и мѣха за табакъ, и виски, и тонкія бумажныя ткани, въ которыхъ мы дрожали отъ холода. И напала на насъ кашляющая болѣзнь, и женщины и мужчины кашляли и потѣли въ теченіе долгихъ ночей, и охотники плевали кровью на снѣгъ. И вотъ то у одного, то у другого шла кровь изъ рта и они умирали. И женщины рожали мало дѣтей, и тѣ дѣти, которыя рождались, были слабы и больны. И другая болѣзнь пришла къ намъ отъ бѣлыхъ людей, которой мы раньше не знали, и которую не могли понять. Оспа и корь, я слышалъ, называется эта болѣзнь, и мы умирали отъ нея, какъ умираютъ лососи осенью, во время мертваго затишья, когда они уже метали икру и больше не нужны для жизни.

«И вотъ, что болѣе всего странно: бѣлые люди приходятъ, какъ дыханіе смерти; всѣ ихъ пути ведутъ къ смерти, ихъ ноздри наполнены ею; и все же они не умираютъ. У нихъ и виски, и табакъ, и короткошерстыя собаки; у нихъ много болѣзней: оспа, и корь, и кашель, и кровотеченіе

изо рта; у нихъ бѣлая кожа и чувствительность къ морозу и вьюгамъ; у нихъ и пистолеты, которые стрѣляютъ быстро шесть разъ и которые нигуда негодны. И все же они жирѣютъ при всѣхъ своихъ бѣдахъ, и процвѣтаютъ, и кладутъ свою тяжелую руку на весь свѣтъ, и понижаютъ ногами всѣ народы. И ихъ женщины тоже нѣжны, какъ маленькія дѣти; ихъ легко сломать, но онѣ никогда не ломаются и становятся матерями мужчинъ. И изъ всей этой нѣжности, и болѣзни, и слабости выходятъ сила и власть, и могущество. Боги ли они, или дьяволы, я не знаю. Что знаю я, старый Имберъ изъ племени Бѣлой Рыбы? Я только знаю, что они выше всякаго пониманія, эти бѣлые люди, далеко странствующие и бьющіеся, чтобы захватить всю землю.

«Какъ я сказалъ, мяса въ лѣсу становилось все меньше и меньше. Это правда, что ружье бѣлаго человѣка—великолѣпная вещь и оно убиваетъ на далекомъ разстояніи; но къ чему ружье, когда нѣтъ мяса, которое можно было бы убить? Когда я былъ мальчикомъ на рѣкѣ Бѣлой Рыбы, то на каждомъ холмѣ можно было найти лося, и каждый годъ приходили неисчислимыя стада сѣвернаго оленя. А теперь охотникъ можетъ бродить десять дней, и ни одинъ лось не порадуетъ его взора, въ то время, какъ неисчислимыя сѣверные олени не приходятъ вовсе. Ничего не стоитъ ружье, я говорю, убивающее на далекомъ разстояніи, когда нечего убивать.

«И я, Имберъ, размышлялъ надъ этими вещами, наблюдалъ, какъ племя Бѣлой Рыбы и Пелли и

другія племена погибали, какъ погибало мясо въ лѣсу. Долго я думалъ. Я говорилъ объ этомъ съ шаманами и стариками, которые были мудры. Я ушелъ въ сторону отъ деревни, чтобы шумъ мнѣ не мѣшалъ, и не ѣлъ мяса, чтобы мой животъ не тяготилъ меня и не дѣлалъ мой глазъ и мое ухо лѣнивыми. Я сидѣлъ долго въ лѣсу, зорко глядя и ожидая знаменія, и мое ухо терпѣливо и напряженно ловило слово, которое должно было быть сказано. И я бродилъ одинъ въ темнотѣ ночи по берегу рѣки, гдѣ стоналъ вѣтеръ и плакала рѣка, и гдѣ я искалъ мудрости у духовъ старыхъ шамановъ, живущихъ въ деревьяхъ и давно умершихъ.

«И въ концѣ, какъ видѣніе, явились мнѣ короткошерстыя и отвратительныя собаки, и путь показался мнѣ простымъ и яснымъ. По мудрости Отсбаока, моего отца и сильнаго человѣка, кровь нашихъ собакъ стала чистой; поэтому у нихъ былъ теплый мѣхъ и онѣ были сильны въ упряжи. Такъ что я вернулся въ свою деревню и обратился съ рѣчью къ мужчинамъ. «Это цѣлое племя, эти бѣлые люди,—сказалъ я.—И это очень большое племя, и нѣтъ сомнѣнія, что въ ихъ землѣ нѣтъ больше мяса и они пришли къ намъ, чтобы взять себѣ новую землю. Но они ослабляютъ насъ и мы умираемъ. Они очень голодный народъ. Уже наше мясо ушло отъ насъ и хорошо для насъ, если мы хотимъ жить, сдѣлать съ ними то, что сдѣлали съ ихъ собаками».

«И я говорилъ, еще много, совѣтуя пойти войной на нихъ. И мужчины изъ племени Бѣлой Рыбы выслушали меня, и одинъ сказалъ одно, другой

другое, но ни одинъ человекъ не сказалъ ничего, достойнаго мужчины, относительно войны и подвиговъ. И позже, когда деревня заснула и никто не зналъ, я созвалъ стариковъ въ лѣсъ и поговорилъ съ ними еще. И на этотъ разъ мы пришли къ соглашенію; мы вспомнили хорошіе дни нашей юности, и свободную землю, и времена довольства, и прежнюю радость, и солнечный свѣтъ; и мы называли другъ друга братьями и поклялись въ большой тайнѣ очистить землю отъ дурнаго племени, которое нашло на нее. Теперь ясно, что мы были глупцы, но какъ мы могли это знать, мы, старики Бѣлой Рыбы?»

«И, чтобы поощрить другихъ, я сдѣлалъ первое дѣло. Я пошелъ на Юконъ, и сидѣлъ тамъ, и сторожилъ, пока не показалась первая лодка. Въ ней было два бѣлыхъ человекъ, и когда я подошелъ къ берегу и поднялъ руку, они измѣнили свой путь и стали подъѣзжать ко мнѣ. И когда человекъ на рулѣ поднялъ голову, чтобы узнать, чего я хочу отъ него, то моя стрѣла зашипѣла въ воздухъ и впила въ его прямо въ горло, и онъ узналъ тогда, чего я хотѣлъ. Второй человекъ, который держалъ весло, уже поднялъ къ плечу свое ружье, когда мой дротикъ вонзился ему въ грудь.

«Это только первые,—сказалъ я, когда вокругъ меня собрались старики.—Потомъ мы соединимъ вмѣстѣ стариковъ всѣхъ племенъ и затѣмъ молодыхъ людей, которые остались сильными, и работа станетъ легкой».

«И затѣмъ мы бросили двухъ убитыхъ бѣлыхъ людей въ рѣку. А изъ лодки, которая была очень

хороша, мы сдѣлали костеръ, а также и изъ всѣхъ вещей, которыя были въ лодкѣ. Но мы сначала пересмотрѣли ихъ, и это были кожанья сумки, которыя мы открыли нашими ножами. И внутри этихъ сумокъ было много бумагъ, какъ тѣ, изъ которыхъ ты читалъ, о, Гауканъ, съ знаками на нихъ; и мы очень удивлялись имъ и не могли понять. Теперь я сталъ мудръ и я знаю, что на нихъ были слова людей, какъ ты сказалъ мнѣ.

Когда Гауканъ кончилъ переводить дѣло о лодкѣ, въ залѣ поднялся возбужденный шопоть, и одинъ человекъ сказалъ: «это была почта, погибшая въ 1891-мъ году. Ее везли Питеръ Джэмсъ и Деланей. Послѣднимъ видѣлъ ихъ Матьюсъ у Ле-Баржа».

Клеркъ быстро записалъ это и къ исторіи Сѣвера былъ прибавленъ еще одинъ параграфъ.

«Теперь осталось сказать немного,—продолжалъ Имберъ медленно.—Это все на той бумагѣ, все то, что мы сдѣлали. Мы были старики и мы не понимали. Даже я, Имберъ, не понимаю этого теперь. Мы убивали тайно и продолжали убивать, ибо съ годами мы становились ловкими, и мы научились дѣлать скоро, но не спѣша. Когда къ намъ пришли бѣлые люди съ грозными взглядами и грубыми словами, и увели съ собою шесть молодыхъ людей, и связали ихъ желѣзными цѣпями, которыя дѣлали ихъ безпомощными, мы поняли, что мы должны убивать подальше отъ насъ. И одинъ за другимъ мы, старики, отправлялись вверхъ и внизъ по рѣкѣ въ неизвѣстныя земли. Это было смѣлое дѣло. Мы были стары и ничего не боялись,

но страхъ далекихъ мѣстъ—это ужасный страхъ для людей, которые стары.

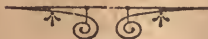
«Итакъ, мы убивали ловко и не спѣша. Убивали мы на Чилкутѣ и въ Дельтѣ, отъ переваловъ и до моря, гдѣ только бѣлые люди располагались лагеремъ, и мы также перехватывали ихъ на дорогахъ. Это вѣрно, они умирали, но это ни къ чему не вело. Они постоянно приходили изъ-за горъ, ихъ становилось все больше и больше, въ то время, какъ мы старѣли и насъ становилось все меньше и меньше. Я помню, у Лосинаго Перепутья былъ бивуакъ бѣлаго человѣка. Это былъ очень маленькій бѣлый человѣкъ и три старика напали на него, когда онъ спалъ. И на слѣдующій день я пришелъ и увидѣлъ ихъ всѣхъ четырехъ. Старики были мертвы, а бѣлый человѣкъ еще дышалъ, и у него хватило силы, сильно проклясть меня и выругать, прежде чѣмъ умереть.

«И такъ это и шло; сегодня одинъ старикъ умиралъ, завтра—другой. Иногда доходило до насъ извѣстiе, много времени спустя, о томъ, какъ они умерли, а иногда и не доходило. И старики другихъ племень были слабы и напуганы, и не хотѣли присоединяться къ намъ. Какъ я сказалъ, умирали одинъ за другимъ, пока остался я одинъ, я, Имберъ, изъ племени Бѣлой Рыбы. Мой отецъ былъ Отсбаокъ, сильный человѣкъ. И больше нѣтъ племени Бѣлой Рыбы. Изъ стариковъ я—последній. Молодые люди и молодыя женщины ушли, нѣкоторые—къ Пелли, другiе—къ Лососямъ, большая часть—къ бѣлымъ людямъ. Я очень старъ и очень усталъ, и такъ какъ напрасно бороться съ зако-

номъ, какъ ты говоришь, Гауканъ, то я пришелъ искать законъ».

— О, Имберъ, ты, дѣйствительно, дуракъ,—сказалъ Гауканъ.

Но Имберъ задумчиво глядѣлъ передъ собою. Суровый судья тоже задумался и вся исторія его расы—расы людей, окованныхъ сталью, покрытыхъ непроницаемой кольчугой, расы законодателей и творцовъ жизни для всѣхъ другихъ расъ—представилась ему въ видѣ какой-то чудовищной фантазмагоріи. Вотъ она осторожно приближается сквозь мрачные лѣса и по бушующимъ морямъ; вотъ стоитъ она на вершинѣ, вся багровая отъ крови, въ торжествующихъ лучахъ солнца; а внизу, куда хватаетъ глазъ, тянутся кроваво-красные пески, сливающиеся въ отдаленіи съ мракомъ ночи. И всегда рядомъ съ нею идетъ законъ, могучій, безжалостный, непоколебимый, властный; и онъ выше сонмовъ тѣхъ, кто выполняетъ его, и выше тѣхъ, кого онъ истребляетъ и глушитъ. И законъ этотъ выше того, судьи, чье сердце склонилось бы къ милосердію.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

СУНЛЭНДЕРЫ.

Greenland

СУНЛЭНДЕРЫ *)

Мандель—скромная деревушка, лежащая недалеко от берега полярнаго моря; она очень невелика и населеніе ея чрезвычайно смирно, смирнѣе даже сосѣднихъ племенъ. Въ Манделѣ мало мужчинъ и много женщинъ, вслѣдствіе чего въ немъ по необходимости установилось многоженство; женщины ревностно рожаютъ дѣтей, и появленіе на свѣтъ каждаго младенца мужскаго пола встрѣчается всѣми съ восторгомъ. Въ Манделѣ живетъ и Аабъ-Ваакъ, голова котораго всегда склонена на плечо, какъ будто шея его давно устала и навсегда отказалась отъ своего назначенія.

Все это—и миролюбіе туземцевъ, и многоженство, и безсиліе шеи у Аабъ-Ваака—произошло оттого, что много лѣтъ тому назадъ въ манделской бухтѣ остановилась шкуна «Развѣдки», и Тайи, вождь племени, вздумалъ сразу разбогатѣть. Разсказы о томъ, что послѣ этого произошло, до сихъ поръ съ ужасомъ передаются жителями Мандела, которые приходятся сродни племени Голодному, живущему на западъ отъ нихъ. Когда объ этомъ говорятъ, то дѣти жмутся въ кучку и удивляются

*) Сунлэндъ—страна солнечнаго свѣта, все, что находится южнѣ полярныхъ странъ; сунлэндеры—ея обитатели, бѣлые люди, американцы. (Прим. перев.).

безумію тѣхъ, которые могли бы стать ихъ отцами, если бы они только оставили тогда въ покоѣ сунлэндеровъ.

Дѣло началось съ того, что шесть сунлэндеровъ спустились съ корабля на берегъ съ большимъ количествомъ инструментовъ и запасовъ; повидимому, они собирались остаться здѣсь надолго и поселились въ иглу Нигаха. Правда, они хорошо заплатили Нигаху, дали ему много муки и сахару, но Нигахъ былъ недоволенъ, потому что дочь его Мезахчи захотѣла соединить свою судьбу съ Билломъ, начальникомъ этой партіи бѣлолицыхъ, и раздѣлить съ нимъ его пищу и постель.

— Онъ долженъ бы дать выкупъ,—жаловался Нигахъ, сидя у костра совѣта, пока бѣлые спали въ его иглу.—Онъ долженъ бы дать выкупъ, потому что у насъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, и мужчины много за нее предлагаютъ. Охотникъ Оуненкъ давалъ мнѣ за нее новый каякъ и ружье, которое онъ получилъ при мѣнѣ отъ Голоднаго племени. Вотъ, что мнѣ давали, а теперь она отъ меня уходитъ даромъ!..

— Я тоже готовъ былъ заплатить за Мезахчи,—послышался чей-то веселый голосъ, и Пило, высунувшись изъ толпы, показавъ на минуту свое широкое, добродушное лицо.

— Да, и ты тоже,—подтвердилъ Нигахъ.—И не ты одинъ, а многіе за нее давали выкупъ. И почему это сунлэндеры такіе неспокойные?—вос-

*) Иглу=куполообразное жилище, каякъ—лодка.

(Прим. перев.).

кликнулъ онъ съ раздраженіемъ.—Почему они не сидятъ у себя дома? Вѣдь Народъ Снѣговъ не бродитъ по землѣ сунлэндеровъ.

— Лучше спроси, зачѣмъ они являются сюда!— воскликнулъ кто-то въ заднихъ рядахъ, и Аабъ-Ваакъ протиснулся впередъ.

— Да, да! Зачѣмъ они пришли сюда?—кричали кругомъ; Аабъ-Ваакъ поднялъ руку и всѣ умолкли.

— Люди не стануть даромъ копаться въ землѣ,—сказалъ онъ.—И я вспоминаю о китоловахъ, которые тоже были изъ сунлэндеровъ и которые потеряли во льдахъ свой корабль. Всѣ вы помните китолововъ; они явились къ намъ въ разбитой лодкѣ, а, когда пришелъ морозъ и земля покрылась снѣгомъ, ушли на югъ съ собаками и санями. И помните, когда они здѣсь ждали, то сперва одинъ изъ нихъ сталъ копаться въ землѣ, потомъ другой, потомъ третій, потомъ всѣ, и сколько изъ-за этого было шуму и безпокойства. Мы не знаемъ, что они нашли въ землѣ, потому что они насъ всегда прогоняли и не давали посмотрѣть. Но потомъ, когда они ушли, мы посмотрѣли и ничего не нашли.

— Правда, Аабъ-Ваакъ, правда!—кричали всѣ въ восхищеніи.

— И я думаю, что сунлэндеры рассказываютъ объ этомъ другъ другу и что эти теперь явились сюда, потому что имъ тоже сказали, и они пришли копаться въ нашей землѣ.

— Но какимъ образомъ сунлэндеръ Билль говоритъ на нашемъ языкѣ?—спросилъ старый, морщинистый охотникъ.—Наши глаза до сихъ поръ

никогда еще не видѣли Билла, а онъ говорить по-нашему.

— Биллъ былъ уже въ странѣ Народы Снѣговъ, — отвѣчалъ Аабъ-Ваакъ, — иначе онъ не говорилъ бы на языкѣ Медвѣжьяго племени, который похожъ на языкъ Голоднаго племени и на языкъ манделовъ. А у Медвѣжьяго племени бывало много сунландеровъ, хотя ихъ бывало мало у Голодныхъ, а у манделовъ ихъ не бывало вовсе, за исключеніемъ китолововъ и тѣхъ, которые теперь спятъ въ иглу Нигаха.

— У нихъ хорошій сахаръ, — замѣтилъ Нигахъ, — и очень хорошая мука.

— У нихъ много вещей, — прибавилъ Оу-ненкъ. — Я былъ вчера у нихъ на кораблѣ и увидѣлъ много диковинныхъ желѣзныхъ орудій, и ружья, и ножи, и муку... много муки и сахара, и безконечное количество разныхъ странныхъ съдобныхъ вещей.

— Да, это такъ, братья! — Тайи всталъ, всѣ тотчасъ же почтительно смолкли и стали слушать; онъ не могъ скрыть удовольствія, которое доставляло ему всеобщее уваженіе его соплеменниковъ и продолжалъ: — эти сунландеры очень богаты, но они также очень глупы. Они такъ смѣло и неосторожно приходятъ къ намъ, совершенно не думая о своемъ великомъ богатствѣ. Они даже теперь спятъ и храпятъ, хотя насъ много и мы ихъ не боимся.

— Можетъ быть, они тоже не боятся, такъ какъ они храбрые воины, — замѣтилъ морщинистый, старый охотникъ.

Но Тайи насмѣшливо возразилъ:

— Нѣтъ, непохоже на то. Они живутъ на югѣ, подь самымъ солнцемъ, и они такъ же смиренны, какъ ихъ собаки. Помните, какая собака была у китолововъ? Наши собаки на другой же день съѣли ее, потому что она была смирна и не умѣла драться. Въ Сунлэндѣ солнце горячо и жизнь легка, и въ немъ мужчины похожи на женщинъ, а женщины— на дѣтей.

Многіе одобрительно качали головами, а женщины вытянули шеи, чтобы лучше слышать.

— Говорятъ, что они хорошо относятся къ женщинамъ,—проговорила Ликита, здоровая, молодая дѣвушка, съ широкими бедрами, дочь самого Тайи.

— Тебѣ хотѣлось бы пойти по слѣдамъ Мезахчи?—сердито вскричалъ онъ; затѣмъ, обратившись къ своимъ братьямъ, воскликнулъ:—видите, братья, вотъ какъ поступаютъ сунлэндеры. Они засматриваются на нашихъ женщинъ, затѣмъ берутъ ихъ себѣ одну за другой. Какъ ушла Мезахчи, оставивъ стараго Нигаха безъ выкупа, такъ уйдетъ и Ликита и все остальные, и отцы ихъ ничего не получатъ. Я разговаривалъ объ этомъ съ однимъ изъ охотниковъ Медвѣжьего народа и знаю, что говорю. Среди насъ имѣются люди изъ Голоднаго племени, пусть они сами скажутъ, правду ли я говорю.

Присутствовавшіе на совѣщаніи шесть охотниковъ изъ племени Голодныхъ подтвердили его слова и съ жаромъ принялись рассказывать своимъ сосѣдямъ про сунлэндеровъ. Молодые люди, которымъ пора было подыскивать себѣ невѣсть, скрежетали зубами такъ же, какъ и старики, раз-

считывавшіе получить выкупъ за своихъ растущихъ дочерей. И глухой, злобный ропотъ все росъ и росъ.

— Они очень богаты, у нихъ имѣются хитрые желѣзные инструменты и много ножей и ружей,— коварно напомнилъ Тайи, въ умѣ котораго снова зашевелились мечты о внезапномъ богатствѣ!

— Ружье Билла я возьму себѣ,—заявилъ вдругъ Аабъ-Ваакъ.

— Нѣтъ, оно мое!—закричалъ Нигахъ.—Вы не должны забывать, что я долженъ получить, что-нибудь за Мезахчи.

— Миръ, братья!—Тайи простеръ къ нимъ руку, и всѣ замолчали.—Пусть женщины и дѣти идутъ по своимъ иглу. Это—мужское дѣло, и пусть о немъ слышать только мужскія уши.

— Ружей будетъ достаточно на всѣхъ,—продолжалъ онъ, когда женщины и дѣти, нехотя, покинули костерь совѣта.—Я не сомнѣваюсь, что каждому достанется даже по два ружья, не говоря уже о мукѣ и сахарѣ и другихъ вещахъ. И дѣло будетъ нетрудное. Этихъ шестерыхъ сунлэндеровъ мы сегодня ночью убьемъ въ иглу Нигаха, пока они спятъ. Завтра утромъ мы мирно отправимся на судно для мѣны, и, когда придетъ удобная минута, мы убьемъ ихъ братьевъ. И завтра вечеромъ у насъ будетъ пиръ, и веселье, и раздѣлъ добычи. И у самага бѣднаго изъ насъ будетъ больше богатства, чѣмъ есть теперъ у самага богатаго. Мудро ли то, что я вамъ говорю, братья?

Въ отвѣтъ послышался одобрителный ропотъ, и всѣ тотчасъ же начали готовиться къ нападе-

нію. Всѣ Голодные, какъ члены болѣе богатаго племени, были вооружены ружьями и имѣли при себѣ достаточное количество зарядовъ. Но среди Манделовъ ружей было мало, да и тѣ были, болѣе или менѣе, попорчены, и пороху и пуль у нихъ было весьма немного. Но недостатокъ въ современномъ военномъ матеріалѣ восполнялся огромнымъ запасомъ стрѣлъ и дротиковъ, съ костяными наколочниками, для боя на разстояніи, и русскихъ ножей—для боя вплотную.

— Надо, чтобы не было шуму,—сказалъ Тайи, когда все было готово;—но надо, чтобы съ каждой стороны иглу было много нашихъ, чтобы сунлэндеры не могли прорваться къ берегу. Ты, Нигахъ, съ шестью молодыми охотниками, долженъ поползти къ тому мѣсту, гдѣ они спятъ, Не берите съ собою ружей, потому что ружье можетъ неожиданно выстрѣлить; рассчитывайте только на свои руки и на свои ножи.

— И надо, чтобы не пострадала Мезахчи,—прибавилъ хриплымъ голосомъ Нигахъ,—потому что я за нее могу получить выкупъ.

Маленькая армія, безшумно ползя, окружила иглу, а за ними, въ отдаленіи, въ пріятномъ ожиданіи, попрятались женщины и дѣти, желавшія тоже присутствовать при убійствѣ. Короткая августовская ночь близилась къ концу, и на сѣроватомъ фонѣ неба можно было замѣтить фигуры Нигаха и его молодцовъ, подползавшихъ на брюхѣ къ иглу, занятому сунлэндерами. Дойдя до входа въ иглу, они, не останавливаясь, на четверенькахъ вползали въ его длинную галлерею и исчезали въ

ней. Тайи вскочилъ на ноги и сталъ радостно потирать руки—все идетъ хорошо! Воины его подняли головы и стали ждать конца этого приключенія. Каждый живо представлялъ себѣ, что въ это время происходило внутри: спящіе люди, сверкающіе ножи, внезапная смерть, мракъ.

Вдругъ послышался громкій крикъ одного изъ сунландеро́въ и рѣзкій звукъ выстрѣла, и, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, неистовый взрывъ многихъ голосовъ и шумъ борьбы. Воины невольно вскочили на ноги и бросились впередъ, ко входу въ иглу. Но тутъ извнутри слышались быстрые выстрѣлы полдюжины винтовокъ, и манделы, столпившіеся въ узкомъ проходѣ, очутились въ самомъ безпомощномъ положеніи. Тѣ, которые находились впереди, старались уйти отъ ружей, безжалостно осыпавшихъ ихъ пулями, а задніе напирали на нихъ, чтобы броситься впередъ на враговъ. Пули новѣйшаго образца пронизывали сразу пять-шесть человѣкъ, и вскорѣ узкая галлерей, наполненная безпомощно метавшимися людьми, стала похожа на бойню. Винтовки бозостановочно сыпали пулями въ эту массу тѣлъ, словно пулеметы, и наступать не было никакой возможности.

— Никогда еще не было ничего подобнаго,— задыхаясь, говорилъ одинъ изъ Голодныхъ.—Я только посмотрѣлъ въ галлерей, и она вся полна мертвыхъ, какъ ледъ вокругъ проруби, когда бьютъ котиковъ.

— А я, вѣдь, говорилъ, что они хорошіе воины,—сказалъ старый, сѣдой воинъ.

— Этого можно было ожидать, — рѣзко воскликнулъ Аабъ-Ваахъ. — Мы полѣзли въ западную, которую сами себѣ устроили.

— Ахъ, вы, дураки! — закричалъ Тайи. — Ахъ, вы, дѣти дураковъ! не надо было дѣлать того, что мы сдѣлали! Только Нигаху и его шестерымъ охотникамъ было сказано войти въ иглу. Моя хитрость выше, чѣмъ хитрость сунлэндеровъ, но вы сами притупляете ее, вы портите всю мою силу и выходить хуже, чѣмъ если бы не было никакой хитрости!

Никто не отвѣтилъ ему, и взгляды всѣхъ были прикованы къ иглу, мрачный и грозный контуръ котораго рѣзко выдѣлялся на фонѣ свѣтлѣвшаго неба. Пороховой дымъ медленно выходилъ изъ отверстія на его крышѣ и поднимался въ недвижимомъ воздухѣ. Изъ входа съ трудомъ выползло нѣсколько раненыхъ.

— Пусть каждый спросить у своихъ сосѣдей про Нигаху и его шестерыхъ охотниковъ, — сказала Тайи.

И, нѣсколько минутъ спустя, послышался всеобщій отвѣтъ.

— Нигаха и его молодцовъ нѣтъ!

— И многихъ другихъ тоже нѣтъ! — жалобно воскликнула одна изъ женщинъ, стоявшихъ позади воиновъ.

— Значить, у остальныхъ останется больше богатства, — утѣшалъ ее Тайи. Затѣмъ, обратившись къ Аабъ-Вааку, онъ проговорилъ: — Иди и собери побольше кожанныхъ мѣшковъ съ масломъ. Пусть охотники выльютъ его вокругъ иглу и въ проходъ,

и пусть они зажгутъ его прежде, чѣмъ сунлэндеры успѣютъ прорубить отверстія для своихъ ружей.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ въ глини, которой были залѣплены щели между бревнами иглу, появилась дыра, въ ней показалось дуло ружья, и одинъ изъ Голодныхъ нелѣпо замахалъ въ воздухѣ руками и запрыгалъ на мѣстѣ, но второй выстрѣлъ свалилъ его на землю. Тайи и прочіе разсѣялись во всѣ стороны. Аабъ-Ваакъ и его охотники прибѣжали съ кожаными мѣшками, наполненными масломъ. Избѣгая бойницъ, которыхъ теперь ужъ было нѣсколько, они облили масломъ сухія бревна, изъ которыхъ былъ сложенъ иглу: Оуненкъ прибѣжалъ съ горячей головнею, и пламя быстро запылало. Нѣсколько минутъ прошло въ полномъ молчаніи; индѣйцы держали наготовѣ оружіе, слѣдя за тѣмъ, какъ разгоралось пламя.

Сухое зданіе уже трещало, и Тайи радостно потиралъ руки:

— Теперь, братья, они попались! Они въ западнѣ!

— И теперь никто не будетъ оспаривать у меня ружье Билла,—заявилъ Аабъ-Ваакъ.

— Кромѣ самого Билла,—сказалъ старый воинъ.—Вотъ и онъ самъ!

Большой бѣлолицый быстро выскочилъ изъ пылающаго входа, сбрасывая съ себя дымящееся одѣяло, въ которое онъ былъ завернуть съ головою. За нимъ выскочила Мезахчи и остальные пять сунлэндеровъ. Голодные пытались, было, преградить имъ дорогу, а Манделы направили въ нихъ тучу.

стрѣль. Но сунлэндеры, одинъ за другимъ, сбрасывали съ себя одѣяла и бросались бѣжать, и при этомъ оказалось, что каждый изъ нихъ несъ за плечами запасъ амуниціи—все что они сочли нужнымъ спасти изъ горящаго дома. Они прорвали кругъ враговъ и бросились по направленію къ высокой скалѣ, возвышавшейся надъ деревней въ полумилі отъ нихъ.

Но Тайи опустился на одно колѣно и прицѣлился изъ ружья въ задняго сунлэндера. Послышался выстрѣль и вслѣдъ за нимъ громкій крикъ, и раненый сунлэндерь упалъ на землю, дѣлая безплодныя попытки вновь подняться на ноги. Другой сунлэндерь, не обращая вниманія на сыпавшіеся кругомъ стрѣлы и дротики, побѣжалъ обратно и, поднявъ его съ земли, взвалилъ его себѣ на плечи. Но Манделы все тѣснѣе и тѣснѣе окружали ихъ, и ловко брошенный дротикъ насквозь проткнулъ раненаго. Онъ вскрикнулъ, и тѣло его безсильно повисло на плечахъ товарища. Тотъ осторожно положилъ его на землю. Между тѣмъ, Билль и остальные три сунлэндера остановились и стали осыпать наступающихъ манделовъ пулями. Первый сунлэндерь спокойно пощупалъ сердце пораженнаго товарища, затѣмъ хладнокровно перерѣзалъ ремни его поклажи и, захвативъ съ собою ее и лишнее ружье, отступилъ къ своимъ товарищамъ.

— Какой дуракъ!—вскричалъ Тайи, бросаясь впередъ и перепрыгивая черезъ извивавшееся на землѣ тѣло одного изъ Голодныхъ.

Но его ружье засорилось и не давало больше выстрѣла, и онъ крикнулъ своимъ, чтобы они бро-

сали дротики въ сунлэндера, убѣгавшаго подъ прикрытіемъ огня своихъ товарищей. Маленькій старый охотникъ нацѣлился и на бѣгу бросилъ свой дротикъ.

— Клянусь тѣломъ Волка, это хорошій ударъ! — воскликнулъ Тайи, когда убѣгавшій упалъ ничкомъ; тонкій дротикъ торчалъ у него между лопатками, качаясь изъ стороны въ сторону.

Но старикъ вдругъ съѣлъ на землю, закашлялъ и изъ его рта струей полилась кровь; онъ тяжело задышалъ, при чемъ слышался странный, свистящій звукъ.

— Они тоже не боятся... они—великіе воины... —проговорилъ онъ, беспомощно разводя руками.— Смотри, смотри, вонъ идетъ самъ Билль!

Тайи посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи. Четыре Мандела и одинъ изъ Голодныхъ бросились на раненаго, пытавшагося подняться на ноги, и ударами своихъ дротиковъ уложили его на землю. Въ тотъ же мигъ четверо изъ нихъ повалились сраженными мѣткими пулями сунлэндеровъ. Пятый, уцѣлѣвшій, быстро схватилъ ружья обоихъ убитыхъ сунлэндеровъ, но не успѣлъ онъ выпрямиться, какъ закачался отъ пули, пронизавшей ему плечо, и въ тотъ же мигъ новая пуля грузно свалила его съ ногъ. Еще мигъ и Билль уже стоялъ среди тѣлъ убитыхъ и, быстро перерѣзавъ ремни, забиралъ поклажи и ружья своихъ погибшихъ товарищей.

Вдругъ Мезахчи почему-то бросилась назадъ къ Биллу, но Пило догналъ и удержалъ ее; онъ пытался-было схватить ее и унести, но она яростно

боролась съ нимъ, съ остервенѣніемъ царапая ему лицо; затѣмъ оба тяжело повалились на землю. Оба тотчасъ же вскочили на ноги, но Пило, чтобы обезсилить ее, сталъ обѣими руками душить ее за горло, въ то же время стараясь оттащить ее отъ этого опаснаго мѣста. Но въ эту минуту Билль уже замѣтилъ ихъ. Мезахчи, замѣтивъ его приближеніе, сдѣлала усиліе и обошла своего противника, подставляя его Биллу, который, поднявъ высоко одною рукою ружье, на ходу опустилъ его прикладомъ на голову Пило; тотъ грохнулся на землю, какъ будто его сразила падающая звѣзда, а сунлэндерь и дочь Нигаха побѣжали впередъ къ своимъ.

Группа Манделовъ, подъ предводительствомъ одного изъ Голодныхъ, попыталась, было, еще разъ остановить ихъ отступленіе, но всѣ до одного были сметены пулями.

Тайи, наблюдавшій все это, спрятавшись за камнемъ, грустно проговорилъ:

— Таютъ, какъ иней подъ лучами утренняго солнца.

— Я говорю, что они—великіе войны...—слабымъ голосомъ отвѣчалъ старый охотникъ, совершенно уже обезсилѣвшій отъ потери крови.—Я это зналъ... мнѣ говорили... Они—морскіе разбойники... они—истребители котиковъ... и они быстро и вѣрно стрѣляютъ, потому что въ этомъ ихъ жизнь и ихъ промыселъ.

— Какъ иней въ лучахъ утренняго солнца,—повторялъ Тайи, едва осмѣливаясь выглядывать изъ-за своего прикрытія.

Битва была окончена, потому что ни одинъ изъ Манделовъ уже не рѣшился бы наступать на сунлэндеровъ; но они находились слишкомъ близко отъ нихъ, чтобы пытаться отступать. Трое попытались, было, уйти, но одному тотчасъ же перебило ногу, другого пуля пронизала насквозь, третій, качаясь, едва добрелъ до деревни, но и онъ затѣмъ вдругъ свалился. Такимъ образомъ, дикари старательно прятались за чѣмъ попало и охотно зарылись бы въ землю, чтобы не попасть подъ шнырявшія по всѣмъ направленіямъ пули сунлэндеровъ.

— Не двигайся,—тревожно крикнулъ Тайи, когда Аабъ-Ваакъ, подползъ къ нему на брюхѣ.— Не двигайся, добрый Аабъ-Ваакъ, иначе смерть придетъ къ намъ обоимъ.

— Смерть уже сидитъ на многихъ,—смѣясь, отвѣчала Аабъ-Ваакъ.—Поэтому, какъ ты говоришь, при раздѣлѣ каждому изъ насъ достанется много богатствъ. Мой отецъ умираетъ за тѣмъ большимъ камнемъ, а мой братъ уже похолодѣлъ.

— Все будетъ, какъ ты сказалъ, добрый Аабъ-Ваакъ и какъ я говорилъ. Но прежде, чѣмъ дѣлать, мы должны взять эти богатства, а сунлэндеры еще живы.

Пуля ударила въ камень, какъ разъ передъ ними и, отскочивъ рикошетомъ, съ рѣзкимъ шипѣніемъ пролетѣла надъ ихъ головами. Тайи втянулъ голову въ плечи, но Аабъ только усмѣхнулся и попытался усмотрѣть ея полетъ, но это ему не удалось.

— Онѣ летятъ такъ быстро, что ихъ нельзя увидѣть,—замѣтилъ онъ.

— А все-таки онѣ убиваютъ многихъ изъ нашихъ,—продолжалъ Тайи.

— Но многіе еще остались въ живыхъ,—отвѣчалъ Аабъ Ваакъ.—И они низко прилегали къ землѣ, потому что они уже научились прятаться отъ пуль.—И они совершенно разъярены. А когда мы убьемъ тѣхъ сунлэндеровъ, которые сидятъ на кораблѣ, то на сушѣ останется только четыре. Можетъ быть, мы ихъ убьемъ не скоро, но убьемъ навѣрное .

— Какъ пойдѣмъ мы на корабль, когда мы не можемъ двигаться съ мѣста?—спросилъ Тайи.

— То мѣсто, гдѣ стоитъ Билль и его братья, не хорошее, потому что мы можемъ окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, а это нехорошо для нихъ. Поэтому они хотятъ стать спиною къ скалѣ и ждать, пока не придутъ на помощь ихъ братья съ корабля.

— Никогда они не придутъ съ корабля. Это я говорю!

Самоувѣренность мало-по-малу возвращалась къ нему, и, когда сунлэндеры стали, дѣйствительно, отступать къ утесу, какъ предсказывалъ Аабъ-Ваакъ, то онъ отнесся къ этому довольно безразлично.

— Насъ осталось только трое!—жалобно воскликнулъ одинъ изъ Голодныхъ, когда вновь собрался совѣтъ.

— Значить на каждого изъ васъ придется не по-два, а по-четыре ружья,—отвѣтилъ ему Тайи.

— Мы хорошо дрались.

— Да; а если вмѣсто четырехъ васъ останется только два, то на каждого изъ васъ придется по шесть ружей. Поэтому держитесь хорошо.

— А если ихъ не останется ни одного?—шепотомъ спросилъ Аабъ-Ваакъ съ коварною усмѣшкой.

— Тогда ружья достанутся намъ; мнѣ и тебѣ,—шепотомъ же отвѣтилъ Тайи.

Однако, дорожа расположеніемъ Голоднаго народа, онъ назначилъ одного изъ нихъ начальникомъ морской экспедиціи. Въ этомъ предпріятіи участвовало больше двухъ третей всего племени; забравъ съ собою мѣха и другіе предметы для обмѣна, они отправились къ берегу, находившемуся отъ нихъ въ двѣнадцать миль.

Оставшіеся мужчины расположились обширнымъ полукругомъ впереди окоповъ, которые начали возводить сунлэндеры. Тайи быстро схватывалъ все, что было хорошо и полезно, и тотчасъ же велѣлъ своимъ молодцамъ рыть неглубокіе рвы впереди этихъ окоповъ.

Въ полдень всѣ собрались вмѣстѣ и стали ѣсть вяленую рыбу и тюлений жиръ, которые принесли имъ женщины. Нѣкоторые пробовали громко требовать дѣлежа припасовъ, уцѣлѣвшихъ въ иглу сунлэндеровъ, но Тайи отказался трогать ихъ до возвращенія тѣхъ, которые отправились на корабль. Во время ѣды строились всевозможныя предположенія о результатахъ этой экспедиціи, какъ вдругъ со стороны моря послышался глухой взрывъ; въ ту же минуту нѣкоторымъ удалось разглядѣть въ отдаленіи густое облако дыма, которое,

однако, быстро разсѣялось; предположили, что дымъ этотъ появился какъ разъ тамъ, гдѣ стоялъ корабль сунлэндеровъ. Тайи объяснилъ, что это былъ, вѣроятно, дымъ отъ большой пушки. Аабъ-Ваакъ не спорилъ, но сказалъ, что это можетъ быть сигналъ. Какъ бы то ни было, а на кораблѣ къ этому времени что-нибудь, должно быть, уже произошло.

Часовъ шесть спустя, со стороны моря показалась чья-то одинокая фигура; женщины и дѣти бросились къ ней навстрѣчу. Это былъ Оуненкъ; онъ былъ совершенно нагой и покрытъ ранами; на его лбу виднѣлась длинная рана, съ которой продолжала сочиться кровь; лѣвая рука была совершенно истерзана и беспомощно болталась. Но, главное, въ его глазахъ виднѣлся какой-то совершенно дикій огонь, котораго женщины не признавали, но очень испугались.

— Гдѣ Пешакъ?—рѣзко спросила старая индианка.

— А Омипли? А Полакъ? А Махъ-Кукъ?—вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Раненный не отвѣчалъ, протолкался сквозь ихъ крикливую толпу и невѣрными шагами направился къ Тайи. Старушка принялась громко голосить и остальные женщины, одна за другой, послѣдовали ея примѣру. Воины осторожно повиползали изъ своихъ рововъ и собрались вокругъ своего начальника. Сунлэндеры въ отдаленіи тоже взошли на свои окопы, чтобы увидѣть, въ чемъ дѣло.

Оуненкъ остановился, вытеръ рукою кровь, закрывавшую ему глаза, и молча обвелъ взглядомъ

присутствующихъ. Онъ попытался говорить, но сухія, воспаленныя губы и языкъ не слушались. Ликита принесла ему воды и онъ жадно сталъ пить; потомъ отдышался и снова припалъ къ чашкѣ.

— Сраженіе уже было?—спросилъ, наконецъ, Тайи.—И было ли оно хорошее?

— Хо, хо, хо!—Хохоть его былъ до того неожиданъ и дикъ, что всѣ съ ужасомъ смолкли.—Никогда еще не было подобнаго сраженія! Это говорю я, Оуненкъ, много дравшійся и съ людьми, и съ животными. И, пока я не забылъ, что видѣлъ, я хочу сказать вамъ слова большія и мудрыя: сунлэндеры, дерясь, научатъ Манделовъ драться, и если мы будемъ много драться съ ними, то мы станемъ великолѣпными воинами, такими, какъ они, или мы всѣ погибнемъ. Хо, хо, хо! Какое это было сраженіе!

— Гдѣ твои братья?—Тайи потрясъ его за плечо и раненый вскрикнулъ отъ боли, но боль заставила его опомниться.

— Мои братья? Ихъ нѣтъ.

— А Помъ-Ли? Гдѣ Помъ-Ли, сынъ моей матери?—закричалъ одинъ изъ Голодныхъ.

— Помъ-Ли больше нѣтъ,—монотоннымъ гололосомъ отвѣчалъ Оуненкъ.

— А гдѣ сунлэндеры?—спросилъ Аабъ-Ваакъ.

— Сунлэндеровъ нѣтъ.

— А гдѣ корабль сунлэндеровъ? Гдѣ ихъ припасы, и ружья, и все?—спросилъ Тайи.

— Корабля нѣтъ, нѣтъ ни припасовъ, ни ружей, нѣтъ ничего. Нѣтъ никого, нѣтъ ничего. Только я есмь.

— И ты дуракъ!

— Это можетъ быть,—безстрастно отвѣчалъ Оуненкъ.—Я видѣлъ то, что можетъ сдѣлать чело-вѣка навсегда дуракомъ.

Тайи сдержался и все смолкли, пока Оуненкъ не пожелалъ самъ разсказать, что произошло.

— Мы не взяли съ собою ружья, о, Тайи,—приступилъ онъ, наконецъ, къ своему разсказу.— Мы не взяли ружья, мои братья, взяли только ножи и дротики, луки и стрѣлы. Въ каякахъ по два и по три челоуѣка мы пришли на судно. Сунландеры были рады видѣть насъ, и мы разложили свои мѣха, а они принесли то, что хотѣли мѣнять, и все шло хорошо. И Помъ-Ли ждалъ, ждалъ, пока солнце не поднялось высоко; тогда они усѣлись ѣсть, а мы подняли крикъ и бросились на нихъ. Никогда еще не было такого сраженія и не было такихъ воиновъ. Въ неожиданной и быстрой борьбѣ мы убили половину изъ нихъ, но остальные стали дьяволами, они были повсюду и бились какъ дьяволы. Трое изъ нихъ стали спиною къ мачтѣ судна, и тѣла нашихъ убитыхъ сдѣлали стѣну вокругъ нихъ, прежде чѣмъ намъ удалось убить ихъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были ружья, и они стрѣляли, не прицѣливаясь, и стрѣляли очень быстро и мѣтко. И одинъ взялъ большое ружье и стрѣлялъ изъ него сразу многими мелкими пулями. Вотъ, смотри.

Съ этими словами Оуненкъ показалъ имъ свое ухо съ небольшой, правильной дырочкою отъ картечки.

— Но я, Оуненкъ, сзади проткнулъ его своимъ копьемъ. И, мало-по-малу, мы убили ихъ

всѣхъ; остался только ихъ начальникъ. Мы бросились на него и насъ было много; но онъ вдругъ громко крикнулъ и бросился среди насъ; пять или шесть человекъ ухватились за него, но онъ вырвался и побѣжалъ внутрь судна. И тогда, когда всѣ богатства были уже наши и когда оставалось убить только начальника, тогда вдругъ сдѣлался шумъ, какъ будто ружья, сколько ихъ есть въ мірѣ, сразу выстрѣлили. Это былъ очень большой выстрѣлъ. И я полетѣлъ на воздухъ, какъ птица, и живые Манделы, и мертвые сунландеры, и маленькіе каяки, и большое судно, и ружья, и все богатство—все поднялось на воздухъ. Такъ говорю я, Оуенкъ, и я одинъ остался, чтобы рассказать это.

Присутствующіе стояли въ гробовомъ молчаніи. Тайи съ ужасомъ взглянули на Аабъ-Ваака, но ничего не сказали. Даже женщины чувствовали такой ужасъ, что забыли заголосить по убитымъ.

Оуенкъ гордо обвелъ глазами собраніе и повторилъ:

— И я одинъ остался.

Но въ этотъ моментъ со стороны баррикады Билла послышался выстрѣлъ и что-то какъ-будто чмокнуло на груди Оуенка. Онъ съ испуганнымъ удивленіемъ покачнулся назадъ, затѣмъ впередъ; раскрылъ ротъ, задыхаясь, и на его лицѣ появилась горькая усмѣшка. Плечи его опустились, колѣни подкашивались. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы удержаться на ногахъ, но тотчасъ же сталъ медленно опускаться на землю.

До окоповъ сунландеровъ было не меньше мили, но смерть перескочила все это пространство.

Раздался единодушный крикъ бѣшенства, въ которомъ чувствовалось и инстинктивное желаніе мести, и бессознательная жестокость дикаго звѣря. Тайи и Аабъ-Ваакъ попробовали удержать Манделовъ, но ихъ отгвѣснили въ стороны, и имъ оставалось только наблюдать за безумнымъ нападеніемъ ихъ на сунлэндеровъ. Однако, со стороны этихъ послѣднихъ не было слышно выстрѣловъ; многіе изъ нападавшихъ, пройдя половину пространства, раздѣлявшаго ихъ отъ окоповъ, испуганные этимъ молчаніемъ, останавливались и прислушивались. Самые горячіе, однако, продолжали свой бѣгъ. Они уже прошли вторую половину оставшагося пространства, а выстрѣловъ все не было. Въ четырехъ стахъ шагахъ отъ окоповъ они умѣрили бѣгъ и стали сдвигаться поближе другъ къ другу; въ двухстахъ они остановились и стали совѣщаться, подозрительно поглядывая на вымершіе окопы; ихъ было человекъ двадцать. Вдругъ на окопахъ появился вѣнокъ дыма и они рассыпались въ стороны, какъ горсть брошенныхъ камней. Четверо изъ нихъ повалилось на землю, потомъ еще четыре, остальные быстро падали по одному, по-два съ каждымъ новымъ залпомъ. Оставался только одинъ и онъ быстро убѣгалъ, сопровождаемый свистомъ пуль. Это былъ молодой охотникъ Нокъ, быстроногій и сильный, и теперь онъ бѣжалъ, какъ никогда. Онъ съ быстротою птицы пробѣжалъ значительное расстояние, бросаясь изъ стороны въ сторону, и то присѣдая, то высоко подпрыгивая въ воздухъ. Винтовки стрѣляли, не переставая, пули свистѣли у самыхъ его ушей, не задѣвая его. Но вдругъ, во время

одного изъ его высокихъ прыжковъ, раздался одинокой выстрѣль, онъ перевернулся въ воздухѣ, мячомъ ударился о землю, мячомъ подскочилъ немало и безсильной массой остался лежать на землѣ.

— Кто можетъ быть быстрѣе быстрокрылой пули?—философски замѣтилъ Аабъ-Ваакъ.

Тайи отвернулся. У него было о чемъ подумать. Оставался одинъ изъ Голодныхъ и сорокъ воиновъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были легко ранены; и оставалось еще четыре сунлэндера.

— Мы будемъ держать ихъ въ той ямѣ у скалы, и, когда голодъ захватитъ ихъ и сдѣлаетъ безсильными, мы убьемъ ихъ, какъ слабыхъ дѣтей.

— Но изъ-за чего теперь драться?—спросилъ Олуфъ, одинъ изъ самыхъ молодыхъ охотниковъ.— Богатства сунлэндеровъ больше нѣтъ, остается только то, что они оставили въ иглу Нигаха—пустяки...

Рѣчь его была прервана злобнымъ шипѣниемъ пули, пролетѣвшей мимо самаго его уха.

Тайи презрительно усмѣхнулся:

— Пусть это будетъ тебѣ отвѣтомъ. Что намъ остается дѣлать, какъ не драться, когда это безумное племя сунлэндеровъ не желаетъ умирать?

— Какая скверная вещь—глупость!—не унимался Олуфъ, чутко, однако, прислушиваясь, не шипитъ ли новая пуля.—Эти сунлэндеры не должны бы такъ драться. Почему они не хотятъ спокойно умереть? Они—дураки, если не понимаютъ, что они—люди мертвые и что они напрасно только дѣлаютъ намъ такъ много неприятностей.

— Раньше мы дрались ради большого богатства, а теперь должны драться, чтобы сохранить жизнь,—объявилъ Аабъ-Ваакъ.

Ночью вокругъ окопа было безпокойно, и оттуда послышалось нѣсколько выстрѣловъ. На утро иглу Нигаха оказалось опустошеннымъ, и по слѣдамъ было видно, что сами сунлэндеры унесли изъ него все припасы. Олуфъ полѣзъ на скалу, подъ которой укрылись сунлэндеры; онъ собирался сбрасывать на нихъ съ высоты камни, но оказалось, что край скалы выступалъ слишкомъ далеко; поэтому онъ могъ только осыпѣть ихъ ругательствами и грозить имъ всяческими пытками. Билль отвѣчала ему ругательствами же на языкѣ племени Медвѣдя. Тайи заинтересовался перебранкой и приподнялся въ своемъ рву, и въ награду получилъ пулю въ плечо.

Въ теченіе нѣсколькихъ томительныхъ дней и тревожныхъ ночей манделы вырыли нѣсколько траншей, ближе къ окопамъ враговъ; однако, они много спорили о томъ, не лучше ли предоставить сунлэндерамъ спокойно выйти изъ своего укрѣпленія. Но они этого боялись, а женщины при упоминаніи объ этомъ принимались громко вѣть. Онѣ уже видѣли, каковы сунлэндеры на свободѣ, и имъ этого было вполне достаточно.

Между тѣмъ, пули свистѣли безостановочно и количество убитыхъ росло и росло. Рано, на зарѣ, вдругъ слышался одинокій выстрѣлъ, женщина на отдаленномъ краю деревни поднимала руки, вскрикивала и падала на землю; въ полдень воины, лежа въ своихъ рвахъ, слышали, какъ пули жуж-

жали надъ ихъ головою, и знали, что и имъ скоро конецъ; позднимъ вечеромъ пули поднимали облачка пыли возлѣ потухающихъ костровъ. А ночью ни на минуту не прекращались скорбные возгласы женщинъ, голосившихъ надъ тѣлами убитыхъ.

Какъ предсказывалъ Тайи, у сунлэндеровъ, въ концѣ-концовъ, началась голодовка. Однажды, въ время грозы, одинъ изъ нихъ выползъ изъ окоповъ и отправился красть сушеную рыбу. Однако, онъ не успѣлъ вернуться къ своимъ, и, когда разсвѣло, его замѣтили. Но онъ мужественно защищалъ свою жизнь, застрѣливъ изъ револьвера четырехъ изъ напавшихъ на него Манделовъ, и такъ и не дался имъ живымъ въ руки, — ушелъ отъ пытокъ, застрѣлившись самъ.

Манделы глубоко задумались, а Олуфъ сказалъ:

— Если одного изъ нихъ такъ трудно убить, то какъ будетъ трудно убить оставшихся троихъ!

Затѣмъ Мезахчи поднялась на валъ и подозвала по имени трехъ собакъ, которыя приблизились къ ихъ укрѣпленію. И у нихъ оказался запасъ мяса и жизни на много дней и Манделы снова пришли въ отчаяніе. И на голову Мезахчи долго сыпались самыя страшныя ругательства.

Дни шли за днями. Солнце быстро спѣшило на югъ, ночи дѣлались все длиннѣе и длиннѣе, а дни все короче, и въ воздухѣ уже чуялся морозъ. А сунлэндеры все еще держались въ своихъ окопахъ. Сердца Манделовъ наполнялись мрачными предчувствіями и падали отъ напряженія; а

Тайи думалъ долго и крѣпко. Затѣмъ онъ приказалъ собрать въ деревцѣ всѣ мѣха и кожи, свернуть ихъ въ видѣ огромныхъ цилиндрическихъ кипъ и за каждымъ изъ нихъ помѣстилъ порохотнику.

Короткій день почти кончался, когда онъ отдалъ приказъ наступать, и было тяжело медленно катить эти кипы впередъ, футь за футомъ. Пули сунлэндеровъ безпрестанно чмокали объ нихъ, но не могли пройти насквозь, и охотники громко кричали отъ восторга. Однако, было уже поздно, и Тайи, увѣренный въ успѣхѣ, велѣлъ катить кипы обратно къ рвамъ.

Но настоящее наступленіе началось съ утра; со стороны окоповъ, однако, молчали. Сперва кипы катились на большомъ разстояніи одна отъ другой; но въ двухстахъ шагахъ отъ окоповъ онѣ уже значительно сблизились; въ ста шагахъ онѣ уже были такъ близко одна отъ другой, что приказаніе Тайи остановиться передавалось другъ другу шепотомъ. Въ окопахъ не замѣчалось никакихъ признаковъ жизни. Охотники долго и внимательно прислушивались, но ничего не могли услышать. Стали подвигаться ближе и въ пятидесяти шагахъ снова остановились. Опять ничего, ни звука. Тайи озабоченно покачалъ головою и даже Аабъ-Ваакъ былъ озадаченъ. Поползли дальше и остановились, когда кипы уже касались другъ друга и отъ скалы, вокругъ окоповъ и снова до скалы, образовался непроницаемый валъ кожаныхъ кипъ.

Тайи оглянулся: во рвахъ видѣлись женщины и дѣти. Тогда онъ приказалъ подвигать впередъ

кипы черезъ одну. Охотники повиновались и остановились, когда ихъ кипы опять соприкасались. Аабъ-Ваакъ, по собственному почину, подвинулъ дальше свою кипу и, когда она очутилась на валу, онъ подождать немного; потомъ бросилъ внутрь окоповъ нѣсколько камней, наконецъ, осторожно поднялся и посмотрѣлъ туда. Тамъ никого не было; земля была густо усѣяна разстрѣлянными патронами, бѣлѣло нѣсколько начисто оглоданныхъ собачьихъ костей, изъ щели въ скалѣ каплями стекла вода... И это было все. Сунлэндеровъ не было.

Среди охотниковъ многіе громко говорили, что это колдовство, и Тайи замѣтилъ на многихъ лицахъ мрачные взгляды, не предвѣщавшіе ничего хорошаго для него. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ только тогда, когда Аабъ-Ваакъ открылъ вдоль скалы свѣжіе слѣды ногъ.

— Пещера!—радостно воскликнулъ Тайи.— Они поняли мудрость моей выдумки и убѣжали въ пещеру!

Въ скалѣ имѣлся цѣлый лабиринтъ узкихъ галлерей, которыя всѣ сливались вмѣстѣ, и ихъ общій выходъ, въ видѣ большой пещеры, находился недалеко отъ того мѣста, гдѣ находились окопы. Всѣ толпою направились за Аабъ-Ваакомъ и ясно увидѣли то мѣсто, гдѣ сунлэндеры стали подниматься къ пещерѣ, находившейся въ двадцати слишкомъ футахъ отъ земли.

— Ну, теперь кончено!—воскликнулъ Тайи, потирая руки.—Пусть всѣ знаютъ, что теперь надо радоваться, потому что сунлэндеры влѣзли въ западню. Пусть молодые охотники поднимутся на-

верхъ и завалить входъ въ пещеру камнями, такъ, чтобы Билтъ, и его братья, и Мезахчи превратились отъ голода въ тѣни и умерли во мракѣ и въ проклятіяхъ.

Вокругъ раздалися крики радости. И Хаугахъ, единственный уцѣлѣвшій изъ шестерыхъ Голодныхъ, ловко полѣзъ наверхъ и осторожно подползъ къ самому устью пещеры. Но вдругъ послышался глухой выстрѣлъ, и, пока онъ безпомощно цѣплялся за скользкій край пещеры,—второй. Руки его безпомощно разжались и его тѣло покатилося внизъ къ самымъ ногамъ Тайи, затрепетало и застыло въ неподвижности.

— Откуда я могъ знать, что они такіе великіе и безстрашные воины?—проговорилъ Тайи; ему вспомнились злобные взоры его братьевъ и ихъ плохо скрываемое недовольство, и онъ счелъ нужнымъ оправдаться.

— Насъ было много и мы были счастливы,—смѣло проговорилъ одинъ изъ охотниковъ; а другой многозначительно потрогалъ остріе своего копья.

Но тутъ Олуфъ вывелъ начальника изъ затрудненія.

— Слушайте, мои братья!—воскликнулъ онъ.—Есть еще одинъ входъ въ пещеру! Когда я былъ мальчикомъ и игралъ на скалѣ, я открылъ его. Онъ спрятанъ среди камней и взрослому незачѣмъ туда ходить, поэтому никто его не знаетъ. Онъ очень узокъ и надо долго ползти на животѣ, а потомъ приходишь въ пещеру. Ночью мы войдемъ въ этотъ проходъ и нападёмъ на сунлэндеровъ сза-

ди. А завтра у насъ будетъ миръ и спокойствіе, и въ будущіе годы никогда больше не будемъ ссориться съ сунлэндерами.

— Никогда, никогда не будемъ!—хоромъ отвѣчали остальные.—Никогда!—искренно воскликнулъ и Тайи.

Въ ту же ночь, съ воспоминаніемъ о своихъ убитыхъ въ сердцѣ и съ камнями, ножами и дротиками въ рукахъ, женщины и дѣти окружили всѣмъ извѣстный выходъ изъ пещеры. Ни одинъ сунлэндерь не могъ бы выйти изъ нея на землю и остаться въ живыхъ. Въ деревнѣ остался только одинъ раненый воинъ, всѣ же остальные мужчины,—а ихъ было около тридцати—последовали за Олуфомъ къ скрытому входу въ подземную галлерею. Между этимъ входомъ и землею было сто футовъ острыхъ, выступавшихъ камней; они такъ легко срывались и сыпались внизъ, что лѣзть приходилось осторожно, по одному человѣку заразъ. Олуфъ поднялся первымъ, тихо позвалъ слѣдующаго и исчезъ въ галлерей. За нимъ полѣзъ другой, потомъ третій, потомъ четвертый; наконецъ, остался одинъ только Тайи. Позвали и его, но его вдругъ взяло сомнѣніе и онъ задумался. Черезъ полчаса поднялся и онъ и заглянулъ въ галлерею. Онъ нащупалъ, насколько она узка, а мракъ внутри нея былъ такъ густъ, что казался плотной массой. Его вдругъ обуялъ страхъ закрытой со всѣхъ сторонъ земли, и онъ не могъ рѣшиться войти въ узкій проходъ. Всѣ умершіе, начиная съ Нигаха, перваго изъ погибшихъ Манделовъ, до Хаугаха—последняго изъ Голодныхъ,—пришли и усѣлись

вмѣстѣ съ нимъ, но онъ предпочелъ ужасъ ихъ близости тому ужасу, который скрывался въ непроницаемомъ мракѣ галлерей. Онъ долго сидѣлъ неподвижно и вдругъ почувствовалъ что-то мокрое и холодное на своей щекѣ, и понялъ, что это—первый снѣгъ. Наступила заря, потомъ день... Вдругъ онъ услышалъ въ глубинѣ галлерей какой-то страшный гортанный звукъ, который повторялся черезъ продолжительные промежутки времени, но каждый разъ немного ближе и яснѣе. Онъ спустился немного, такъ что только голова его осталась на уровнѣ съ галлереей, и сталъ ждать, что будетъ.

Стонавшій двигался чрезвычайно медленно и, наконецъ, доползъ до выходнаго отверстія. Тайи по стопамъ понялъ, что это—Мандель; онъ протянулъ руку и нащупалъ плечи въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться голова; голову онъ уже потомъ нащупалъ, но она не торчала прямо, а висѣла, такъ что касалась макушкою земли.

— Это ты, Тайи?—спросилъ тотъ.—А это я, Аабъ-Ваакъ, но я теперь безпомощенъ и сломанъ, какъ негодное копье. Моя голова волочится по землѣ, и безъ помощи я не могу спуститься внизъ.

Тайи влѣзъ въ отверстіе галлерей и, вытащивъ Ваака наружу, усадилъ его спиною къ скалѣ; но голова раненаго безпомощно свисла на грудь и онъ жалобно стоналъ.

— Айуу... айуу!—кричалъ онъ.—Олуфъ забылъ, что Мегахчи тоже знала про этотъ проходъ и сказала о немъ сунлэндерамъ,—иначе они не ждали бы въ концѣ его. Поэтому я теперь разбить и безпомощенъ, айуу!..

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтеніи.

— А проклятые сунлэндеры всѣ умерли въ концѣ этого прохода?—спросилъ Тайи.

— Какъ я могъ знать, что они ждуть?—продолжалъ прерывающимся голосомъ Аабъ-Ваакъ.—Всѣ мои братья прошли раньше меня и я не слышалъ шума борьбы. Какъ могъ я знать, что не можетъ быть шума борьбы? И, прежде чѣмъ я это узналъ, эти двѣ руки схватили меня за шею, такъ что я не могъ кричать и предупредить братьевъ, которые ползли за мною. А потомъ еще двѣ руки схватили меня за голову и двѣ за ноги. Всѣ три сунлэндера держали меня, и тотъ, кто держалъ меня за голову, держалъ ее на одномъ мѣстѣ, а тотъ, кто держалъ за ноги, перекинулъ мое тѣло такъ, какъ мы перекидываемъ тѣло утки, когда хотимъ свернуть ей шею. И такъ они свернули мнѣ шею.

— Но не было сказано, чтобы я умеръ,—продолжалъ онъ не безъ нѣкотораго тщеславія.—Я одинъ остался; Олуфъ и остальные лежатъ рядышкомъ на спинѣ и лица ихъ повернулись у кого въ одну, у кого въ другую сторону, а у иныхъ лицо тамъ, гдѣ долженъ быть затылокъ. На нихъ страшно смотрѣть, потому что, когда ко мнѣ вернулась жизнь, я увидѣлъ ихъ при свѣтѣ факела, который сунлэндеры оставили, и я лежалъ рядомъ съ ними.

— Такъ? Такъ?—повторилъ Тайи и не могъ больше ничего сказать.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и весь затрепеталъ—изъ глубины галлерей послышался голосъ Билла:

— Это хорошо,—говорилъ онъ.—Я ищу чело-
вѣка съ свернутой шеей, а нахожу Тайи. Брось

свое ружье, Тайи, чтобы я слышалъ, какъ оно летитъ по камнямъ.

Тайи безпрекословно повиновался, и Билль выползъ къ самому отверстию. Тайи съ любопытствомъ разсматривалъ его. Онъ исхудалъ, и видъ у него былъ усталый и грязный, а глаза его горѣли, какъ угольки въ провалившихся глазныхъ впадинахъ.

— Я голоденъ, Тайи,—сказалъ онъ.— Я очень голоденъ.

— Я—какъ прахъ подъ твоими ногами,—отвѣчалъ Тайи.—Твое слово—мой законъ. И я говорилъ своему народу не сопротивляться тебѣ; я совѣтовалъ...

Но Билль уже не слушалъ его и кричалъ въ галлерею:

— Эй! Чарли! Джимъ! Возьмите съ собою женщину и идите сюда!

— Теперь мы пойдемъ ѣсть,—сказалъ онъ, когда товарищи и Мезахчи приползли на его зовъ.

— У насъ мало пици, но то, что есть, то твое,—сказалъ Тайи.

— А потомъ мы уйдемъ на югъ по снѣгу,—продолжалъ Билль.

— Да будетъ съ тобою удача и да будетъ тебѣ дорога легка.

— Намъ надо будетъ ѣхать далеко. Намъ нужны будутъ собаки и пицца, много пици.

— Лучшія наши собаки—твои, и всего что онѣ могутъ увезти—твое.

Билль вышелъ изъ галлерей и, уже начиная спускаться, продолжалъ:

— Но мы вернемся Тайи. Мы опять приѣдемъ и дни наши здѣсь будутъ многіе.

И такъ они уѣхали на югъ, Билль и его товарищи и Мезахчи. И когда настала, слѣдующіи годъ, въ манделскую бухту явился корабль «Развѣдки № 2» Немногіе Манделы, оставшіеся въ живыхъ только потому, что раны не дали имъ возможности полѣзть въ пещеру, пошли работать на сунлэндеровъ и копать для нихъ землю. Они больше не охотятся и не ловятъ рыбы, а получаютъ жалованье, на которое покупаютъ муку, сахаръ, табакъ и другія вещи, которыя «Развѣдки № 2», привозитъ ежегодно изъ Сунлэнда.

Эти промыслы, подобно многимъ другимъ сѣвернымъ розсыпямъ, разрабатываются тайкомъ, и ни одинъ бѣлый человѣкъ, за исключеніемъ «Компаніи», состоящей изъ Билла, Джима и Чарли, не знаетъ о Манделахъ, что живутъ недалеко отъ берега Ледовитаго океана. Аабъ-Ваакъ ходитъ съ безпомощно лежащей головою, на плечѣ; онъ сталъ оракуломъ и проповѣдуетъ молодому поколѣнію миръ, за что получаетъ отъ «Компаніи» пенсію. Тайи занимаетъ на промыслахъ мѣсто десятника. Но теперь онъ уже иначе смотритъ на сунлэндеровъ.

— Тѣ, которые живутъ, гдѣ сильно грѣетъ солнце,—говоритъ онъ, попыхивая трубочкой, въ то время, какъ ночная смѣна рабочихъ смѣняетъ денную,—не могутъ быть мягкими и спокойными. Потому что солнце входитъ въ ихъ кровь и подогрѣваетъ ихъ, такъ что они дѣлаются полными жажды и огня. И они всегда горятъ, такъ что сами не могутъ чувствовать, когда пора уступать и убѣгать.

В томъ въ нихъ еще сидитъ особый беспокойный
яволъ, который гонитъ ихъ по всей землѣ и за-
ставляетъ ихъ безъ конца копаться въ землѣ, и
работать, и драться. Я знаю это, потому что я—
Тайи.

1879

187

[Faint, illegible text throughout the page]

ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ.

Бываютъ самыя разнообразныя формы самопожертвованія, но сущность его всегда одна и та же. Оно парадоксально въ томъ отношеніи, что люди отказываются отъ самаго для нихъ дорогаго, ради чего-нибудь, что для нихъ еще дороже. И это всегда такъ было. Такъ было еще тогда, когда Авель принесъ въ жертву самыхъ жирныхъ и самыхъ цѣнныхъ барановъ изъ своего стада. Они были для него дороже всего на свѣтѣ, и ими онъ пожертвовалъ ради того, чтобы угодить своему Богу. Изъ тѣхъ же побужденій Авраамъ собиралъ заколотъ своего любимаго сына Исаака. Исаа былъ очень дорогъ ему, но, по непонятнымъ ображеніямъ, Богъ былъ для него еще дороже. Можетъ-быть, Авраамъ просто боялся Бога; какъ бы то ни было, а многіе миллиарды людей, жившихъ послѣ него, установили, что онъ любилъ своего Бога и желалъ служить ему.

А воль скоро установлено, что любовь—служеніе и что жертвовать тѣмъ, что намъ дорого, значить служить, то надо признать, что Джисъ Укъ любила великою любовью. Она не знала исторіи, ибо умѣла читать только книгу погоды и слѣды звѣрей, поэтому она никогда не слышала ни объ Авелѣ, ни объ Авраамѣ; а такъ какъ ей удалось избѣжать вліянія добрыхъ сестеръ Святого Креста, то она ничего не знала о моабиткѣ Руеи,

отказавшейся отъ собственнаго Бога изъ любви къ посторонней женщинѣ изъ чужого племени. Джисъ Укъ знала одинъ только видъ самопожертвованія— когда динамическимъ факторомъ является палка, какъ знаетъ собака, что надо отказываться отъ украденной кости, когда бьютъ. Однако, когда это потребовалось, Джисъ Укъ сумѣла подняться до уровня царственной бѣлой расы и отказаться отъ своихъ правъ самымъ благороднымъ образомъ.

Такимъ образомъ, исторія Джисъ Укъ является въ то же время исторіей Нейла Бонера и Кити Бонеръ и двухъ наслѣдниковъ Нейла Бонера. Джисъ Укъ имѣла бронзовую кожу, но она все же не была ни индианкой, ни эскимоской, ни инуиткой. Говорятъ, что, много лѣтъ тому назадъ, нѣкій Сколцъ, индѣецъ изъ племени тояатовъ, на Юконѣ, спустился къ Большому Устью, гдѣ живутъ инуиты, и сталъ жить съ женщиной по имени Олили. Эта Олили родилась отъ эскимоски и инуита, а у Сколца и Олили родилась дочь Хали—наполовину индианка-тояатка, на четверть инуитка и на четверть эскимоска. И Хали была бабушкой Джисъ Укъ.

Но Хали, въ жилахъ которой текла кровь трехъ разныхъ племенъ, очевидно, ничего не имѣла противъ дальнѣйшаго смѣшенія расъ. Она сошлась съ нѣкимъ Шпакомъ—русскимъ мѣхоторговцемъ, котораго звали также Толстымъ. Мы называли Шпака русскимъ только потому, что не могли подыскать болѣе точнаго для него названія; въ самомъ дѣлѣ, отецъ Шпака былъ русскимъ каторжникомъ, бѣжавшимъ изъ сибирскихъ рудниковъ на сѣверъ, а мать его была Зимба, изъ племени Оленя.

Если бы Шпакъ не попалъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ къ племени Моря, живущему вдоль береговъ Ледовитаго океана, онъ не сталъ бы дѣдомъ Джисъ Укъ, и намъ нечего было бы рассказывать. Но онъ *попалъ* въ плѣнъ къ племени Моря, и изъ него сперва бѣжалъ на Камчатку, а оттуда поѣхалъ матросомъ на норвежскомъ китобойномъ суднѣ въ Балтійское море. Такимъ образомъ, онъ попалъ въ Петербургъ; но, нѣсколько лѣтъ спустя, судьба опять закинула его въ ту тяжкую страну, гдѣ раньше текла кровь и раздавались стоны его отца. Однако, Шпакъ былъ человѣкъ свободный и служилъ въ русской мѣхопромышленной компаніи. Въ качествѣ представителя этой компаніи онъ заходилъ все дальше и дальше на сѣверъ, и, наконецъ, переѣхалъ Беринговъ проливъ и попалъ въ русскую Америку. И въ Пастоликѣ, у самаго Большого устья Юкона, онъ сталъ мужемъ Хали, которая, такимъ образомъ, стала бабушкой Джисъ-Укъ.

По порученію компаніи, Шпакъ, какъ-то отправился въ лодкѣ вверхъ по Юкону въ Нулато и взялъ съ собою Хали и дочь Тукесанъ. Это было въ 1850 году, — какъ разъ въ томъ году, когда береговые индѣйцы напали на Нулато и снесли его съ лица земли. Шпакъ и Хали при этомъ исчезли, исчезла и дочь ихъ Тукесанъ. Тояаты до сихъ поръ увѣряютъ, что въ этомъ дѣлѣ они были не причемъ; какъ бы то ни было, а фактъ остается фактомъ, — Тукесанъ выросла въ ихъ средѣ.

Тукесанъ стала женою одного изъ тояатовъ, потомъ его брата, но ни отъ того, ни отъ другого не имѣла дѣтей. Женщины по этому поводу ка-

чали головами, и третьяго тояата, который рѣшился бы жениться на бесплодной вдовѣ, уже не находилось. Но въ это время, въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ вверхъ по рѣкѣ, въ фортѣ Юконъ, жилъ человекъ, по имени О'Брайанъ. Фортъ Юконъ принадлежалъ компаніи Гудзонова залива, и О'Брайанъ состоялъ у нея на службѣ. Это былъ хорошій и вѣрный служака, но онъ пришелъ къ убѣжденію, что служба у компаніи—дѣло неважное, и въ одинъ прекрасный день доказалъ, что это убѣжденіе сидѣло въ немъ глубоко, и дезертировалъ. Итти на западъ было рискованно: и далеко, и всюду раскинуты форты компаніи; оставалось только спуститься внизъ по Юкону. Правда, до сихъ поръ еще ни одинъ бѣлый не спускался внизъ по Юкону, и ни одинъ бѣлый даже не зналъ, впадаетъ-ли Юконъ въ Ледовитый океанъ, или въ Берингово море; но О'Брайанъ былъ кельтомъ, и опасности и приключенія не пугали, а привлекали его.

Нѣсколько недѣль спустя, онъ, истомленный, изголодавшійся и полумертвый отъ рѣчной ледорадки, врѣзался носомъ своей лодки въ песокъ передъ дерзней тояаторъ и тутъ же лишился чувствъ. Пока онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль отдыхалъ, чтобы возстановить свои силы, онъ смотрѣлъ на Тукесанъ и напелъ, что она хороша. Подобно отцу Шпака, оставшемуся въ глубокой старости среди сибирскихъ оленеводовъ, О'Брайанъ могъ бы также навсегда остаться у тояаторъ, но въ немъ горѣлъ беспокойный огонь искателя приключеній. Онъ хотѣлъ быть первымъ бѣлымъ, спустившимся отъ форта Юкона до моря и достигшимъ Сѣверо-

Западнаго прохода съ суши. Такимъ образомъ, онъ спустился по рѣкѣ, выполнилъ свою задачу, но подвиги его никѣмъ не были воспѣты и въ лѣтописи не вошли. Впослѣдствіи онъ открылъ въ Санъ-Франциско пансіонъ для матросовъ, при чемъ достигъ славы великаго лгуна, благодаря святой правдѣ, которую онъ рассказывалъ. Но отъ него у Тукесанъ родилось дитя — Джисъ Укъ. Мы подробно остановились на ея генеалогіи, во-первыхъ, для того, чтобы показать, что она не была ни индіанкой, ни эскимоской, ни инуиткой, ни вообще не принадлежала ни къ одной опредѣленной расѣ; во-вторыхъ, для того, чтобы показать, какая разнообразная мѣшанина разныхъ кровей стоитъ позади каждаго изъ насъ, и какъ капризно сочетается сѣмя, отъ котораго мы приходимъ.

Несмотря на разнообразный характеръ своихъ предковъ, Джисъ Укъ вышла молодой красавицей. У нея былъ чрезвычайно странный типъ, который привелъ бы въ глубокое изумленіе любого этнолога. Она отличалась необыкновенной для этой страны тонкостью и изяществомъ фигуры, Но кельгская кровь сказывалась въ ней развѣ только въ богатствѣ воображенія; то, что лицо и тѣло ея были довольно свѣтлы и кожа нѣжная, можно было скорѣе приписать Шпаку «Толстому» унаслѣдовавшему эти отличительныя черты славянской расы. Наконецъ, она обладала большими, горящими глазами, круглыми, выпуклыми, съ чувственнымъ взглядомъ, такими глазами, въ которыхъ сказывается столкновеніе темныхъ расъ съ бѣлою. Она была честолюбива—въ этомъ тоже сказывалась бѣлая

кровь и, особенно, сознание принадлежности къ ней всемъ же прочемъ, благодаря воспитанію, она была вполне, во всѣхъ отношеніяхъ, настоящей индианкой.

Однажды зимою, когда она была еще молодою женщиной, въ ея жизнь вошелъ Нейлъ Бонеръ; вошелъ, правда, нехотя, какъ нехотя явился и въ эту суровую страну.

Это послѣднее обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ, произошло въ значительной степени противъ его желанія. Отецъ его занимался только стрижкой купоновъ и выращиваніемъ розъ, мать всецѣло отдалась свѣтской жизни; при такихъ обстоятельствахъ молодой человѣкъ, естественно, сбился съ пути. Онъ не былъ собственно пороченъ, но когда человѣкъ ѣстъ во всю и ничего не дѣлаетъ, то долженъ же онъ какъ-нибудь тратить излишекъ своихъ силъ. И Нейлъ Бонеръ сталъ тратить свои силы такими путями и такъ щедро, что быстро достигъ неизбѣжнаго кризиса. Тогда отецъ, въ ужасѣ, выльзъ изъ своихъ розовыхъ кустовъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына; потомъ поспѣшилъ къ одной старушкѣ, занимавшейся тѣмъ же, что и онъ, и съ которой онъ любилъ совѣтоваться относительно купоновъ и розъ и, обсудивъ сообща создавшееся положеніе, они рѣшили, что молодому человѣку надо уѣхать, чтобы выльчиться отъ своихъ безумствъ и получить возможность прожить свою жизнь такъ же спокойно и прилично, какъ прожили ее они.

Такъ какъ молодой Нейлъ уже самъ устыдился своего образа жизни и раскаявался въ немъ, то

все остальное сдѣлалось легко и просто. Старикимѣли порядочное количество акцій Тихоокеанской компаніи. Тихоокеанская компанія владѣла цѣлыми эскадрами морскихъ и рѣчныхъ судовъ и эксплуатировала не только моря, но также сотни тысячъ квадратныхъ миль въ такихъ мѣстностяхъ, которыя на географическихъ картахъ, обыкновенно, обозначаются въ видѣ бѣлыхъ пространствъ. И Тихоокеанская компанія послала молодого человека на сѣверъ, въ эти бѣлыя пространства, чтобы исправиться и стать такимъ же хорошимъ, какъ его отецъ. «Пять лѣтъ простого образа жизни, близко къ землѣ и подальше отъ искушеній, сдѣлають изъ него настоящаго человѣка»,—сказалъ Нейль Бонеръ старшій, вновь влѣзая въ свои розовые кусты.

Молодой Нейль стиснулъ зубы и мужественно принялся за работу. Онъ хорошо дѣлалъ свое дѣло и заслужилъ довѣріе начальства. Работу онъ не любилъ, но безъ нея онъ сошелъ бы съ ума отъ тоски.

Въ теченіе перваго года онъ мечталъ о смерти, въ теченіе втораго—проклиналъ небеса и судьбу; въ теченіе третьяго—объ эти эмоціи чередовались и онъ, въ смятеніи души, поссорился съ крупной особой. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ совершенно правъ, но сила была на сторонѣ особы, и молодой человѣкъ былъ переведенъ въ такое мѣсто, откуда прежнее казалось чуть не раемъ. Однако, онъ отправился, не говоря ни слова, потому что къ этому времени сѣверъ уже успѣлъ сдѣлать изъ него дисциплинированнаго человѣка.

По бѣлымъ пространствамъ на географическихъ картахъ кое-гдѣ разбросано нѣсколько кружковъ, въ видѣ «о», и возлѣ этихъ кружковъ можно прочесть названія: «Фортъ Юконъ», «Фортъ Гамильтонъ», «Двадцать Миль», «Постъ Танапа» и т. д. Можно подумать, что на этихъ бѣлыхъ пространствахъ разсѣяны въ достаточномъ количествѣ города и деревни. Но это—глубокое заблужденіе. «Двадцать Миль», напримѣръ, подобно прочимъ постамъ, представляетъ собою средней величины двухъэтажную бревенчатую избу; за ней стоитъ амбаръ на высокихъ подпоркахъ и два сарая. Дворъ не огороженъ, и границы его теряются за горизонтомъ, какъ далеко—неизвѣстно. Никакихъ другихъ зданій отсюда не видно; но иногда въ одной или въ двухъ миляхъ отсюда, на берегу Юкона, располагаются на зимовку тояаты. Таковы посты—многочисленные щупальцы Тихоокеанской компаніи. Въ нихъ агентъ компаніи и его помощникъ покупаютъ у индѣйцевъ мѣха и ведутъ нерегулярную торговлю съ забредающими сюда золотопромышленниками, расплачивающимися за свои покупки золотымъ пескомъ. И агентъ и его помощникъ всю зиму мечтаютъ о веснѣ, а, когда она наступаетъ, перебираются на крышу и оглашаютъ воздухъ ругательствами, пока Юконъ спокойно затапливаетъ и перемываетъ всю внутренность дома. На четвертый годъ своего пребыванія на сѣверѣ, Нейль Бонеръ получилъ именно этотъ постъ.

Ему не пришлось стогнать съ мѣста прежняго агента, такъ какъ его предшественникъ самъ ушелъ. «Не выдержалъ—мѣсто очень суровое», такъ

объяснилъ его уходъ изъ этого міра помощникъ; но тояаты, сидя у своихъ костровъ, говорили совѣмъ другое. Этотъ помощникъ имѣлъ узкую, слабую грудь, покатыя плечи и провалившіяся, какъ у трупа, щеки, которыя не могла заполнить его рѣдкая, черная борода. Онъ всегда кашлялъ, какъ человѣкъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и въ его глазахъ блестѣлъ горячечный, безумный огонекъ, свойственный этого рода больнымъ. Звали его Пентли—Амосъ Пентли. Бонеръ не любилъ его, но чувствовалъ искреннее состраданіе къ этому безнадежному, одинокому бѣдняку. И жили они далеко не дружно; хотя гдѣ-гдѣ, а въ этой забытой Богомъ странѣ, въ царствѣ стужи, безмолвія и мрака люди должны бы жить особенно дружно между собою.

Въ концѣ-концовъ, Бонеръ пришелъ къ заключенію, что Пентли не совѣмъ въ своемъ умѣ, и съ тѣхъ поръ оставилъ его въ покоѣ и сталъ дѣлать всю работу, за исключеніемъстряпни, самъ. Но и этимъ онъ ничего не добился, и Амосъ продолжалъ относиться къ нему съ нескрываемою ненавистью. Бонеру это было тяжело потому, что для него сочувствіе и поддержка живого человѣка значили бы очень много. И еще въ самомъ началѣ зимы онъ сталъ догадываться о томъ, что помощникъ не мало способствовалъ уходу его предшественника въ лучший міръ.

Тоскливо было на Двадцати Миляхъ. Во все стороны, до самаго горизонта, простирались необозримыя пространства бѣлой пустыни. Мерзлый снѣгъ тяжелымъ саваномъ покрывалъ мертвую, без-

молвную землю. Иногда термометръ надолго спу-
скался до сорока или пятидесяти градусовъ подъ
нулемъ, при ясной, прозрачной погодѣ; затѣмъ
вся находившаяся въ воздухѣ влага сгущалась въ
тяжелыя, безформенныя тучи, дѣлалось тепло, тер-
мометръ поднимался до двадцати восьми или три-
дцати градусовъ мороза, и тучи разрѣшались твер-
дымъ, крупнымъ, зернистымъ снѣгомъ, шурша-
вшимъ подъ ногами, какъ сахарный песокъ. Послѣ
этого снова дѣлалось ясно и морозно, пока въ воз-
духѣ не набиралось снова достаточно влаги. И это
было все. Этимъ заполнялась вся зима. Не было ни
вѣтра, ни бурь—ничего, ничего. Можетъ быть, са-
мымъ замѣчательнымъ явленіемъ за всю зиму было
то, что однажды термометръ ненадолго поднялся
до двадцати пяти градусовъ мороза, что было изъ
ряда вонъ выходящимъ событіемъ. Зато, нѣсколько
дней спустя, ртуть въ термометрѣ замерзла, а спир-
товый термометръ спустился до пятидесяти пяти
градусовъ и спустился бы еще ниже, если бы труб-
ка не лопнула. И ночи все удлинялись и удлиня-
лись, такъ что день въ серединѣ зимы сводился
къ едва замѣтному кратковременному проясненію
южной стороны горизонта.

Нейлъ Бонеръ былъ въ высокой степени обще-
ственнымъ животнымъ; именно за чрезмѣрную об-
щественность онъ теперь несъ наказаніе. И вотъ,
на четвертый годъ ссылки, онъ очутился наединѣ
съ мрачнымъ, безмолвнымъ существомъ, въ гла-
захъ котораго безпрестанно горѣла глубокая и ни-
чѣмъ не вызванная ненависть къ нему. Бонеръ
мучился въ своемъ вынужденномъ одиночествѣ.

Днемъ онъ еще крѣпился, работалъ, стиснувъ зубы, съ окаменѣлымъ лицомъ; но зато ночью онъ, какъ ребенокъ, метался на своей постели, кричалъ и по цѣлымъ часамъ осыпалъ проклятіями имя извѣстной ему крупнѣйшей особы. Проклиналъ онъ и Бога, но Богъ понимаетъ и прощаетъ; Онъ не можетъ наказывать слабыхъ смертныхъ, богохульствующихъ въ далекой Аляскѣ.

Однажды на Двадцать Миль явилась Джисъ Укъ, чтобы вымѣнять свои вышитыя бисеромъ рукодѣлія на муку и копченое сало. И при этомъ невольнѣ заставила бѣднаго, одинокаго человѣка сильнѣе почувствовать свое одиночество и по ночамъ въ томленіи простираетъ въ пространство свои руки для объятій... Нейлъ Бонеръ былъ только человѣкъ. Когда она впервые явилась въ лавку, онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ на человѣка, изнывающій отъ жажды, смотритъ въ колодезь. А въ ней, благодаря тому, что въ ея жилахъ текла кровь О'Брайана, заговорило смѣлое воображеніе, и она улыбалась ему, но не такъ, какъ темнокожія расы улыбаются расѣ царственной, а какъ женщина улыбается мужчинѣ. И это было неизбежно; только онъ этого не понялъ и боролся мужественно и страстно, но къ ней влекла его неодолимая сила. А она? Она, по воспитанію, была совершенной индіанкой-тояткой.

Она стала часто являться на постъ для мѣновой торговли и стала подолгу сидѣть у большой желѣзной печки и разговаривать съ Нейломъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Когда ея не было, онъ ждалъ ея прихода, и когда она не приходила,

онъ не могъ найти себѣ мѣста. Иногда онъ задумывался; въ такіе дни онъ встрѣчалъ ее съ такою холодною и съ такимъ выраженіемъ рѣшимости на лицѣ, что она недоумѣвала и думала, что онъ это дѣлаетъ неискренно. Однако, чаще всего, онъ не думалъ, нарочно не думалъ; тогда все шло хорошо, оба много улыбались и смѣялись. А Амосъ Пентли, задыхаясь, какъ вынутая на берегъ рыба, кашлялъ, смотрѣлъ на нихъ и нехорошо усмѣхался. Онъ любилъ жизнь, но ему не было дано жить, и его до глубины души возмущало, что другіе живутъ. Поэтому онъ глубоко ненавидѣлъ Нейла, въ которомъ жизнь кипѣла ключомъ и въ глазахъ котораго свѣтилась радость жизни каждый разъ, когда онъ видѣлъ Джисъ Укъ. Самъ же Амосъ, при мысли о молодой женщинѣ, задыхался,—такъ яростно начинало сердце колотиться въ его груди.

Джисъ Укъ, съ ея простымъ, прямолинейнымъ умомъ, съ ея элементарной воспримчивостью и неспособностью вдаваться въ тонкую игру душевныхъ переживаній, читала въ сердцѣ Амоса Пентли, какъ въ открытой книгѣ. Она въ немногихъ простыхъ и прямыхъ словахъ предупредила Бонера; однако, онъ смотрѣлъ на людей не такъ просто, какъ она, и потому только посмѣялся надъ ея опасеніями. Для него Амосъ являлся жалкимъ, несчастнымъ страдальцемъ, бредшимъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, къ своей могилѣ. А Бонеръ самъ достаточно страдалъ и потому умѣлъ многое прощать.

Однажды, послѣ невольнаго, рѣзкаго столкновенія съ нимъ за завтракомъ, онъ выскочилъ изъ-

за стола и отправился въ лавку. Джисъ Укъ, зарумянившаяся отъ быстрой ѣзды и радостная, была уже тамъ, чтобы купить мѣшокъ муки. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на дворъ и сталъ укладывать мѣшокъ на ея сани; но, нагнувшись, чтобы приподнять ремни, онъ почувствовалъ судорожную боль въ затылкѣ; онъ уже не былъ въ состояннн выпрямиться и, упавши въ снѣгъ, забился въ судорогахъ; все тѣло его трепетало, голова согнулась на бокъ, члены выпрямились, спина согнулась дугою, а на болѣзненно искривленныхъ губахъ показалась пѣна. Джисъ Укъ, безъ одинаго крика, въ тотъ же мигъ очутилась около него, но онъ судорожно сжалъ ее за кисти рукъ, и, пока не кончился припадокъ, она была не въ состояннн помочь ему. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пересталъ корчиться, но совершенно обезсилѣлъ, былъ весь покрытъ холодной испариной и бессмысленно вращалъ глазами.

— Скорѣе, — пробормоталъ онъ хриплымъ, какъ будто чужимъ, голосомъ: — скорѣе... въ домъ.

Онъ пытался поползти на четверенькахъ, но она подняла его на ноги и, поддерживая его своими сильными, молодыми руками, помогла ему войти въ домъ. Но въ лавкѣ припадокъ возобновился, ей не удалось удержать его, и онъ снова въ судорогахъ повалился на полъ. Въ это время вошелъ Амосъ Пентли и сталъ съ любопытствомъ наблюдать за этой сценой.

— О, Амосъ! — воскликнула она въ отчаяннн: — ты думаешь, онъ умираетъ?

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книгъ при чтеннн.

Но Амось только пожалъ плечами, не спуская съ него глазъ.

Тѣло Бонера перестало биться, мускулы ослабѣли, и на его лицѣ появилось выраженіе облегченія.

— Скорѣе, — проговорилъ онъ сквозь зубы, чувствуя снова наступленіе припадка. — Скорѣе, Джисъ Укъ! Лѣкарства! Тащи меня скорѣе!

Она знала, гдѣ находится ящикъ съ лѣкарствами, и тотчасъ же поволокла больного за ноги въ заднюю комнату, къ печкѣ. Когда прошелъ третій припадокъ, онъ приподнялся и съ лихорадочной поспѣшностью принялся перебирать содержимое ящика. Ему приходилось видѣть собакъ, умиравшихъ въ совершенно подобныхъ судорогахъ, и онъ прекрасно зналъ, что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ. Онъ отыскалъ пузырекъ съ хлораль-гидратомъ, но пальцы его отъ слабости не могли вытащить пробки. Джисъ Укъ выхватила у него пузырекъ, а съ нимъ въ это время дѣлался уже четвертый припадокъ. Какъ только онъ пришелъ въ себя, она протянула ему пузырекъ, и въ ея глазахъ онъ увидѣлъ то, что мужчины всегда видятъ во взорахъ любящей женщины. Онъ поспѣшилъ выпить дозу лѣкарства и легъ на землю въ новомъ припадкѣ. Затѣмъ онъ приподнялся на локтѣ.

— Слушай, Джисъ Укъ, — проговорилъ онъ, медленно, но напряженно. — Сдѣлай то, что я тебѣ говорю. Останься около меня, но не трогай меня. Я долженъ лежать спокойно, но ты не должна уходить. — Лицо его искривилось отъ начинавшихся снова спазмъ, и онъ поспѣшилъ докончить прежде,

чѣмъ снова начнутся конвульсіи:—только не уходи. И не давай Амосу уходить. Понимаешь!? Амосъ долженъ остаться здѣсь.

Она закивала головой, и онъ легъ на полъ; впрочемъ, припадки становились все рѣже и слабѣе. Джисъ Укъ въ точности исполняла его приказаніе, не отходила отъ него, но и не касалась его. Амосъ безпокойно топтался на мѣстѣ и повернулся, чтобы отправиться въ кухню. Но она такъ угрожающе посмотрѣла на него, что онъ остался и послѣ этого стоялъ совершенно спокойно, только по временамъ мучительно кашлялъ.

Бонеръ спалъ. Слабый свѣтъ короткаго дня потухалъ, и Амосъ засвѣтилъ керосиновую лампочку. Джисъ Укъ, не спуская съ него глазъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Настала ночь. За окномъ, выходявшемъ на сѣверъ, переливалось сѣверное сіяніе, то зажигая багровымъ пламенемъ все небо, то безслѣдно потухая...

Наконецъ, Бонеръ проснулся. Прежде всего онъ посмотрѣлъ, здѣсь ли находится Амосъ; потомъ улыбнулся Джисъ Укъ и съ нечеловѣческими усиліями поднялся на ноги. Всѣ мускулы его тѣла ныли и плохо слушались его воли; но онъ упрямо улыбнулся и принялся ощупывать свое тѣло и двигать своими членами, чтобы узнать, насколько онъ пострадалъ. Затѣмъ лицо его приняло серьезное, дѣловое выраженіе.

— Джисъ Укъ,—сказалъ онъ,—возьми свѣчу. Иди въ кухню. На столѣ остались недоѣденные булочки и бобы, а въ кофейникѣ, на печкѣ, кофе. Принеси все это сюда на стойку. Принеси также

стаканы, воды и виски. Виски ты найдешь въ шкапу, на верхней полкѣ.

Онъ выпилъ большую рюмку виски и снова пересмотрѣлъ все содержимое ящика, отложивъ въ сторону нѣсколько пузырьковъ. Послѣ этого, собравъ всѣ свои познанія по аналитической химіи, онъ принялся изслѣдовать пищу, поскольку это было возможно съ тѣми простыми реактивами, которые имѣлись у него подъ рукою. Припадки столбняка были настолько характерны, что ему не приходилось далеко искать. Изслѣдованіе кофе не дало никакихъ результатовъ, такъ же, какъ и бобовъ. Тогда онъ особенно старательно принялся за булочки. Амосъ не имѣлъ никакого представленія о химіи и съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ. Но Джисъ Укъ, относившаяся съ безграничнымъ довѣріемъ къ мудрости бѣлыхъ людей вообще, а Нейла Бонера въ частности, и не только ничего не знавшая, но прекрасно сознававшая, что ничего не знаетъ, внимательно слѣдила за нимъ, но не за его руками, а за выраженіемъ его лица.

Мало-по-малу онъ подошелъ къ послѣдней, рѣшительной реакціи. Въмѣсто пробирки онъ употреблялъ тонкій пузырекъ изъ-подъ какого-то лѣкарства, и, придерживая его двумя пальцами, внимательно наблюдалъ, какъ въ прозрачной жидкости медленно получался осадокъ какой-то соли. Онъ не проронилъ ни одного слова, но нашелъ какъ-разъ то, что ожидалъ. И Джисъ Укъ, въ свою очередь, прочла на его лицѣ нѣчто, что заставило ее вскочить съ мѣста, броситься, какъ тигрица, на Амоса и ловкимъ, сильнымъ движеніемъ при-

гнуть его къ самому полу; она быстро выхватила изъ-за пояса ножъ и подняла его сверкавшее лезвее. Амосъ только бессильно и злобно рычалъ, но Бонеръ поспѣлъ на выручку прежде, чѣмъ ножъ успѣлъ вонзиться въ его трепетавшее тѣло.

— Ты—хорошая дѣвочка, Джисъ Укъ. Но не надо этого. Пусть онъ лучше уѣдетъ отсюда.

Она покорно спрятала ножъ, хотя и не безъ сожалѣнiя, и Амосъ покатился на полъ. Бонеръ толкнулъ его ногою.

— Встаньте, Амосъ,—приказалъ онъ.—Вамъ придется взять собакъ и убраться отсюда.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что вы пытались отравить меня,—сказалъ Нейлъ спокойнымъ голосомъ.—И теперь я знаю, что вы убили и Бердзола, хотя компанiя предполагаетъ, что онъ самъ себя убилъ. Мнѣ вы дали стрихнинъ, и одному только Богу извѣстно, что вы дали ему. Я не могу васъ убить, потому что вы и такъ полу-мертвый. Но мы не можемъ оставаться вмѣстѣ на Двадцати Миляхъ, поэтому вамъ надо убраться. Отсюда до Святого Креста—двѣсти миль. Если вы постараетесь не переутомляться, вы туда еще можете добраться. Я дамъ вамъ припасовъ, сани и тройку собакъ. Убѣжать вы отсюда никуда не убѣжите, а компанiя я объ этомъ ничего не дамъ знать до весны; постарайтесь къ тому времени умереть. А теперь уберите.

— Ложитесь въ постель; вы совсѣмъ больны, Нейлъ,—сказала Джисъ Укъ, какъ только Амосъ ушелъ съ поста.

— Ты—хорошая дѣвочка, Джисъ Укъ,—отвѣчалъ онъ.—Но только тебѣ пора домой.

— Ты меня не любишь,—просто замѣтила она.

Онъ улыбнулся, помогъ ей надѣть мѣховой плащъ и проводилъ ее до двери.

— Нѣтъ, я люблю тебя, Джисъ Укъ, очень люблю,—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Послѣ этого приключенія ему стало еще тягостнѣе, чѣмъ раньше. По временамъ Нейлу казалось, что онъ недооцѣнилъ значеніе для себя даже мрачнаго лица гнуснаго Амоса. И однажды онъ съ оказіей послалъ записку Прентису, завѣдывавшему постомъ фортъ Гамильтонъ, въ трехъ стахъ миляхъ отъ него: «Ради Бога, Прентисъ, пришлите мнѣ кого-нибудь». Черезъ шесть недѣль проѣзжіи индѣецъ передалъ ему характерный, лаконическій отвѣтъ: «Чортъ! Отморозилъ себѣ обѣ ноги. Онъ мнѣ самому нуженъ. Прентисъ».

Вдобавокъ большая часть тояатовъ ушла вглубь страны въ погонѣ за стадомъ оленей, и съ ними вмѣстѣ ушла и Джисъ Укъ. Теперь, когда она была далеко, она была ему еще милѣе, и онъ безпрестанно думалъ и мечталъ о ней. Нехорошо быть одному. Ему не разъ приходилось въ отчаяніи выскакивать на дворъ и потрясать кулаками по адресу безмолвнаго неба; случалось, что ночью онъ выскакивалъ изъ своей теплой постели, выходилъ на морозъ и начиналъ сыпать ругательствами въ мрачное безмолвіе, какъ будто онъ могъ вызвать этимъ какой-нибудь отвѣтный звукъ или движеніе; или принимался кричать на собакъ и дразнить ихъ, пока онъ, въ свою очередь, не при-

нимались выть. Одну изъ нихъ онъ даже какъ-то помѣстилъ съ собою въ домѣ и старался воображать, будто это и есть товарищъ, о которомъ онъ умолялъ Прентиса; онъ пытался укладывать ее въ чистую постель, заставлялъ ее сидѣть за столомъ на стулѣ и ѣсть прилично, какъ человѣкъ. Но собака была мѣстной, дикой породы, чуть-ли не прирученномъ волкомъ; она то-и-дѣло возставала противъ такой муштровки, забиралась въ уголь, рычала, скалила зубы, наконецъ, какъ-то укусила его за ногу, была за это побита и выброшена вонъ.

Тогда онъ сталъ олицетворять окружающіе явленія и предметы. Все окружающее одѣлось въ плоть и стало жить. Онъ возстановилъ для себя пантеонъ первобытнаго человѣка; устроилъ алтарь и посвятилъ его солнцу, и жегъ на немъ свѣчное сало и жиръ. Во дворѣ, около сарая, онъ сдѣлалъ изображеніе духа мороза, и когда ртуть спускалась особенно низко, дѣлалъ ему гримасы и издѣвался надъ нимъ. Конечно, все это онъ дѣлалъ въ шутку и постоянно твердилъ себѣ, что это только шутки отъ скуки, совершенно не подозревая, что безуміе часто вначалѣ проявляется въ видѣ шутокъ и игры воображенія.

Въ одинъ прекрасный день въ постъ случайно забрелъ іезуитъ-миссіонеръ, отецъ Шампро. Бонеръ такъ и накинулся на него: втащилъ его въ домъ, вцѣпился въ него и такъ разрыдался, что священникъ, въ свою очередь, не могъ удержаться отъ слезъ. Но Бонеръ тотчасъ же, казалось, обезумѣлъ отъ радости, чуть не окормилъ его и сталъ клясться, что ни за что не отпуститъ его. Но отецъ Шам-

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтении.

про спѣшилъ ѣхать дальше по порученію своего ордена, и уѣхалъ на слѣдующее же утро, несмотря на заявленіе Бонера о томъ, что его (Бонера) кровь падетъ на его голову.

Угроза эта была недалеко отъ своего осуществленія, когда, къ счастью, тояаты возвратились съ охоты на свои зимовья. Джисъ Укъ стала опять являться на постъ за бисеромъ, сукномъ и прочими вещами, и Бонеръ, мало-по-малу, пришелъ въ нормальное состояніе. Развязка наступила неожиданно, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда она прощалась, собираясь возвратиться домой. Она не забыла, что онъ однажды оттолкнулъ ее, и она была горда, не даромъ въ ея жилахъ текла кровь честолюбиваго О' Брайана, открывшаго сухопутную дорогу къ Сѣверо-Западному Проходу.

— Теперь я иду, — сказала она. — Спокойной ночи, Нейль.

Но онъ подошелъ къ ней сзади:

— Нѣтъ, Джисъ Укъ, это нехорошо, этого не надо.

И когда она, внезапно затрепетавъ отъ радости, обернулась къ нему, онъ медленно, серьезно, какъ бы совершая святое дѣло, склонился къ ней и поцѣловалъ ее въ губы. Тояаты не знали, что такое поцѣлуй, но она сразу поняла и ей стало сладостно.

Съ появленіемъ Джисъ Укъ, все въ домѣ пріобрѣло новую, свѣтлую окраску. Она была невыразимо счастлива и сама стала неисчерпаемымъ источникомъ свѣта и тепла. Для него, человѣка, познавшаго всѣ тонкости цивилизаціи, первобытная простота ея ума и ея безграничная наивность во всемъ

являлись постояннымъ источникомъ милыхъ неожиданностей и наслажденій. Она не только являлась утѣшительницей въ его одиночествѣ, но ея первобытность освѣжала его собственный, перегруженный мозгъ. Онъ чувствовалъ, что, какъ-будто послѣ продолжительныхъ исканій, онъ, наконецъ, нашелъ успокоеніе на груди Матери-Земли. Однимъ словомъ, Джисъ Укъ дала ему свѣжесть молодости, силу и счастье.

Для полноты счастья на Двадцать Миль явился нѣкій Макферсонъ—болѣе пріятнаго и общительнаго человѣка едва ли, въ ту пору, можно было бы найти въ Аляскѣ. Иезуитъ, уѣхавъ отъ Бонера, случайно наткнулся на его бивуакъ и какъ разъ поспѣлъ въ-время, чтобы прочесть послѣднее напутствіе надъ тѣломъ умершаго товарища Макферсона. Прежде, чѣмъ уѣхать отъ него, онъ сказалъ ему: «Сынъ мой, теперь вамъ здѣсь будетъ тяжело и скучно одному». Макферсонъ печально опустилъ голову на грудь. «Но,—прибавилъ священникъ,—на Двадцати Миляхъ томится еще одинъ одинокій человѣкъ. Вы оба нужны другъ другу, сынъ мой».

Такимъ образомъ, Макферсонъ сталъ желаннымъ гостемъ и товарищемъ на Двадцати Миляхъ. Онъ научилъ Бонера охотиться на лосей и ставилъ капканы на волковъ; а Бонеръ, съ своей стороны, откопалъ старый, истрепанный томъ Шекспира и познакомилъ съ нимъ Макферсона, и этотъ послѣдній до того увлекся этими произведеніями, что даже своихъ собакъ сталъ отчитывать ямбами и пантаметрами. Въ теченіе безконечныхъ вечеровъ пріатели играли въ шашки или спорили и препирались обо

всемъ въ мірѣ, а Джисъ Укъ, удобно расположившись въ креслѣ, чинила и штопала имъ чулки и макассины.

Настала, наконецъ, весна. Однажды на южной сторонѣ неба показалось солнце. Земля сбрасывала съ себя суровья, зимнія одежды и одѣвалась въ пышные, веселые цвѣта. Всюду вокругъ разливалась жизнь и приглашала всѣхъ къ себѣ на пиръ. Дни удлинялись, ночи становились все короче и короче и, наконецъ, совершенно прекратились. Рѣка пошла, и на ней по временамъ стало слышаться пыхтѣніе рѣчныхъ пароходовъ. Все оживилось, появились новыя лица и новыя явленія. На Двадцать Миль пріѣхалъ новый помощникъ, а Макферсонъ присоединился къ партіи золотоискателей, собиравшихся изслѣдовать новую, неизслѣдованную, область. Нейлу Бонеру привезли письма, газеты и журналы. Джисъ Укъ съ удивленіемъ слѣдила за нимъ, когда онъ читалъ, сознавая, что его близкіе бесѣдуютъ съ нимъ съ другого конца свѣта.

Нейлъ безъ особеннаго огорченія узналъ, что отецъ его приказалъ долго жить. Передъ самую смертью онъ написалъ ему ласковое прощальное письмо. Было нѣсколько писемъ отъ компаніи, въ которыхъ его любезно приглашали передать постъ помощнику и возвратиться обратно въ Штаты, когда только онъ пожелаетъ. Въ длинномъ офиціальномъ письмѣ адвокаты сообщали ему безконечные списки разныхъ акцій и облигацій, недвижимостей и движимостей, доставшихся ему по завѣщанію. Въ маленькомъ, изящномъ, надушенномъ письмѣ умо-

ляли милаго Нейла, какъ можно скорѣе, вернуться въ объятія убитой горемъ и любящей его матери.

Нейлъ Бонеръ быстро обдумалъ свой планъ, и, когда «Юконская Красавица» запыхтѣлъ на рѣкѣ, направляясь внизъ по теченію къ Берингову морю, онъ уѣхалъ на немъ. Уѣхалъ съ обычной, издревле освященной ложью на устахъ—съ обѣщаніемъ скоро вернуться.

— Я вернусь, дорогая Джисъ Укъ, прежде, чѣмъ падетъ первый зимній снѣгъ,—говорилъ онъ ей, цѣлуя ее на берегу.

И не только обѣщалъ, но, подобно большинству мужчинъ въ подобныхъ случаяхъ, искренно вѣрилъ въ свое обѣщаніе. Новому агенту, Джону Томпсону, онъ оставилъ распоряженіе, чтобы Джисъ Укъ, его женѣ, дѣлался неограниченный кредитъ. Съ палубы парохода ему было видно, какъ полдюжины плотниковъ обтесывали бревна, чтобы изъ нихъ построить такой уютный домъ, о какомъ никто и мечтать не могъ на всемъ берегу Юкона,—домъ для Джисъ Укъ, въ который, конечно, пріѣдетъ жить и Нейлъ Бонеръ прежде, чѣмъ появится первый зимній снѣгъ. Онъ, дѣйствительно, собирался и желалъ возвратиться сюда. Джисъ Укъ была ему безконечно дорога, и, кромѣ того, съ веру предстояла колоссальная будущность. При помощи доставшихся ему послѣ смерти отца капиталовъ, онъ собирался приблизить время расцвѣта сѣвера и его возможностей. Его манила честолюбивая мечта стать для Аляски тѣмъ, чѣмъ для Трансвааля былъ Сесиль Родсъ; и ему казалось, что, благодаря своему состоянію, четырехлѣтнему опыту и

поддержкѣ Тихоокеанской компаніи, онъ ее осуществитъ. И онъ вернется, непременно вернется, какъ только приведетъ въ порядокъ дѣла отца и утѣшитъ мать, которую почти не зналъ.

Возвращеніе Нейла Бонера изъ далекой Аляски произвело въ его кругу сенсацію. Зажгли огни, закололи агнцевъ,—и все это доставляло ему невыразимое наслажденіе. Правда, теперь это былъ совершенно новый человѣкъ. Изъ Аляски онъ привезъ не только огрубѣвшую кожу, но также большую серьезность, самоувѣренность, дѣловитость. Прежніе товарищи были поражены, когда онъ твердо отказался отъ своего прежняго образа жизни; а старушка, пріятельница его отца, радостно потирала руки и приобрѣла славу большой специалистки по вопросу о перевоспитаніи сбившейся съ пути молодежи.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ умъ Нейла Бонера подвергся основательной чисткѣ. За все это время ему пришлось обогатиться весьма многими фактами, и кромѣ того онъ получилъ возможность отбросить много лишняго. На родинѣ Нейлъ жилъ слишкомъ быстрой и разнообразной жизнью, и только на сѣверѣ онъ пересмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ всю хаотическую массу впечатлѣній и переживаній. Онъ отдѣлался отъ своихъ прежнихъ, поверхностныхъ взглядовъ и приобрѣлъ новые, опиравшіеся на болѣе глубокія и широкія основанія. Въ частности, онъ вернулся домой съ совершенно новыми взглядами на цивилизацію. Тамъ, близко къ природѣ, онъ постигъ внутреннее значеніе цивилизаціи, узналъ, какъ ея слабыя стороны, такъ и

ея мощь. Въ результатѣ онъ составилъ себѣ опредѣленное міросозерцаніе, главные пункты котораго укладывались въ немногихъ, краткихъ афоризмахъ: чистота жизни—единственный путь къ спокойствію души; выполнение своихъ обязанностей освящаетъ жизнь; для плодотворнаго труда требуется чистая жизнь и исполненіе долга; въ трудѣ—спасеніе; а работать съ цѣлью все бѣльшаго и бѣльшаго расширенія поля своей дѣятельности и развитія своей личности—значитъ выполнять свое природное назначеніе и волю Бога.

Онъ былъ, прежде всего, человѣкъ городской; но, только благодаря своему четырехлѣтнему пребыванію на сѣверѣ, онъ научился цѣнить цивилизацію и городъ. Съ каждымъ днемъ городъ и его обитатели становились для него все ближе и милѣе, а Аляска—все дальше и безразличнѣе. Затѣмъ онъ встрѣтилъ Кити Шаронъ—молодую дѣвушку, родственную ему и по наклонностямъ и по воззрѣніямъ; она положила свою руку на его руку и привлекла его къ себѣ. И онъ совершенно забылъ, когда, въ какое время года идетъ на Юконѣ первый снѣгъ.

Джисъ Укъ перебралась въ свой великолѣпный бревенчатый домъ, и три лѣтнихъ мѣсяца прошли въ сладкихъ грезахъ. Потомъ наступила короткая осень,—предтеча долгой зимы. Стало холодно, дни все укорачивались; рѣка потемнѣла, и въ спокойныхъ мѣстахъ, по утрамъ, затягивало тонкой ледяной корой. Перелетныя птицы исчезли и на землю спустилось безмолвіе. Пошелъ первый снѣгъ

и прошелъ послѣдній пароходъ, отчаянно борясь съ встрѣчными льдинами. Юконъ, наконецъ, сталъ.

Новый агентъ, Джонъ Томпсонъ, только смѣялся, но Джисъ Укъ не теряла вѣры. Можетъ быть, зима застигла Нейла Бонера у переваловъ, гдѣ она каждый годъ застигаетъ запоздалыхъ путешественниковъ и заставляетъ ихъ послѣднюю часть пути совершать уже на собакахъ.

Но и когда установился санный путь по замерзшей рѣкѣ, Нейль не явился. И Джонъ Томпсонъ, съ плохо скрываемымъ злорадствомъ, сказалъ Джисъ Укъ, что онъ не явится никогда; съ такою же грубою прямою онъ предложилъ себя въ замѣстители. Джисъ Укъ только расхохоталась ему въ лицо и возвратилась къ себѣ. Но въ серединѣ зимы, когда надежды, вообще, улечиваются и жизнь совсѣмъ замираетъ, она вдругъ узнала, что ея кредитъ въ лавкѣ пришелъ къ концу. Это было дѣло Томпсона, и онъ, радостно потирая руки, тои-дѣло появлялся въ дверяхъ своего дома, смотрѣлъ на домъ Джисъ Укъ и улыбался, и ждалъ. Но она продала своихъ собакъ проѣзжимъ золотопромышленникамъ и стала пріобрѣтать свои припасы за деньги. А когда Томпсонъ отказался отпустить ей товары за деньги, то вмѣсто нея стали покупать тояаты и по ночамъ потихоньку доставлять ей покупки.

Въ февралѣ явилась первая зимняя почта, и Томпсонъ прочелъ въ старой, вышедшей пять мѣсяцевъ назадъ, газетѣ извѣстіе о бракосочетаніи Нейла Бонера и Кити Шаронъ. Джисъ Укъ стояла на порогѣ, не впуская его въ домъ, когда онъ переда-

валь ей это извѣстіе, а когда онъ окончилъ чтеніе, гордо расхохоталась въ отвѣтъ,—она не повѣрила.

Въ мартѣ она безъ всякой помощи родила крупнаго, здороваго младенца-мальчика. А годъ спустя, Нейль Бонеръ сидѣлъ у постели другой женщины, также давшей міру новое живое существо.

Снѣгъ стаялъ, Юконъ очистился отъ льда. Солнце прошло весь свой путь на сѣверъ и стало снова возвращаться къ югу. Отъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи собакъ, не осталось ничего, и Джисъ Укъ возвратилась къ своему народу. Одинъ изъ лучшихъ охотниковъ, Оше-Ишъ, предлагалъ ей доставлять добычу для нея и для ея ребенка и ловить для нея лососину. Но она отказалась отъ этого брака, отказала и Имего, и Ха-Ю, и Ви-Нучу, и всѣмъ прочимъ охотникамъ, дѣлавшимъ ей такого рода предложенія, предпочитая жить одиноко и самой промыслять себѣ мясо и рыбу. Она искусно шила плащи мокасины и рукавицы; все это было и тепло, и прочно, и красиво и находило себѣ покупателей среди золотоискателей, которыхъ съ каждымъ годомъ шло все больше и больше. Она не только кормилась, но и откладывала деньги, и въ одинъ прекрасный день купила билетъ и отправилась на *«Юконской Красавицы»* внизъ по рѣкѣ.

Въ Сентъ-Майкаэлѣ она нашла мѣсто кухарки при постѣ; служащіе не могли взять въ толкъ, кто такая эта необыкновенная женщина и ея необыкновенный ребенокъ; но ни они, ни о чемъ не спрашивали, ни она ничего не говорила. Къ самому концу навигаціи она на накопленные деньги сѣла на случайно забредшую сюда шхуну и по-

ѣхала дальше къ югу. Всю зиму она служила въ Уналяскѣ, а весною опять сѣла на грузовой пароходъ и отправилась въ Ситку. Такимъ образомъ, работая на пути то на рыбныхъ промыслахъ, то въ частныхъ домахъ, она въ два года добралась до Сьетла. Здѣсь она случайно встрѣтила Макферсона; эта неожиданная встрѣча поразила его, а, когда она рассказала ему свою исторію, онъ пришелъ въ глубокое негодованіе, хотя она и умолчала о Кити Шаронъ, потому что и сама этому не вѣрила. Макферсонъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ брошенная и забытая женщина—самая обыкновенная исторія, и старался уговорить ее не ѣхать въ Санъ-Франциско, гдѣ проживалъ Нейль Бонеръ. Однако, такъ какъ она упрямо стояла на своемъ, то онъ купилъ для нея билеты и устроилъ ее какъ можно удобнѣе, привѣтливо улыбаясь ей, но безпрестанно ворча про себя: «какая гнусность!»

Поѣздъ съ грохотомъ мчался сквозь лѣса, пронизывалъ горы, низвергался въ теплыя равнины, поднимался на холодныя горы, гдѣ еще стоялъ зимній снѣгъ, шелъ по краю пропастей и перебѣгалъ черезъ рѣки и потоки и, наконецъ, достигъ юга. Джисъ Укъ нисколько не боялась желѣзнаго коня. Все же чудесная цивилизація того народа, къ которому принадлежалъ отецъ ея ребенка, нѣсколько ошеломила ее, и она все больше и больше гордилась тѣмъ, что ей привелось лежать въ объятіяхъ челоуѣка изъ этой богоподобной расы. Наконецъ, въ Санъ-Франциско, среди безпрестаннаго движенія чудовищныхъ кораблей, среди гула и грома фабрикъ и заводовъ, среди треска и грохота безчис-

ленныхъ экипажей, она поняла всю жалкую ничтожность и безмѣрную тоскливость жизни на Двадцати Миляхъ.

Расплатившись съ каретой, она поднялась на крыльцо дома Бонера и позвонила. Узкоглазый японецъ долго пытался объяснить ей что-то; наконецъ, впустилъ ее и исчезъ. Она осталась въ передней и съ удивленіемъ оглянулась: кругомъ были развѣшаны и разставлены всевозможныя диковинныя вещи, — вѣроятно, все самое цѣнное, что имѣлось въ домѣ; потолокъ и стѣны были обиты краснымъ кедромъ; полъ блестѣлъ какъ ледъ, и ей пришлось стать на большую медвѣжью шкуру, чтобы почувствовать себя въ безопасности; центръ одной изъ стѣнъ занималъ чудовищной величины каминъ; комната освѣщалась потоками свѣта, проникавшими сквозь огромныя, мягко окрашенныя, стекла, а въ глубинѣ, среди пальмъ, сверкала мраморная статуя.

Косоглазый слуга повелъ ее черезъ рядъ еще болѣе роскошныхъ комнатъ. Какіе высокіе потолки, какая невиданная дивная мебель! Въ первый разъ цивилизація бѣлаго человѣка совершенно ошеломила ее. И Нейлъ, ея Нейлъ жилъ въ этомъ домѣ, дышалъ этимъ воздухомъ, спалъ здѣсь! Какъ это все прекрасно, но какая мудрость и какая огромная, божественная власть и сила сказывается во всѣхъ этихъ дивныхъ вещахъ!

Вошла высокая, спокойная женщина, съ ореоломъ роскошныхъ, бѣлокурыхъ волосъ, похожихъ на золотое солнце. Джисъ Укъ вся съежилась отъ удивленія: такой красоты въ человѣкѣ она никогда

не подозрѣвала. А это платье! Это—волны моря, это—дивная пѣсня! Джисъ Укъ сама сознавала силу своего очарованія надъ мужчинами: сколько охотниковъ добивалось ея, не говоря уже о Нейлѣ и о Томпсонѣ. Но она постаралась взглянуть съ точки зрѣнія мужчины на приближавшееся къ ней дивное, голубоглазое и златокудрое существо, и почувствовала, что сама она дѣлается все меньше, ничтожнѣе, незамѣтнѣе.

— Вы хотите видѣть моего мужа?—спросила ее вошедшая, и Джисъ Укъ впервые услышала серебряный звонъ женскаго голоса, никогда не кричавшаго до хрипоты на рычащихъ волкодавовъ, не привыкшаго издавать дикіе, гортанные звуки и не огрубѣвшаго отъ бурь, морозовъ и дыма костровъ.

— Нѣтъ,—тихо отвѣчала Джисъ Укъ, стараясь какъ можно лучше выговаривать англійскія слова.—Я пришла повидать Нейла Бонера.

— Но онъ мой мужъ!—со смѣхомъ воскликнула молодая женщина.

Значить, правда! Значить, Джонъ Томпсонъ не солгалъ въ тотъ холодный, февральскій день, когда она расхохоталась и захлопнула дверь передъ его носомъ! Она вспомнила, какъ она когда-то свалила съ ногъ Амоса Прентиса и готова была всадить ему ножъ въ глотку, и одну минуту была готова броситься на эту женщину, повалить ее, вырвать жизнь изъ этого красиваго тѣла. Но Джисъ Укъ ничѣмъ не обнаружила чувствъ, бушевавшихъ въ ея душѣ, и Кити Бонеръ такъ и не узнала никогда, что въ ея жизни былъ моментъ, когда она была на волосокъ отъ смерти.

Джисъ Укъ покачала головою въ знакъ того, что она поняла, и Кити Бонеръ сказала ей, что Нейлъ можетъ явиться во всякое время—его ждуть. Обѣ усѣлись въ до смѣшного удобныхъ креслахъ, и Кити, какъ хорошая хозяйка, попыталась занять гостью; Джисъ Укъ постаралась помочь ей.

— Вы знали моего мужа на сѣверѣ?—спросила Кити.

— Конечно. Я стирала ему бѣлье.—Джисъ Укъ теперь вдругъ заговорила на отвратительномъ англо-индѣйскомъ діалектѣ.

— А это вашъ мальчикъ? У меня тоже есть маленькая дѣвочка.

Кити велѣла позвать сюда свою дочь, и пока дѣти по-своему знакомились, ихъ матери бесѣдовали и пили чай изъ такихъ хрупкихъ чашечекъ, что Джисъ Укъ боялась, какъ бы ея чашка не рассыпалась въ ея рукахъ. Она невольно сравнила эту чашечку съ ея хозяйкой, и тутъ вспомнила тяжелыя глиняныя чаши тояатовъ и тѣ массивныя, фаянсовые чашки, которыя имѣлись у нихъ на Двадцати Миляхъ, и съ которыми она тутъ же сравнила себя. Да, при такихъ условіяхъ ея дѣло погибло. Эта женщина, болѣе, чѣмъ она, подходит для роли матери дѣтей Нейла. Насколько бѣлые мужчины превосходятъ мужчинъ ея племени, настолько и ихъ женщины превосходятъ ея сестеръ. Какъ они покоряютъ себѣ весь міръ, такъ и онѣ покоряютъ ихъ. Она сравнивала розовое, нѣжное лицо Кити съ собственнымъ бронзовымъ лицомъ, ея тонкія ручки съ своими собственными руками, огрубѣлыми отъ бича и весла. Но, несмотря на всю видимую нѣжность

и слабость молодой женщины, она видѣла въ ея голубыхъ глазахъ ту самую силу, которая читалась и въ глазахъ Нейла, и въ глазахъ всѣхъ представителей его народа.

— Да это Джисъ Укъ!—воскликнулъ Нейль, входя въ комнату. Онъ сказалъ это совершенно спокойно, даже съ оттѣнкомъ добродушной веселости и протянулъ ей обѣ руки, но въ его глазахъ читалась понятная ей тревога.

— Здравствуйте, Нейль!—проговорила она тѣмъ же тономъ.—Вы выглядите очень хорошо.

— Да, все хорошо, Джисъ Укъ,—ласково отвѣчалъ онъ, поглядывая на Кити, чтобы узнать, что происходило безъ него между молодыми женщинами, хотя онъ зналъ по опыту, что по лицу жены этого не узнать.

— Какъ я радъ, что вы пріѣхали,—продолжалъ онъ.—Что васъ занесло сюда? Не открыли ли вы рудникъ? А когда вы пріѣхали?

— О, я пришла сегодня,—отвѣчала она, нарочно придавая своему голосу индѣйскія интонаціи.— Я не нашла рудникъ, Нейль, нѣтъ. Вы знаете, капитанъ Маркгеймъ, Уналяска? Я стряпала ему долго, всю зиму. Деньги прятала. Скоро куча денегъ. Очень хорошо, сказала я, ѣхать смотрѣть землю бѣлаго человѣка. Очень хорошая земля.

Его поразилъ ея говоръ и языкъ, такъ какъ ему и Макферсону удалось значительно исправить и тотъ и другой. Неужели она все успѣла перезабыть? Однако, лицо ея было настолько непроницаемо, что на немъ онъ не могъ прочесть рѣшительно ничего. Спокойное лицо Кити также ставило

его втупикъ. Что случилось между ними? О чемъ онѣ говорили? Не догадалась ли о чемъ-нибудь Кити?

Воцарилось неловкое молчаніе: онѣ старался разрѣшить эти тревожные вопросы, а она—свою тяжелую трудную задачу.

— Подумать, что вы знали моего мужа еще въ Аляскѣ!—ласково проговорила Кити.

Знала! Джисъ Укъ невольно взглянула на ребенка, котораго родила ему, и его взглядъ также невольно послѣдовалъ за ея взглядомъ... И вдругъ онѣ понялъ. Что-то сдавило ему виски, сердце заколотилось въ груди... Его сынъ! Онѣ ни разу даже не подумалъ объ этомъ.

Маленькая Кити Бонеръ, розовенькая, какъ маленькая фея, обнявъ мальчика за шею, пыталась подцѣловать его, а мальчикъ, сильный, сухопарый, смуглый, бронзовый, спокойно выдерживалъ ея авансы, выпрямившись въ гордой позѣ дѣтей варварскихъ расъ. Въ этой чуждой странѣ онѣ нимало не терялся, но имѣлъ видъ неукротеннаго маленькаго звѣрка, молчалъ, все внимательно наблюдалъ, изучалъ лица, велъ себя спокойно, пока все шло спокойно, но чувствовалъ, что при малѣйшей опасности онѣ готовъ кинуться впередъ, царапаться, кусаться, бороться за свою жизнь.

Разница между этими дѣтьми одного и того же отца была поразительна, но не роняла ни того, ни другого. Нейлъ поборолъ свое волненіе и съ тѣмъ же ласковымъ, добродушнымъ выраженіемъ на лицѣ спросилъ:

— Это вашъ сынъ, Джисъ Укъ?—И, обратившись къ Кити, прибавилъ:—Какой красивый мальчикъ, не правда ли? Съ такими руками онъ не даромъ проживетъ на этомъ свѣтѣ.

Кити кивнула головой.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила она мальчика.

Маленькій дикарь сверкнулъ глазами, съ минуты изучалъ ея лицо, какъ бы стараясь сперва узнать цѣль этого вопроса, и, наконецъ, оставшись, повидимому, доволенъ, смѣло отвѣтилъ:

— Нейлъ.

— Это—индѣйское слово,—тогчасъ же заговорила Джисъ Укъ, и смѣло начала лгать:—Индѣйское слово не-йлъ, бисквиль. Онъ маленькій любитъ бисквиль, кричалъ «бисквиль». Онъ говоритъ «нейлъ, не-йлъ» все время «не-йлъ». Тогда я сказала: его имя—Не-йлъ.

Никогда Бонеръ не слышалъ болѣе сладкихъ словъ, чѣмъ эта невинная ложь бѣдной Джисъ Укъ. Теперь онъ понялъ, почему на лицѣ Кити стояла такая безмятежная ясность.

— А кто его отецъ?—спросила Кити.—Онъ, навѣрное, очень красивый мужчина?

— О, да. Его отецъ—красивый человѣкъ. Очень красивый. Да.

— Ты съ нимъ былъ знакомъ, Нейлъ?

— Еще бы! Мы съ нимъ очень близки,—отвѣчалъ Нейлъ, и въ его памяти сразу встала его прежняя жизнь: заброшенный Двадцать Миль, въ которомъ тоскливо задыхается одинокій человѣкъ наединѣ съ своими думами.

На этомъ можно было бы покончить съ исторіей Джисъ Укъ, но необходимо еще рассказать, какъ она увѣнчала свое самоотреченіе. Какъ только она возвратилась на сѣверъ въ свой большой бревенчатый домъ, Джонъ Томпсонъ узналъ, что компанія больше не нуждается въ его услугахъ. Его преемникъ и всѣ послѣдующіе агенты получали отъ компаніи распоряженіе отпускать Джисъ Укъ все, что бы она ни потребовала, совершенно бесплатно. Кромѣ того, компанія стала ежегодно выплачивать Джисъ Укъ пенсію, въ размѣрѣ пяти тысячъ долларовъ.

Когда ея сынъ выросъ, отецъ Шампро занялся его воспитаніемъ, и впослѣдствіи Джисъ Укъ въ теченіе долгаго времени регулярно получала письма изъ іезуитскаго университета, что въ Мерилэндѣ. Затѣмъ эти письма стали приходять изъ Италіи и изъ Франціи. Въ одинъ прекрасный день въ Аляску возвратился отецъ Нейль, человѣкъ, сдѣлавшій много добра для этого заброшеннаго края, нѣжно любившій свою мать, и, въ концѣ-концовъ, отправившійся работать въ болѣе важныя края и занявшій видное положеніе въ іерархіи своего ордена.

Джисъ Укъ была еще молодой женщиной, когда она возвратилась въ родную страну, и мужчины долго еще продолжали засматриваться на нее и желать ее. Но она вела строгій образъ жизни, и всѣ отзывались о ней съ глубокимъ уваженіемъ. Она прожила нѣкоторое время у сестеръ Святого Креста и у нихъ научилась читать и писать, научилась также домашней медицинѣ. Послѣ этого она возвратилась въ свой прекрасный домъ, собрала во-

кругъ себя тоятскихъ дѣвочекъ и стала учить ихъ тому, что требуется для современной жизни. Школа, которая теперь находится въ великолѣпномъ домѣ, построенномъ Нейломъ Бонеромъ для своей жены Джисъ Укъ, не является ни католической, ни протестантской, но миссіонеры всѣхъ наименованій относятся къ ней съ одинаковымъ довѣріемъ. Дверь дома никогда не запирается, и усталые золотоискатели и полузамерзшіе путники всегда находятъ въ немъ горячую пищу, покой и мѣсто у огня.

Въ далекихъ Штатахъ Кити Бонеръ съ удовольствіемъ глядитъ на то, что мужъ ея относится съ живымъ интересомъ къ народному просвѣщенію въ забытой Богомъ Аляскѣ и предоставляет на это дѣло значительныя средства. Иногда она, правда, слегка вышучиваетъ его по этому поводу, но въ глубинѣ души чрезвычайно гордится имъ.

СМЕРТЬ ЛИГУНА.

СМЕРТЬ ЛИГУНА.

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

„Кровь за кровь и чинь
за чинь“.

(Изъ кодекса племени
тлинкетовъ).

— Слушайте теперь о смерти Лигуна...—разсказчикъ замолчалъ, подождалъ немного и бросилъ на меня многозначительный взглядъ. Я взялъ бутылку и, посмотрѣвъ черезъ нее на свѣтъ, отмѣтилъ пальцемъ дозволенное количество и показалъ ему. Ибо развѣ онъ не былъ Палитлумомъ-Пьяницей? Много исторій онъ мнѣ уже разсказалъ и я давно ждалъ этихъ нигдѣ не записанныхъ повѣствованій о Лигунѣ; ибо онъ, изъ всѣхъ живущихъ людей, зналъ ихъ лучше всѣхъ.

Онъ крикнулъ, запрокинулъ голову назадъ, и на плоской скалѣ позади насъ заколебалась уродливая тѣнь человѣческаго торса чудовищныхъ размѣровъ съ опрокинутой надъ нимъ огромной бутылкой. Палитлумъ оторвалъ, наконецъ, губы отъ бутылки, нѣжно обосалъ горлышко и съ сожалѣніемъ взглянулъ на темный сводъ неба, на которомъ играли блѣдные, бѣлые лучи лѣтняго сѣвернаго сіянія.

— Странно,—сказалъ онъ,—холодная, какъ вода и горячая, какъ огонь. Пьющему она даетъ силу и у пьющаго же отнимаетъ силу. Стариковъ она

дѣлаетъ молодыми, а молодыхъ—стариками. Уставшаго человѣка она подбодряетъ и ведетъ впередъ, а неуставшаго дѣлаетъ тяжелымъ и соннымъ. У моего брата было сердце кролика, однако, когда онъ выпилъ ее, онъ убилъ четырехъ своихъ враговъ. Мой отецъ походилъ на большого волка, скаливашаго на всѣхъ зубы, а онъ выпилъ ее, и его прострѣлили въ спину, когда онъ быстро убѣгалъ отъ своихъ враговъ. Это очень странно.

— Это коньякъ—«Три звѣздочки»; онъ гораздо лучше того яда, которымъ отравляются тамъ внизу,—отвѣтилъ я, указывая рукой на востокъ.

Палитлумъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Вотъ почему я здѣсь съ тобою.

И онъ бросилъ на меня и на бутылку краснорѣчивый взглядъ, который краснорѣчивѣе словъ говорилъ о его безстыдной жаждѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ я, ставя бутылку между колѣнъ.—Говори теперь о Лигунѣ. О «Трехъ звѣздочкахъ» мы поговоримъ послѣ.

— Тамъ еще много осталось, и я еще не усталъ,—безсовѣстно умолялъ онъ.—Мнѣ бы только почувствовать вкусъ на губахъ, и я буду говорить великія слова о Лигунѣ и о его послѣднихъ дняхъ.

— У пьющаго это отнимаетъ силу,—подразнилъ я его,—и неуставшаго человѣка дѣлаетъ тяжелымъ и соннымъ.

— Ты мудръ,—сказалъ онъ, не сердясь и не обижаясь на меня.—Какъ всѣ твои братья, ты мудръ. Бодрствуешь ты, или спишь, «Три звѣздочки» всегда съ тобою, но никогда я не видѣлъ, что-

бы ты выпилъ слишкомъ много. И въ то же время вы собираете золото, которое спрятано въ нашихъ горахъ, и рыбу, которая плаваетъ въ нашихъ моряхъ; и Палитлумъ и братья Палитлума копаютъ золото для тебя и ловятъ рыбу для тебя, и рады, когда ты радуешь ихъ и, по своей мудрости, позволяешь имъ омочить губы «Тремя звѣздочками».

— Я собирался слушать про Лигуна,—сказалъ я съ нетерпѣніемъ.—Ночь коротка, а завтра утромъ намъ предстоитъ тяжелая дорога.

Я зѣвнулъ и сдѣлалъ видъ, что хочу подняться, но Палитлумъ очень обезпокоился и безъ дальнѣйшихъ предисловіи началъ разсказывать:

«Когда Лигунъ сталъ старъ, то у него явилось желаніе, чтобы между племенами былъ миръ. Когда онъ былъ молодымъ, онъ былъ первымъ изъ воиновъ и начальникомъ надъ военными начальниками всѣхъ острововъ и переваловъ. Всѣ его дни были полны войною. Онъ могъ показать на своемъ тѣлѣ больше рубцовъ отъ кости, свинца и желѣза, чѣмъ какой бы то ни было другой человекъ. Три жены были у него, и отъ каждой жены два сына, и сыновья—и старшіе и младшіе—всѣ умерли рядомъ съ нимъ въ битвахъ. Безпокойный какъ медвѣдь, онъ шель войной далеко во всѣ стороны,—на сѣверѣ онъ доходилъ до Уналяски и Мелкаго моря; на югѣ—до Королевы Шарлотты, и даже говорятъ, что вмѣстѣ съ Кэками онъ ходилъ въ Пуджетъ-Саундъ и убивалъ твоихъ братьевъ въ ихъ защищенныхъ домахъ.

«Но, какъ я сказалъ, въ старости онъ хотѣлъ установить миръ между племенами. Не потому, что

онъ сталъ трусливъ, или черезчуръ полюбилъ мѣсто у костра и хорошо наполненный горшокъ. Ибо онъ убивалъ такъ же злобно и кровожадно, какъ самый свирѣпый изъ воиновъ, могъ голодать, какъ самый молодой и какъ самый крѣпкій, не боялся бурнаго моря и тяжелой дороги. Но за его дѣла, чтобы наказать его, военный корабль увозилъ его даже въ твою страну, о, Волосолицый бостонецъ; и много прошло лѣтъ прежде, чѣмъ онъ вернулся назадъ, и я уже выросъ, такъ что не былъ уже мальчикомъ, но и не былъ еще молодымъ человекомъ. И Лигунъ, будучи бездѣтнымъ въ старости, дѣлалъ много для меня и, ставши мудрымъ, научилъ и меня своей мудрости.

«Хорошо сражаться, о, Палитлумъ»,—говорилъ онъ мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, о Волосолицый, я еще не былъ извѣстенъ въ тѣ дни, какъ Палитлумъ-Пьяница, и меня называли Оло, Вѣчно Голодный. Жакда явилась у меня уже послѣ.

«Сражаться хорошо,—говорилъ Лигунъ,—но глупо. Въ странѣ бостонца я видѣлъ собственными глазами, что люди не сражаются другъ съ другомъ, и потому они сильны. Велѣдствіе своей силы они идутъ противъ насъ, жителей острововъ и переваловъ, и мы—словно дымъ отъ костра и морской туманъ передъ ними. Поэтому и говорю, что сражаться хорошо, очень хорошо, но глупо.

«И, велѣдствіе этого, хотя онъ и былъ первымъ изъ воиновъ, все же голосъ Лигуна звучалъ громче всѣхъ за миръ. И когда онъ былъ очень старъ, то, будучи величайшимъ вождемъ и богатѣйшимъ изъ всѣхъ людей, онъ далъ потлачь. Никогда еще

не было такого потлача. Пятьсотъ лодокъ стяли на берегу рѣки, и въ каждой лодкѣ было не менѣе, чѣмъ по десяти мужчинъ и женщинъ. Восемь племень собрались туда; все, отъ самаго древняго старика и до самаго маленькаго ребенка, были тамъ. И тамъ были мужчины изъ очень дальнихъ племень, великіе путешественники и изслѣдователи, которые прослышали о потлачѣ Лигуна. И въ теченіе семи дней они наполняли свои животы его мясомъ и напитками. Восемь тысячъ одѣялъ онъ роздалъ имъ, что я хорошо знаю, ибо кто, какъ не я, дѣлалъ зарубки и распредѣлялъ дары сообразно положенію и заслугамъ каждаго?.. И въ концѣ потлача Лигунъ былъ уже бѣднымъ человекомъ, но его имя было у всѣхъ на устахъ, и другіе вожди скрежетали зубами отъ зависти, видя его величіе.

«И такъ какъ его слова имѣли большое значеніе, то онъ проповѣдывалъ всемъ миръ; и онъ ѣздилъ на каждый потлачъ и пиръ, и на собранія племень, чтобы всегда совѣтовать миръ. И вотъ случилось, что мы поѣхали вмѣстѣ, Лигунъ и я, на большой пиръ, устроенный Ниблакомъ, который былъ вождемъ на рѣкѣ skutскихъ индѣйцевъ, что находилось недалеко отъ Стикина. Это было уже въ послѣдніе дни, и Лигунъ былъ очень старъ и очень близокъ къ смерти. Онъ кашлялъ отъ холодной погоды и отъ дыма костра, и часто красная кровь текла изъ его рта, и мы ждали, что онъ умретъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ однажды въ такое время; — лучше было бы, если бы я умеръ, когда кровь

потечетъ съ ножа и когда слышенъ стукъ стали и запахъ порохового дыма, и люди громко кричатъ, кто отъ холоднаго желѣза, кто отъ быстраго свинца». —Такъ что ясно, о, Волосолицый, что его сердце еще жаждало битвы...

«Это очень далеко отъ Чилката до Скута, и мы много дней плыли въ лодкахъ. И, пока люди работали веслами, я сидѣлъ у ногъ Лигуна и слушалъ Законъ. Мнѣ не надо тебѣ говорить о Законѣ, о, Волосолицый; ибо мнѣ извѣстно, что ты очень хорошо его знаешь. Скажу я только о Законѣ крови за кровь и чина за чинъ. Лигунъ глубоко смотрѣлъ на это дѣло, ибо онъ говорилъ:

«Но знай одно, о, Оло, что мало чести въ томъ, что ты убьешь человѣка меньше себя. Убивай всегда человѣка, который больше тебя, и твоя честь будетъ соответствовать его величинѣ. Но если изъ двухъ людей ты убьешь наименьшаго, то тебѣ будетъ позоръ, и даже женщины будутъ поднимать губы при видѣ тебя. Какъ я сказалъ, миръ хорошъ; но помни, о, Оло, если ты долженъ убить, то убивай по Закону.

— Это — обычай племени тлинкетовъ, — добавилъ Палитлумъ, какъ бы извиняясь.

Но я вспомнилъ бретѣровъ и дурныхъ людей моей собственной, западной, страны, и меня не привели въ смущеніе обычай племени тлинкетовъ.

«Въ свое время, — продолжалъ Палитлумъ, — мы прибыли къ вождю Ниблаку и къ Скутамъ. Тамъ были мы, и Чилкаты, и Ситкасы, и Стикины — сосѣди Скутовъ, и Врангелы, и Гунахи. Тамъ были племена со всѣхъ рѣкъ, и озеръ, и проливовъ,

и даже съ Купріяновскаго острова, и Стики съ Юкона.

«Это былъ огромный съѣздъ. Но прежде всего должно было быть собраніе вождей съ Ниблакомъ во главѣ и потопленіе вражды въ квасѣ. Это русскіе показали намъ, какъ дѣлать квасъ, такъ мнѣ сказалъ мой отецъ, который узналъ это отъ своего отца. Но къ этому квасу Ниблакъ прибавлялъ много вещей: и сахаръ, и муку, и сушенныя яблоки, и хмѣль, такъ что это былъ уже вполне мужской напитокъ, крѣпкій и хорошій. Не такой хорошій, какъ «Три звѣздочки», о, Волосолицый, но все же хорошій.

«Этотъ квасной пиръ былъ для вождей и только для вождей, а ихъ было очень много. Но Лигунъ, будучи очень старъ и великъ, приказалъ, чтобы я шелъ съ нимъ, чтобы онъ могъ опираться о мое плечо, и чтобы я помогалъ ему садиться и вставать, когда онъ захочетъ подняться. У дверей дома Ниблака, который былъ очень великъ и сдѣланъ изъ бревень, каждый вождь, по обычаю, клалъ свое копье, или ружье, или ножъ. Потому что, какъ ты знаешь, о, Волосолицый, крѣпкій напитокъ разжигаетъ душу, и старая ненависть воспламеняется, и голова и руки быстро начинаютъ дѣйствовать. Но я замѣтилъ, что Лигунъ принесъ два ножа, и одинъ онъ оставилъ у дверей, а другой спряталъ подъ одѣяло такъ, чтобы легко можно было его выхватить. Другіе вожди сдѣлали то же самое, и я очень беспокоился о томъ, что изъ этого выйдетъ.

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книгъ при чтеніи.

«Вожди сѣли по старшинству въ большой кругъ, занимавшій всю комнату. Я стоялъ возлѣ Лигуна. Посрединѣ стоялъ боченокъ съ квасомъ, и изъ него рабъ разносилъ напитки. Прежде всего Ниблакъ сказалъ рѣчь, гдѣ показывалъ свою дружбу и говорилъ много хорошихъ словъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ, и рабъ наполнилъ тыкву квасомъ и поднесъ ее Лигуну, какъ и слѣдовало, ибо онъ былъ самый старшій и самый главный.

«Лигунъ выпилъ квасъ до послѣдней капли, и я его поддержалъ и помогъ подняться на ноги, чтобы онъ тоже могъ сказать рѣчь. Онъ сказалъ хорошія слова многимъ племенамъ, упомянулъ о величїи Ниблака, дававшаго такой пиръ, посоветовалъ по своему обычаю, жить въ мирѣ, и въ концѣ сказалъ, что квасъ былъ очень хорошъ.

«Затѣмъ выпилъ Ниблакъ, будучи вторымъ по старшинству, и затѣмъ одинъ вождь, потомъ другой, всѣ по порядку и по старшинству. И каждый изъ нихъ говорилъ дружескія слова и хвалилъ квасъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ были пьяны. Я разсказалъ все? Нѣтъ, не все, о, Волосолицыи, не все. Ибо послѣднимъ изъ нихъ былъ худой, похожій на кошку, человекъ, съ молодымъ лицомъ и быстрымъ, смѣлымъ взглядомъ, который выпилъ мрачно, затѣмъ плюнулъ на землю и не сказалъ ни слова.

«Не сказать, что квасъ былъ хорошъ, было оскорбленіемъ; плюнуть на землю было больше, чѣмъ оскорбленіемъ. И вотъ это онъ и сдѣлалъ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ вождь Стиковъ, что

живуть на Юконѣ, и, кромѣ этого, никто ничего о немъ не зналъ.

«Какъ я сказалъ, это было оскорбленіе. Но замѣтьте вотъ что, о, Волосолицый: это было оскорбленіемъ не для Ниблака, устроившаго пирь, а для главнѣйшаго изъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ кругу. И такимъ былъ Лигунъ. Наступила тишина. Всѣ взоры обратились на него, чтобы увидѣть, что онъ сдѣлаетъ. Но онъ не сдѣлалъ ни одного движенія. Его сморщенные губы не задрожали отъ намѣренія говорить, и ноздри его не шевельнулись, и вѣки его не опустились. Но я видѣлъ, какъ онъ сразу поблѣднѣлъ и посѣрѣлъ, и сталъ походить на старика въ холодныя утра, во время голода, когда женщины стонутъ и дѣти плачутъ, и когда нѣтъ мяса и даже нѣтъ и признака его. И какой видъ у стариковъ въ это время, такой былъ видъ и у Лигуна.

«Не было слышно ни одного звука. Это былъ точно кругъ мертвыхъ, но каждый вождь нащупывалъ подъ одѣяломъ оружіе, чтобы увѣриться, что оно тамъ, и каждый смотрѣлъ направо и налево, на своихъ сосѣдей, измѣряя глазами разстояніе до нихъ. Я былъ юношей; вещей я видѣлъ еще немного; но все же я зналъ, что это былъ моментъ, который случается только разъ въ жизни.

«Стикъ поднялся и, подъ взглядами всѣхъ сидѣвшихъ, перешелъ комнату и сталъ передъ Лигуномъ.

«Я—Опитсахъ-Ножь»,—сказалъ онъ.

«Но Лигунъ ничего не сказалъ, не посмотрѣлъ на него, не глядѣлъ, не моргая, на землю.

«Ты—Лигунъ,—сказалъ Опитсахъ.—Ты убилъ много людей. Но я еще живъ».

«И все же Лигунъ не сказалъ ничего, только сдѣлалъ мнѣ знакъ, и я ему помогъ стать прямо на ноги. Онъ былъ, какъ старая сосна, голый и сѣрый, но еще могъ помѣряться съ бурей и морозомъ. Его глаза не моргали, точно онъ не слышалъ Опитсаха, такъ что казалось, что онъ не видѣлъ его.

«И Опитсахъ разъярился отъ гнѣва и началъ танцовать передъ нимъ, не сгибая колѣнъ, какъ дѣлаютъ мужчины, когда они хотятъ опозорить кого-нибудь. И Опитсахъ спѣлъ пѣсню о своемъ собственномъ величїи, о величїи своего народа, и въ ней было множество дурныхъ словъ о Чилкатахъ и о Лигунѣ. И когда Опитсахъ танцевалъ и пѣлъ, то онъ сбросилъ съ себя одѣяло и своимъ ножомъ сталъ чертить быстрые круги передъ лицомъ Лигуна. И пѣсня, которую онъ пѣлъ, была «Пѣсня ножа».

«И не было никакихъ звуковъ, кромѣ пѣнія Опитсаха, и сидѣвшїе въ кругу вожди казались мертвыми, и только блескъ ножа, казалось, зажигалъ огоньки въ ихъ глазахъ. И Лигунъ тоже былъ неподвиженъ. Онъ зналъ, что это пришла его смерть, но не испугался. И Ножъ пѣлъ все ближе и ближе у его лица, но онъ даже не моргнулъ и не отклонился ни вправо, ни влево.

«И Опитсахъ кольнулъ ножомъ два раза въ бокъ Лигуна, и кровь полилась по его лицу. И тогда Лигунъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я поддержалъ его своей молодой силой, чтобы онъ могъ идти. И онъ засмѣялся съ большимъ презрѣніемъ прямо

въ лицо Опитсаху-Ножу. И онъ оттолкнулъ его въ сторону, какъ отталкиваютъ низко висящую вѣтку, когда идутъ по дорогѣ.

«И я зналъ и понялъ, что для него было позоромъ убить Опитсаха передъ лицомъ всѣхъ великихъ вождей. Я вспомнилъ Законъ и зналъ, что Лигунъ хотѣлъ убить по Закону. И кто былъ послѣ него самого самымъ главнымъ по старшинству, какъ не Ниблакъ? И къ Ниблаку онъ направился, опираясь на мое плечо. А съ другой стороны скакалъ Опитсахъ, нанося удары ножомъ, но онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы объ его кровь запачкалъ руки такой великій человекъ. И хотя ножъ Опитсаха наносилъ удары все чаще и чаще, Лигунъ не замѣчалъ ихъ и не морщился. И, такимъ образомъ, мы трое шли черезъ комнату по направленію къ Ниблаку, сидѣвшему, завернувшись въ одѣяло и испуганному нашимъ приближеніемъ.

«И вотъ, старая ненависть воспламенилась, и вспомнилась забытая вражда. У Ламука, изъ племени Кэковъ, утонулъ братъ въ дурной водѣ Стикиновъ, и Стикины не заплатили одѣялами за свою дурную воду, какъ было въ обычаѣ платить. Поэтому Ламукъ вонзилъ свой длинный ножъ прямо въ сердце Клокъ-Куцу, изъ племени Стикиновъ. И Качагукъ вспомнилъ ссору племени Нааса съ Тонгасами, и убилъ вождя Тонгасовъ изъ пистолета, который произвелъ большой шумъ. И жажда крови охватила всѣхъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ кругу, и вождь убивалъ вождя, или самъ былъ убитъ, какъ приходилось. Они также стрѣляли и

били ножами Лигуна, ибо кто убилъ бы его, тому была бы большая честь и слава, такъ какъ это дѣло было бы вѣчно въ памяти людей. И они толклись вокругъ него, какъ волки вокругъ оленя, только ихъ было такъ много, что они мѣшали другъ-другу и убивали другъ-друга, чтобы очистить мѣсто. И происходила большая свалка.

«Но Лигунъ шелъ медленно, не спѣша, точно передъ нимъ было еще много лѣтъ. Казалось, что онъ былъ увѣрепъ, что онъ совершитъ свое убійство такъ, какъ ему хотѣлось, прежде чѣмъ они его убьютъ. И, какъ я сказалъ, онъ шелъ медленно, и ножи втыкались въ него, и онъ былъ весь красный отъ крови. И хотя никто не хотѣлъ убивать меня, ибо я былъ только юношей, но ножи находили и меня и горячія пули обжигали меня. И Лигунъ все еще опирался о мою молодость, и Опитсахъ наносилъ ему удары ножомъ, и мы втроемъ подвигались впередъ. И когда мы остановились передъ Ниблакомъ, то онъ въ страхѣ закрылъ голову одѣяломъ. Скумы всегда были трусами.

«И Гулцухъ и Кадиманъ, одинъ рыболовъ, а другой охотникъ, схватились одинъ съ другимъ за честь своихъ племенъ. И они бѣшено понеслись по комнатѣ, и въ своемъ бѣшенствѣ толкнули въ колѣни Опитсаха и свалили его на землю и топтали его. И ножъ пролетѣлъ въ воздухѣ, поразилъ въ горло Скультина изъ Ситкинцевъ, и онъ, слѣпо хватаясь руками за что попало, упалъ, и въ своемъ паденіи зацѣпилъ меня и свалилъ на полъ. И, лежа на полу, я смотрѣлъ на Лигуна, наклонившагося надъ Ниблакомъ и снимавшаго одѣяло съ его

головы и поворачивавшаго его лицо къ свѣту. И Лигунъ не слѣшилъ. Ослѣпленный своей собственной кровью, онъ отиралъ рукою глаза, чтобы ясно видѣть и быть увѣреннымъ. И когда онъ былъ увѣренъ, что повернутое лицо было лицомъ Ниблака, онъ перерѣзалъ ножомъ ему горло, какъ перерѣзываютъ горло дрожащей лани. И затѣмъ Лигунъ выпрямился и залѣлъ свою предсмертную пѣсню, раскачиваясь слегка изъ стороны въ сторону. И Скульпинъ, который свалилъ меня, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета съ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ, и Лигунъ пошатнулся и свалился, какъ валится старая сосна, попавшая въ зубы вѣтра».

Палитлумъ умолкъ. Его глаза были задумчиво устремлены на огонь и его щеки пылали.

— А ты, Палитлумъ?—спросилъ я.—А ты?

— Я? Я вспомнилъ Законъ, и я убилъ Опитсаха-Ножа, что было хорошо. И я вытащилъ ножъ Лигуна изъ горла Ниблака и зарѣзалъ Скульпина, который свалилъ меня на полъ. Ибо я былъ юношей и я могъ убить каждаго мужчину, и это было для меня честью. И, затѣмъ, такъ какъ Лигунъ былъ мертвъ и никто больше не нуждался въ моей юности, то я размахивалъ вокругъ себя его пожомъ и убивалъ вождей, выбирая самыхъ старшихъ по чину, какіе только остались.

Палитлумъ засунулъ руку подъ рубаху и вытащилъ вышитыя бисеромъ ножны, а изъ ноженъ—ножъ. Это былъ самодѣльный ножъ, грубо сдѣланный изъ напильника, ножъ, который можно найти у стариковъ во многихъ аляскинскихъ деревушкахъ.

— Ножъ Лигуна?—спросилъ я, и Палитлумъ утвердительно кивнулъ головою.

— За ножъ Лигуна,—сказалъ я,—я дамъ тебѣ десять бутылокъ «Трехъ звѣздочекъ».

Но Палитлумъ тупо посмотрѣлъ на меня.

— Волосолицый, я слабъ, какъ вода, и стоворчивъ, какъ женщина. Я загрязнилъ свое брюхо квасомъ, и спиртомъ, и «Тремя звѣздочками». Мои глаза испортились, и мои уши потеряли свою остроту, и моя сила пошла въ жиръ. И у меня теперѣ нѣтъ чести, и зовутъ меня Палитлумомъ-Пьяницей. Но честь была со мною на потлачѣ у Ниблака, и память юбъ этомъ и память о Лигунѣ дорога мнѣ. Нѣтъ, если бы ты обратилъ все море въ «Три звѣздочки» и сказалъ бы, что оно мое за ножъ, все же я не отдалъ бы ножа. Я—Палитлумъ-Пьяница, но я былъ когда-то Оло, Вѣчно-Голоднымъ, который поддерживалъ Лигуна своей молодостью!..

— Ты—великій человѣкъ, Палитлумъ,—сказалъ я,—и я тебя уважаю.

Палитлумъ протянулъ руку.

— «Три звѣздочки», что остались въ бутылкѣ, пусть будутъ мои за исторію, которую я тебѣ разсказалъ,—сказалъ онъ.

И когда я посмотрѣлъ на мрачный утесъ, возвышавшійся за нашею спиной, я увидѣлъ исполинскую тѣнь человѣческаго торса съ опрокинутой надъ нимъ гигантской бутылкой.

ЛИТЪ-ЛИТЪ.

Лить-Лить.

Когда Джонъ Фоксъ явился въ страну, гдѣ водка превращается въ твердый ледъ и можетъ служить въ качествѣ прессъ-папье въ теченіе бѣльшей части года, то у него не было тѣхъ идеаловъ и тѣхъ иллюзій, которые обыкновенно мѣшаютъ успѣхамъ авантюристовъ съ болѣе тонкой духовной организаціей. Родившись и выросши на самой границѣ Соединенныхъ Штатовъ, онъ захватилъ съ собою въ Канаду свой примитивный складъ ума и элементарную простоту пониманія вещей, что, вмѣстѣ взятое, гарантировало ему немедленный успѣхъ въ его карьерѣ. Начавши простымъ слугою въ «Компаніи Гудзонова залива», онъ гребъ веслами вмѣстѣ съ voyageurs'ами и въ транспортѣ носилъ поклажу на спинѣ, но затѣмъ быстро пошелъ въ гору, сталъ агентомъ Компаніи и завѣдующимъ торговымъ постомъ фортъ Ангелусъ.

Здѣсь, въ силу своей примитивности и простоты, онъ взялъ себѣ въ жены туземку и, благодаря наступившему супружескому благополучію, избѣжалъ того безпокойства и напрасныхъ желаній, которыя отравляютъ дни болѣе требовательныхъ людей, мѣшаютъ имъ работать, и, наконецъ, покоряютъ ихъ. Онъ былъ вполне удовлетворенъ своей жизнью, любилъ свое немудрое дѣло, и достигъ блестящаго успѣха, побивъ рекордъ многихъ дру-

гихъ служащихъ Компаніи. Около этого времени его жена умерла; ея тѣло взяли ея единоплеменники и похоронили, сообразно своимъ обычаямъ, въ жестяномъ ящикѣ, подвѣшенномъ на верхушкѣ дерева.

Она родила ему двухъ сыновей, и когда Компанія дала ему повышеніе, то онъ отправился съ ними еще дальше въ глубь обширной Сѣверо-Западной территоріи на постъ, называемый Синъ-Рокъ (Утесъ Грѣха), гдѣ онъ долженъ былъ завѣдывать болѣе важными и отвѣтственными оборотами по скупкѣ мѣховъ. Тамъ онъ провелъ нѣсколько тяжелыхъ, тоскливыхъ мѣсяцевъ, ибо индѣйскія дѣвушки вызывали въ немъ отвращеніе своею непрезентабельною наружностью, а сыновья удручали его требованіемъ материнскихъ заботъ. Тогда его взглядъ случайно упалъ на Литъ-Литъ.

«Литъ-Литъ — что же... Ну, она просто Литъ-Литъ»; — такъ краснорѣчиво описывалъ онъ ее своему главному клерку Макъ-Лину.

Макъ-Линъ еще живо помнилъ свои шотландскіе обычаи («еще молоко на губахъ не обсохло», говорилъ о немъ Джонъ Фоксъ), чтобы примириться съ брачными обычаями страны. Однако, онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы агентъ погубилъ свою безсмертную душу; а, такъ какъ онъ, кромѣ того, питалъ самъ нѣкоторое влеченіе къ Литъ-Литъ, то онъ съ мрачной радостью цѣплялся за спасеніе своей собственной души, взирая на предстоящій бракъ Литъ-Литъ съ агентомъ.

Но было ничего удивительнаго въ томъ, что Макъ-Линъ, эта суровая шотландская душа, нахо-

дился въ опасности растаять въ солнечныхъ лучахъ, исходившихъ изъ глазъ Литъ-Литъ. Ибо она была хорошенькая, тоненькая и гибкая, и у нея не было ни широкихъ скулъ, ни тупого взгляда обыкновенныхъ индѣйскихъ женщинъ. «Литъ-Литъ» звали ее потому, что она, точно ребенокъ, была безпокойна и постоянно порхала съ мѣста на мѣсто, какъ бабочка, а также потому, что она была беззаботна и весела и смѣялась такъ же легко, какъ порхала и танцовала.

Литъ-Литъ была дочерью Снетипана, выдающагося вождя племени, отъ матери-полукровки; и къ нему-то въ одинъ прекрасный лѣтній день, какъ-бы случайно, забрелъ агентъ для переговоровъ о бракѣ. Они сидѣли съ вождемъ въ дыму костра передъ его жилищемъ и болтали рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, обо всемъ, что находится въ Сѣверной Землѣ, за единственнѣмъ исключеніемъ брака. Джонъ Фоксъ пріѣхалъ исключительно для того, чтобы поговорить объ этомъ бракѣ; Снетипанъ зналъ это, и Джонъ Фоксъ зналъ, что онъ это знаетъ, однако, оба ревностно избѣгали этой темы. Это принято считать тонкой индѣйской дипломатіей.

Часы шли; Фоксъ и Снетипанъ курили безчисленное количество трубокъ и смотрѣли другъ другу въ глаза съ простодушіемъ поистинѣ шутовскимъ.

Послѣ обѣда Макъ-Линъ и его соотечественникъ, клеркъ Макъ-Тавипъ, съ невиннымъ видомъ прошли мимо, направляясь за чѣмъ-то къ рѣкѣ. Когда они, часъ спустя, шли обратно, Фоксъ и

Снетипанъ вели церемонный разговоръ о количествѣ и качествѣ ружейнаго пороха и копченаго сала, которыми торговала Компанія.

Тѣмъ временемъ Литъ-Литъ, угадывая причину визита агента, пролѣзла подъ заднюю стѣнку въ юрту и сквозь щели передней стѣны стала смотрѣть на двухъ хиромантовъ, сидѣвшихъ въ дыму костра. Щеки ея горѣли и глаза блестѣли отъ счастья, ибо ея самолюбію очень льстило, что не кто-нибудь, а самъ агентъ (который по іерархіи Сѣвера занималъ мѣсто одной только ступенью ниже самого Бога) отдалъ ей предпочтеніе, и съ женскимъ любопытствомъ она теперь разсматривала на близкомъ разстояніи, что онъ былъ за человѣкъ.

Отраженный льдами солнечный свѣтъ, костерный дымъ и морозъ сдѣлали его лицо мѣдно-краснаго цвѣта, такъ что ея отецъ былъ нисколько не темнѣе его, въ то время, какъ она была гораздо свѣтлѣе обоихъ. Она даже была рада этому, и ужъ, конечно, была рада тому, что онъ былъ такой большой и сильный, хотя его большая черная борода немного пугала ее,—это такое странное украшеніе на лицѣ бѣлыхъ людей!

Такъ какъ она была очень молода, то она еще плохо знала обычаи мужчинъ. Семнадцать разъ она видѣла, какъ солнце направлялось къ югу и скрывалось за горизонтомъ, и семнадцать разъ она видѣла, какъ оно возвращалось обратно и ходило по небу день и ночь, такъ что ночи не было совсѣмъ. И всѣ эти годы ее ревниво оберегалъ Снетипанъ, который, стоя между нею и ея ухаживателями, съ презрѣніемъ выслушивалъ молодыхъ охотниковъ,

добивавшихся ея руки, и прогонялъ ихъ вонъ, точно для нея не было цѣны.

Снетишанъ былъ корыстолюбивъ, а Литъ-Литъ была для него цѣннымъ капиталомъ. Она представляла собою такой капиталъ, на который онъ ждалъ не какую-нибудь опредѣленную прибыль, а колоссальную прибыль.

Получивъ почти монашеское воспитаніе, насколько это позволяли условія жизни ея племени, она съ большимъ волненіемъ смотрѣла въ щелочку на человѣка, который, навѣрно, пришелъ изъ-за нея, на мужа, который долженъ былъ научить ее всему, чего она еще не знала въ жизни, на могущественное существо, слово котораго должно было стать для нея закономъ и которое должно было руководить ея поступками и поведеніемъ во весь остатокъ ея дней.

Глядя сквозь щель юрты, она сначала краснѣла и волновалась при мысли о странной судьбѣ, которая предстояла ей; но, по мѣрѣ того, какъ день приходилъ къ концу, она все больше разочаровывалась, ибо агентъ и ея отецъ все еще высокопарно разговаривали о постороннихъ вещахъ и еще вовсе не касались вопроса о бракѣ. Солнце все ниже и ниже склонялось къ сѣверу и приближалась полночь; агентъ, повидимому, готовился уже уходить; когда онъ повернулся, чтобы уйти, сердце Литъ-Литъ упало, но оно снова воспрянуло, когда онъ остановился и повернулся на каблукахъ.

— А, между прочимъ, Снетишанъ,—сказалъ онъ,—я хочу взять себѣ женщину, чтобы она стирала на меня и чинила мою одежду.

Снетипанъ проворчалъ что-то и назвалъ Ванидани, старую, беззубую женщину.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ агентъ.—Я хочу жену. Я объ этомъ подумывалъ въ послѣднее время, а теперь мнѣ пришла въ голову мысль, что ты, можетъ быть, знаешь что-нибудь подходящее для меня.

Снетипанъ, повидимому, заинтересовался, поэтому агентъ остановился, чтобы, между прочимъ, поболтать о новомъ, какъ бы случайно пришедшемъ ему въ голову дѣлѣ.

— Кату?—предложилъ Снетипанъ.

— Да у нея только одинъ глазъ,—возразилъ агентъ.

— Ласка?

— Ея колѣни расходятся. Твой самый большой песь, Кипсъ, можетъ проскочить между ея колѣнями, когда она стоитъ.

— Сенати?—продолжалъ невозмутимо Снетипанъ.

Но Джонъ Фоксъ разсердился и закричалъ:

— Что за вздоръ ты говоришь! Развѣ я старъ, что ты хочешь женить меня на старухѣ? Что я—беззубый? или хромой? или косою? Или я бѣденъ, что ни одна ясноглазая дѣвушка не захочетъ взглянуть на меня благосклонно? Смотри! Я—агентъ, я богатъ и великъ, мнѣ принадлежитъ вся власть въ этой странѣ, и мое слово заставляетъ людей трепетать и повиноваться!

Снетипанъ былъ очень доволенъ, но его похожее на сфинкса лицо не выдавало его чувствъ. Онъ хотѣлъ, чтобы агентъ первый началъ этотъ

разговоръ, и былъ теперь очень доволенъ. У него, какъ у существа очень примитивнаго, въ головѣ могла помѣщаться только одна идея заразъ, но, въ силу этого, онъ могъ преслѣдовать ее болѣе долгое время, чѣмъ Джонъ Фоксъ. Ибо хотя Джонъ Фоксъ тоже былъ примитивенъ, но все же онъ былъ настолько сложенъ, что у него въ головѣ умѣщалось нѣсколько идей сразу, и потому онъ не могъ преслѣдовать одну изъ нихъ такъ упорно, какъ Снетишанъ.

Снетишанъ продолжалъ спокойно перебирать по очереди всѣхъ подходящихъ дѣвушекъ, но, какъ только онъ произносилъ ихъ имена, Джонъ Фоксъ объявлялъ ихъ неподходящими, находя противъ каждой изъ нихъ основательныя возраженія. Опять онъ собрался уходить и уже пошелъ по направле- нію къ форту. Снетишанъ смотрѣлъ, какъ онъ уходилъ, и не дѣлалъ никакихъ попытокъ остановить его, но, въ концѣ-концовъ, тотъ остановился самъ.

— Вотъ, поди же ты!—сказалъ агентъ.—Мы оба съ тобой забыли про Лить-Лить. А интересно, не подойдетъ ли мнѣ она?

Снетишанъ воздержался отъ отвѣта на этотъ вопросъ, и, хотя лицо его при этомъ было совершенно безстрастно, душа за этой безстрастной маской широко ослабилась. Это была несомнѣнная побѣда. Сдѣлай агентъ еще шагъ дальше, Снетишанъ долженъ бы былъ самъ упомянуть ему о Лить-Лить, но... агентъ не сдѣлалъ этого шага.

Вождь не сталъ пускаться въ оцѣнку качествъ Лить-Лить, пока не заставилъ бѣлаго человѣка сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

— Что жь, — размышлялъ агентъ вслухъ, — единственный способъ узнать это, это попробовать. — Онъ повысилъ голосъ. — Итакъ, я дамъ за Литъ-Литъ десять одѣялъ и три фунта табаку, хорошаго табаку.

Снетипанъ въ отвѣтъ сдѣлалъ жестъ, который, повидимому, долженъ былъ означать, что все одѣяла и весь табакъ въ мірѣ не могутъ вознаградить его за потерю Литъ-Литъ и ея безчисленныхъ цѣнныхъ качествъ. Когда же агентъ заставилъ его все же сказать его цѣну, то онъ спокойно заявилъ, что желаетъ получить пятьсотъ одѣялъ, десять ружей, пятьдесятъ фунтовъ табаку, двадцать красныхъ одеждъ, десять бутылокъ рому, музыкальный ящикъ, и, наконецъ, расположеніе и покровительство агента и мѣсто у его очага.

Агента, при этихъ словахъ, какъ будто поразилъ апоплексическій ударъ, въ результатѣ чего число одѣялъ было сведено къ двумъ стамъ и вождъ отказался отъ мѣста у костра, ибо это было неслыханное требованіе при бракахъ бѣлыхъ съ дочерьми сѣвера.

Въ концѣ-концовъ, послѣ трехчасового торга, они пришли къ соглашенію. За Литъ-Литъ Снетипанъ долженъ былъ получить сто одѣялъ, пять фунтовъ табаку, три ружья и бутылку рому, вмѣстѣ съ расположеніемъ и покровительствомъ, что, по мнѣнію Джона Фокса, было на десять одѣялъ и на одно ружье больше, чѣмъ она того стоила. Когда онъ пошелъ домой въ три часа утра, и восходящее солнце ярко сверкало на сѣверо-востокѣ, онъ

съ огорченіемъ долженъ былъ признаться, что Снетипанъ перехитрилъ и надулъ его.

Снетипанъ же, усталый и торжествующій, пошелъ спать и увидѣлъ Литъ-Литъ прежде, чѣмъ она успѣла убѣжать изъ юрты.

Онъ проворчалъ :

— Ты видѣла? ты слышала? Поэтому тебѣ должна быть ясна великая мудрость твоего отца и его прозорливость. Я устроилъ для тебя очень выгодный бракъ. Подумай надъ моими словами и слушайся ихъ : уходи, когда я прикажу тебѣ уйти, приходи, когда я прикажу тебѣ прійти, и мы станемъ тучны отъ богатства этого большого бѣлаго человѣка, который глупъ въ такой же мѣрѣ, какъ и великъ.

На слѣдующій день въ лавкѣ не торговали. Агентъ откупорилъ бутылку виски передъ завтракомъ, къ большому восторгу Макъ-Лина и Макъ-Тавиша, далъ двойную порцію корма своимъ собакамъ и надѣлъ свои лучшіе мокасины. Въ форта дѣлались приготовленія для *потлача*. Потлачъ замѣняетъ обрядъ бракосочетанія, и Джонъ Фоксъ намѣревался ознаменовать свой бракъ съ Литъ-Литъ потлачомъ настолько же щедрымъ, насколько она сама была хороша. Послѣ обѣда все племя собралось на пиръ. Мужчины, женщины, дѣти и собаки наѣлись по-горло, и не было никого, даже изъ случайныхъ гостей и забредшихъ сюда охотниковъ изъ другихъ племенъ, кто бы ни получилъ чего-нибудь въ знакъ памяти отъ щедрого жениха.

Лить-Лить, сконфуженная и испуганная до слезъ, получила въ даръ отъ своего бородатаго мужа новое ситцевое платье, великолѣпно расшитые бисеромъ мокассины, яркій шелковый платокъ на свои изсине-черные волосы, красный шарфъ на шею, мѣдныя серьги и кольца и цѣлую мѣру дешевыхъ драгоценностей, въ томъ числѣ и дешевые часы. Снетипанъ еле сдерживался при видѣ всего этого великолѣпія и, улучивъ минуту, отозвалъ ее въ сторону.

— Не въ эту ночь и не въ слѣдующую,—началъ онъ значительно,—но въ одну изъ слѣдующихъ ночей, когда я начну каркать какъ воронъ на берегу рѣки, это значитъ, что тебѣ нужно встать съ постели твоего большого мужа, который глупъ, и прійти ко мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтя ужасъ на ея лицѣ отъ мысли, что ей придется оставить новую, чудесную жизнь.

— Какъ только это случится, то сейчасъ же твой большой мужъ, который глупъ, придетъ плакать и жаловаться въ мою юрту. Тогда ты тоже начнешь плакать и жаловаться, что то нехорошо, другое нехорошо, что ты не любишь тѣхъ вещей, другихъ вещей, и что быть женою агента гораздо труднѣе, чѣмъ ты думала, и что ты будешь довольна только тогда, когда твоему бѣдному, старому отцу Снетипану дадутъ больше одѣяль и табаку и всякаго рода богатствъ. Такъ запомни хорошо, я позову тебя ночью, какъ воронъ съ берега рѣки.

Лить-Лить кивнула головой; ибо не повиноваться отцу было опасно, она знала это; и затѣмъ онъ ее просилъ о немногомъ—о короткой разлукѣ съ агентомъ, который будетъ еще больше радъ, когда получить ее обратно. Она возвратилась на пирь, и, такъ какъ полночь была близка, то агентъ взялъ ее за руку и повелъ въ фортъ среди шутокъ и криковъ, въ которыхъ особенно отличались женщины.

Лить-Лить скоро пришла къ убѣжденію, что замужняя жизнь съ начальникомъ въ фортѣ была гораздо лучше, чѣмъ она даже могла мечтать. Ей больше не нужно было носить дрова и воду и прислуживать брюзгливымъ гостямъ отца. Въ первый разъ въ жизни она могла иногда лежать въ постели, пока готовился завтракъ. И въ какой постели! чистой, и мягкой, и удобной, какой она еще никогда не знала. И какая пища! Мука, печеная въ видѣ бисквитовъ, горячіе блины и хлѣбъ три раза въ день, и это каждый день, и ѣшь все и сколько хочешь! Такой расточительности трудно было повѣрить!

Что еще дополняло ея счастье, такъ это то, что агентъ оказался очень добрымъ. Онъ похоронилъ одну жену и умѣлъ править, не натягивая бесполезно вожжей; онъ только иногда натягивалъ ихъ и тогда натягивалъ крѣпко.

— Лить-Лить—хозяйка здѣсь,—провозгласилъ онъ многозначительно на слѣдующее утро послѣ свадьбы.—Что она скажетъ, то и должно быть. Поняли?—И Макъ-Линъ и Макъ-Тавишъ поняли. Они также знали, что у агента тяжелая рука.

Но Литъ-Литъ не пользовалась своею властью. Узнавъ желанія своего мужа, она тотчасъ же взяла на себя заботу о двухъ его подросткахъ сыновьяхъ, окруживъ ихъ ласками и материнскими заботами, и предоставивъ имъ такую же свободу, какую мужъ предоставилъ ей. Сыновья не могли нахвалиться своей новой матерью; Макъ-Линъ и Макъ-Тавишъ тоже отъ души присоединились къ этимъ похваламъ, и агентъ такъ хвалился радостями брачной жизни, что скоро о хорошемъ поведении Литъ-Литъ и о томъ, какъ доволенъ ею ея мужъ, стали говорить всѣ жители Синъ-Рокскаго участка.

Поэтому Снетипанъ, которому не давали спать по ночамъ мечты о безчисленныхъ прибыляхъ, рѣшилъ, что ему пора дѣйствовать. На десятую ночь своей брачной жизни Литъ-Литъ проснулась отъ вороньяго карканья, и тотчасъ же поняла, что Снетипанъ ждетъ ее на берегу рѣки. Въ своемъ счастья она совершенно забыла о данномъ ею согласіи, и теперь, когда она вспомнила о немъ, старый страхъ передъ отцомъ овладѣлъ ею. Нѣкоторое время она лежала, не имѣя никакого желанія итти и боясь послушаться отца. Но въ концѣ-концовъ агентъ безсознательно одержалъ побѣду, и его доброта, вкупѣ съ его сильными мускулами и могучей, энергичной челюстью, вдохнули въ нее мужество не отвѣчать на призывъ Снетипана.

Но утромъ она встала въ большомъ страхѣ и начала исполнять свои ежедневныя обязанности, ожидая каждую минуту появленія своего отца. Но по мѣрѣ того, какъ день проходилъ, она набира-

лась храбрости. Джонъ Фоксъ, громко браня Макъ-Лина и Макъ-Тавиша за кое-какія погрѣшности въ работѣ, придавалъ ей все больше мужества. Она не спускала съ него глазъ, и, когда пошла за нимъ въ огромный амбаръ и увидѣла, что онъ перебра-сываетъ огромные тюки, какъ пуховыя подушки, то она укрѣпилась въ непослушаніи своему отцу. Она впервые была въ складѣ (а Синъ-Рокъ былъ главнымъ пунктомъ, откуда посылались припасы на меньшіе посты), и была поражена безконечными богатствами, которыя были тамъ сложены.

Это зрѣлище, въ сравненіи съ вызванной въ ея воображеніи картиной пустого жилища Снетишана, положило конецъ всеѣмъ ея колебаніямъ. Все же она спросила одного изъ своихъ пасынковъ: «Бѣлый папа добрый?» и мальчикъ отвѣтилъ, что его отецъ—самый лучшій человѣкъ въ мірѣ.

Въ эту ночь воронъ снова каркалъ. На слѣдующую ночь карканье было еще настойчивѣе. Оно разбудило агента, и онъ нѣкоторое время безпокойно ворочался съ боку на бокъ. Затѣмъ онъ сказалъ громко «чортъ бы взялъ этого ворона», а Лить-Лить потихоньку засмѣялась подъ одѣялами.

Раннимъ, свѣтлымъ утромъ Снетишанъ явился на постъ; онъ былъ грозный и угрюмый. Его тотчасъ же отправили на кухню пить кофе съ Ванидани. Но онъ отказался отъ «женской пици» и, спустя нѣкоторое время, явился къ своему зятю въ лавку, гдѣ въ это время шла торговля. Узнавъ, объяснилъ онъ, что его дочь оказалась такой жемчужиной, онъ явился за полученіемъ добавочнаго количества одѣялъ, табаку и ружей, особенно ружей. Его,

конечно, надули на цѣнѣ его дочери и онъ пришелъ искать справедливости. Но у агента не оказалось ни лишнихъ одѣяль, ни справедливости. Кромѣ того Снетишанъ сообщилъ ему, что онъ былъ у миссіонера на Трехъ Рѣкахъ, и тотъ ему сказалъ, что подобные браки не одобряются Небомъ и что его отцовская обязанность—потребовать свою дочь обратно.

— Я теперь—хорошій христіанинъ,—заклучилъ Снетишанъ,—и я хочу, чтобы моя Литъ-Литъ пошла на небо.

Отвѣтъ агента былъ кратокъ и точенъ; онъ послалъ своего тестя къ антиподамъ небесъ, и, схвативъ его за шиворотъ, самъ подтолкнулъ его по этому пути.

Но Снетишанъ обѣжалъ вокругъ дома, черезъ кухню пробрался въ комнаты и поймалъ Литъ-Литъ въ одной изъ нихъ.

— Ты, можетъ быть, слишкомъ крѣпко спала въ послѣднюю ночь, когда я звалъ тебя на берегъ—началъ онъ гнѣвно.

— Нѣтъ, я проснулась и слышала.—Ея сердце такъ билось, точно хотѣло выпрыгнуть, но она все же продолжала:

— И ночь передъ тѣмъ я проснулась и слышала, и еще ночью раньше тоже.

И затѣмъ, вслѣдствіе своего большого счастья и изъ боязни, что его у нея отнимутъ, она произнесла оригинальную и блестящую рѣчь въ защиту правъ женщины,—первую рѣчь о правахъ женщины, сказанную у сѣвернаго полярнаго круга.

Но рѣчь эта попала въ неподготовленные уши. Снетипанъ находился еще въ періодѣ допотопнаго мрака. Когда она остановилась на минутку, чтобы перевести духъ, онъ сказалъ ей угрожающе:

— Сегодня я опять позову тебя голосомъ ворона.

Но въ этотъ моментъ агентъ вошелъ въ комнату и снова помогъ Снетипану отправиться къ антиподамъ небесъ.

Въ ту ночь воронъ каркалъ еще настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно. Литъ-Литъ, спавшая очень чутко, услышала и улыбнулась. Джонъ Фоксъ спокойно метался по постели. Затѣмъ онъ проснулся и сталъ ворочаться еще безпокойнѣе. Онъ ворчалъ и сопѣлъ, и ругался, и, наконецъ, соскочилъ съ постели. Онъ пробрался въ гостиную, и снялъ съ крючка ружье, заряженное дробью и оставленное тамъ безпечнымъ Магъ-Тавишемъ.

Затѣмъ онъ осторожно вышелъ изъ форта и направился къ рѣкѣ. Карканье прекратилось, но онъ прилегъ на землю въ высокую траву и сталъ ждать.

Воздухъ былъ пріятенъ, какъ живительный бальзамъ, и земля, нагрѣвшись за день, ласково дышала тепломъ. Агентъ, съ наслажденіемъ вдыхая это тепло, задремалъ, положивъ голову на руки, а потомъ крѣпко заснулъ.

Въ пятидесяти ярдахъ отъ него, положивъ голову на колѣни, спиною къ Джону Фоксу, спалъ Снетипанъ, нѣжно убаюканный тишиною ночи. Часъ спустя, онъ проснулся и, не поднимая головы, огласилъ ночь хриплыми, вибрирующими гортанными звуками вороньяго крика.

Агентъ проснулся, но не съ внезапнымъ испугомъ цивилизованнаго человѣка, а быстро перейдя отъ сна къ полной сознательности, какъ просыпается дикарь. При свѣтѣ звѣздъ онъ замѣтилъ какой-то темный предметъ среди травы и прицѣлился въ него. Когда вторично раздалось карканье, онъ спустилъ курокъ. Сверчки прекратили свою трескотню, дикія птицы тоже замолчали, а карканье ворона оборвалось посрединѣ, и наступила мертвая тишина.

Джонъ Фоксъ подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ видѣлъ темный предметъ, и протянулъ руку, чтобы схватить то, что онъ убилъ, но его пальцы попали на жесткую массу волосъ; онъ повернулъ лицо Снетипшана къ звѣздному свѣту. Онъ зналъ, какъ разсыпается дробь въ пятидесяти ярдахъ, и зналъ, что онъ основательно поперчилъ Снетипшану плечи и спину. И Снетипшанъ зналъ, что онъ знаетъ это, но никто изъ нихъ не упомянулъ объ этомъ ни единымъ словомъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ агентъ.— Твоимъ старымъ костямъ время быть въ постели.

Но Снетипшанъ торжественно отвѣтилъ, несмотря на зарядъ дроби, горѣвшей у него подъ кожей:

— Старыя кости не могутъ спать. Я плачу о моей дочери Литъ-Литъ, которая еще жива, но въ то же время умерла, и которая пойдетъ, безъ сомнѣнія, въ адъ бѣлаго человѣка.

— Плачь на дальнемъ берегу, внѣ выстрѣла изъ форта,—сказалъ Джонъ Фоксъ, поворачиваясь на каблукахъ,—ибо звуки твоего плача черезчуръ громки и мѣшаютъ всѣмъ спать.

— Мое сердце болитъ, — отвѣтилъ Снетишанъ,
— и мои дни и ночи черны отъ печали.

— Черны, какъ воронъ, — сказалъ Джонъ Фоксъ.

— Черны, какъ воронъ, — сказалъ Снетишанъ.

Никогда больше не было слышно крика воро-
на на берегу рѣки. Лить-Лить съ каждымъ днемъ
становится все солиднѣе и солиднѣе, и очень сча-
стлива. Уже появились сестры у сыновей Джона
Фокса отъ первой жены, которая похоронена на
деревѣ. Старый Снетишанъ больше не появляется
въ фортѣ и проводитъ долгіе часы въ томъ, что
своимъ тонкимъ старческимъ голосомъ говоритъ о
неблагодарности дѣтей вообще, и его дочери Лить-
Лить въ частности. Его преклонные годы омрачены
сознаніемъ, что его надули, и даже Джонъ Фоксъ
взялъ назадъ свое утвержденіе, что цѣна, уплачен-
ная имъ за Лить-Лить, была слишкомъ велика —
на десять одѣялъ и на одно ружье больше на-
стоящей.

ЗАКОНЪ СЪВЕРА.

ЗАКОНЪ СЪВЕРА.

Ситкинской Чарли достигъ невозможнаго. Можетъ быть нѣкоторые индѣйцы и постигли мудрый законъ съвера не хуже него, но онъ одинъ усвоилъ, кромѣ того, также мудрость бѣлаго человека, его чувство чести и его законъ. Но, конечно, все это пришло не сразу. Мозгъ туземца плохо приспособленъ къ обобщеніямъ, и для усвоенія известной истины ему нужно много фактовъ и частое ихъ повтореніе.

Ситкинской Чарли съ самаго дѣтства жилъ въ обществѣ бѣлыхъ людей и затѣмъ самъ, по собственному желанію, рѣшилъ связать свою судьбу съ ними и сознательно и безповоротно уйти отъ своего родного народа. Но при этомъ, хотя онъ уже уважалъ и чуть ли не боготворилъ ихъ власть и силу и безпрестанно размышлялъ о ней, все же онъ еще не понималъ тайную сущность ея—чувство чести и закона. И только послѣ многолѣтняго опыта онъ, наконецъ, понялъ это. Какъ человекъ чуждой расы, онъ, понявъ какую-нибудь вещь, понималъ ее лучше, чѣмъ сами бѣлые; какъ индѣецъ же, онъ достигъ невозможнаго.

Все это породило въ немъ известнаго рода презрѣніе къ своимъ соплеменникамъ. Обыкновенно онъ старался скрывать его, но бывало, что иногда

оно прорывалось наружу—вотъ, на примѣръ, теперь оно прорвалось въ видѣ потока разноязычной брани по адресу Ка-Чукти и Говхи. Они извивались подъ этимъ потокомъ брани, какъ два оскалившихся волкодава, которые слишкомъ подлы, чтобы напасть, и слишкомъ волкоподобны, чтобы совсѣмъ не показывать клыковъ.

Они были далеко не красивы; то же надо сказать и о Ситкинскомъ Чарли. Собственно говоря, всѣ трое были чрезвычайно безобразны и страшны. На лицахъ у нихъ вовсе не оставалось мяса; скулы были покрыты отвратительными струпьями, которые послѣдовательно покрывались трещинами и замерзали отъ чрезмѣрнаго мороза. Глаза же горѣли тѣмъ мрачнымъ огнемъ, который вызывается отчаяніемъ и голодомъ. Людямъ въ такомъ положеніи, да еще стоящимъ по ту сторону чести и закона, лучше не довѣрять. И Ситкинскій Чарли зналъ это—вотъ почему онъ заставилъ ихъ бросить свои винтовки, когда партія бросила на дорогѣ всю поклажу, дней десять тому назадъ. При партіи оставались только двѣ винтовки—его да капитана Эпингуэля.

— Ну, а теперь соберите дровъ для костра,—приказалъ онъ, доставая драгоцѣнную коробку спичекъ и кусочки сухой березовой коры.

Оба индѣйца, затаивъ злобу, принялись собирать сухой хворостъ и валежникъ. Они такъ ослабѣли, что имъ то-и-дѣло приходилось останавливаться и переводить духъ; когда они наклонялись, чтобы поднять сухую вѣтку, они качались, спотыкались, чуть не падали и колѣни ихъ тряслись,

какъ кастаньеты. Каждый разъ, передъ тѣмъ какъ пойти за новой охабкой, они принуждены были отдыхать, почти падая не то отъ смертельной болѣзни, не то отъ изнеможенія. По временамъ въ глазахъ ихъ виднѣлся только покорный стоицизмъ тупого страданія, но иногда видно было, что мощное «я», господствующая нота всего живущаго и чувствующаго міра, собирается въ нихъ прорваться наружу и крикнуть свой грозный кличъ—«я!»

Съ юга повѣялъ слабый вѣтерокъ, куснувъ открытыя части ихъ лицъ и пронизавъ ихъ тѣло черезъ мѣха до самыхъ костей горячими иглами мороза. Поэтому, когда костеръ разгорѣлся и вокругъ него образовался мокрый, талый кругъ, Ситкинскій Чарли заставилъ ихъ, несмотря на ихъ сопротивленіе, помочь ему устроить навѣсъ. Они протянули одѣяло недалеко отъ костра, перпендикулярно къ направленію вѣтра и съ наклономъ подъ угломъ приблизительно въ сорокъ пять градусовъ. Этотъ навѣсъ долженъ былъ съ одной стороны зацѣпить сидящихъ подъ нимъ отъ вѣтра, и, кромѣ того, отбрасывая назадъ тепловые лучи костра, давать имъ возможность грѣться не только спереди, но и сзади. Затѣмъ настлали слой еловыхъ вѣтокъ, чтобы не сидѣть на голомъ снѣгу.

Кончивъ эту работу, Ка-Чукти и Говхи занялись своими ногами. Ихъ оледенѣлыя мокасины совсѣмъ износились отъ хожденія и изорвались въ клочки объ острья льдины рѣвки, по которой приходилось итти. Ихъ индѣйскіе чулки были не въ лучшемъ состояніи, и, когда они оттаяли и были сняты, то пальцы ногъ оказались совершенно побѣ-

лѣвшими, а иные уже давно совершенно омертвѣли.

Оставивъ ихъ сушить свою обувь, Ситкинскій Чарли пошелъ обратно по своимъ собственнымъ слѣдамъ. Ему тоже смертельно хотѣлось усѣться у огня и заняться своими усталыми членами, но ему это запрещали честь и законъ. Онъ съ трудомъ подвигался впередъ по оледенѣлой поверхности рѣки, при чемъ каждый шагъ вызывалъ страданіе, каждый мускулъ его тѣла нылъ и болѣлъ. Нѣсколько разъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ свѣжихъ трещинахъ льда не успѣла еще образоваться достаточно прочная кора, ему приходилось прибавлять шагу или быстро отскакивать въ сторону, чтобы не провалиться. Въ этихъ мѣстахъ смерть могла быть и легка и быстра... но у него вовсе не было желанія прекратить свои страданія такимъ образомъ.

Онъ, было, не на шутку встревожился, когда впереди, изъ-за поворота рѣки, показались два индѣйца. Они такъ качались и такъ тяжело дышали, какъ-будто несли нивѣсть какую тяжесть; между тѣмъ, поклажа, которую каждый изъ нихъ несъ на спинѣ, вѣсила всего нѣсколько фунтовъ. Онъ съ тревогою спросилъ у нихъ о чемъ-то, но ихъ отвѣтъ, видимо, успокоилъ его и онъ поспѣшно пошелъ дальше.

Вскорѣ онъ увидѣлъ двухъ бѣлыхъ людей, поддерживавшихъ съ двухъ сторонъ женщину. Они тоже качались, какъ пьяные, и ноги ихъ и руки дрожали отъ слабости. Но женщина только слегка опиралась на нихъ и старалась подвигаться впередъ сама, собственными силами. Глаза Ситкин-

скаго Чарли засверкали отъ радости при видѣ ея.

Къ миссисъ Эппингуэль онъ относился съ безграничнымъ уваженіемъ. Онъ видѣлъ много бѣлыхъ женщинъ, но ему теперь впервые пришлось путешествовать съ одною изъ нихъ. Когда капитанъ Эппингуэль предложилъ ему принять участіе въ этомъ трудномъ предпріятіи и предложилъ ему большое вознагражденіе, то онъ задумчиво покачалъ головою; въ самомъ дѣлѣ, предстояло итти по совершенно неизвѣданнымъ областямъ сѣвера и онъ зналъ, какія ужасныя испытанія предстоятъ перенести въ пути. Но когда ему сказали, что съ ними пойдетъ и жена капитана, то онъ безусловно отказался имѣть какое бы то ни было отношеніе къ этому дѣлу. Если бы это была женщина его собственной расы, то онъ не сталъ бы протестовать; но женщина съ юга... нѣтъ, нѣтъ; онъ слишкомъ мягки и слишкомъ нѣжны для такого рода предпріятій.

Ситкинскій Чарли не зналъ еще женщинъ этого сорта. За пять минутъ до встрѣчи съ нею онъ и не думалъ стать во главѣ этой экспедиціи. Но когда она сама пришла къ нему со своею чудною улыбкою и со своимъ выразительнымъ и чистымъ англійскимъ языкомъ, и стала говорить о дѣлѣ— не просить, не убѣждать, а говорить о дѣлѣ, то онъ тотчасъ же уступилъ. Если бы онъ замѣтилъ въ ея глазахъ выраженіе мягкости или мольбы, если бы въ ея голосѣ была дрожь, если бы было желаніе эксплуатировать свое положеніе женщины, то онъ остался бы непреклоннымъ какъ сталь. Но ея ясные, проницательные глаза, ея чистый правдивый го-

лось, ея полная откровенность и молчаливое признаніе равенства съ нимъ совершенно смутили его. Онъ тогда почувствовалъ, что это — женщина совершенно особой породы; и, въ первые же дни совмѣстнаго съ нею пути, понялъ, почему сыны такихъ женщинъ завладѣли моремъ и землею и почему дѣти женщинъ его собственнаго племени не въ состояніи бороться съ ними.

Слабая!.. Нѣжная!.. Онъ слѣдилъ за нею изо дня въ день, видѣлъ, что у ней нокоть всѣ мускулы, что она истомлена до послѣдней степени, но не поддается усталости. Слабая!.. Нѣжная!.. Онъ зналъ, что ноги ея созданы для легкой дороги солнечныхъ странъ, что онѣ не привыкли къ мокасинамъ и трудностямъ сѣвера, что ихъ еще никогда не лобзали холодныя уста мороза, и съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ онѣ мѣрно и безостановочно шагали въ продолженіе всего мучительнаго дня.

У нея всегда была наготовѣ улыбка, слово ободренія для каждаго, даже для самаго незначительнаго погонщика собакъ. По мѣрѣ того, какъ день становился короче, она будто становилась тверже, набиралась откуда-то силъ, а когда Ка-Чукти и Говхи, хваставшіе, что они знаютъ дорогу, какъ ребенокъ знаетъ каждый уголокъ своей юрты, въ одинъ прекрасный день сознались, что они не знаютъ, гдѣ находятся, то только ея голосъ раздался въ защиту ихъ, когда мужчины ихъ осыпали ругательствами.

Въ тотъ вечеръ она пѣла имъ пѣсни, и подь вліяніемъ этихъ пѣсенъ всѣ почувствовали, что

усталость покидаетъ ихъ и они готовы глядѣть впередъ съ обновленною надеждою. А когда провизія была уже на исходѣ и приходилось беречь каждую крошку, она возмутилась противъ хитростей мужа и Ситкинскаго Чарли и потребовала, чтобы ей отпускалась порція не меньшая, но и не большая, чѣмъ всѣмъ прочимъ.

Ситкинскій Чарли гордился тѣмъ, что ему пришлось узнать такую женщину. Въ его жизни, съ ея появленіемъ, точно что-то выросло и расширилось, точно явился какой-то новый смыслъ и содержание. До сихъ поръ онъ былъ единственнымъ своимъ воспитателемъ, и ничего не дѣлалъ по чужой указкѣ; онъ выработалъ себя по собственному вкусу, считаясь исключительно со своими собственными мнѣніями. И теперь онъ впервые почувствовалъ желаніе проявить лучшія стороны самого себя, и не для себя, а для другого человѣка. Достаточно было взгляда ея ясныхъ глазъ, слова благодарности, сказаннаго ея мелодичнымъ голосомъ, едва замѣтной улыбки для того, чтобы онъ долго послѣ этого чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ отъ восторга. Это былъ лишній стимулъ для его мужества. Онъ впервые почувствовалъ гордую радость за познанную имъ мудрость сѣвера и они вдвоемъ, онъ и она, во все время пути поддерживали ослабѣвшій духъ остальныхъ своихъ товарищей.

Лица женщины и ея спутниковъ прояснились, какъ только они завидѣли его, потому что, въ концѣ-концовъ, онъ былъ ихъ единственной опорой. Но Ситкинскій Чарли, не измѣняя своей обычной суровости, скрывая, по обыкновенію, и радость и

страданія подь стальной маской суровости, спросилъ у нихъ про остальныхъ товарищей, сказалъ имъ, какъ далеко осталось идти до костра и затѣмъ продолжалъ свой путь дальше.

Вскорѣ ему встрѣтился одинокій индѣецъ; несчастный шелъ безъ всякой поклажи; онъ сильно хромалъ, но крѣпко сжималъ губы, и только въ потухавшихъ глазахъ его свѣтилось глубокое страданіе: одна нога у него совсѣмъ была плоха—на ней появилась гангрена. За нимъ ухаживали, дѣлали все, что было возможно, но всѣ знали, что при данныхъ обстоятельствахъ несчастному не выжить; Ситкинской Чарли зналъ, что ему осталось прожить еще только нѣсколько дней, и, проходя мимо него, грубовато бросилъ ему нѣсколько словъ ободренія.

Послѣ него онъ встрѣтилъ еще двухъ индѣйцевъ, которымъ онъ поручилъ поддерживать Джо—третьяго бѣлаго члена экспедиціи. Но они бросили его на дорогѣ. По тому, какъ они сжались, готовясь къ защитѣ, Ситкинской Чарли тотчасъ же понялъ, что они, наконецъ, вышли изъ повиновенія. Онъ приготовился, чтобы они не застигли его врасплохъ, и дѣйствительно, какъ только онъ приказалъ имъ повернуть обратно и привести брошеннаго ими товарища, въ ихъ рукахъ заблестѣли ножи. Какое жалкое зрѣлище: три несчастныхъ существа, напрягающія послѣднія силы въ борьбѣ другъ съ другомъ, когда въ лицо имъ глядитъ могучая, безбрежная пустыня! Но двое смирились подь безжалостными ударами ружейнаго приклада третьяго и поплелись назадъ, съ покорностью побитыхъ со-

бакъ. Два часа спустя, они подошли, наконецъ, къ костру, вокругъ котораго жались остальные спутники; они волокли съ собою Джо, а Ситкинскій Чарли замыкалъ шествіе.

— Я вамъ долженъ сказать два слова, товарищи, прежде чѣмъ мы ляжемъ спать,—сказалъ Ситкинскій Чарли послѣ того, какъ они жадно проглотили свою скудную порцію, состоявшую изъ прѣсныхъ лепешекъ. Онъ теперь обращался къ индѣйцамъ на ихъ родномъ языкѣ, бѣлымъ же онъ предварительно сообщилъ, въ чемъ дѣло.—Два слова для вашей же пользы, чтобы вы могли спасти свою жизнь. Я дамъ вамъ законъ и да падетъ смерть на голову того, кто нарушитъ его. Мы прошли Горы Безмолвія и находимся теперь у истоковъ Стюартъ-Ривера. Можетъ быть, еще одинъ сонъ, можетъ быть, нѣсколько, а, можетъ быть, и много сновъ, и мы придемъ къ людямъ Юкона, у которыхъ есть много провизіи. Но мы должны смотрѣть на законы. Сегодня Ка-Чукти и Говхи, которымъ я велѣлъ прокладывать дорогу, забыли, что они мужчины, и убѣждали, какъ испуганныя дѣти. Правда, они позабыли про это, такъ и мы позабудемъ. Но впредь пусть они помнятъ и не забываютъ. Если же они еще разъ забудутъ...—онъ мрачно взялся за свою винтовку.—Завтра они понесутъ муку и должны смотрѣть, чтобы бѣлый Джо не лежалъ на снѣгу. Я мѣрилъ и знаю, сколько чашекъ муки осталось; если къ вечеру не будетъ хватать хотя бы одной унціи муки, то... вы меня понимаете? Сегодня не они одни позабыли. Оленья Голова и Три Лосося оставили бѣлаго Джо лежать на снѣгу. Пусть они

больше никогда не забываютъ. Съ разсвѣтомъ они должны пойти впередъ и протаптывать дорогу. Вы слышали законъ. Смотрите на него всегда и берегитесь нарушать его!

При всемъ стараніи Ситкинскій Чарли не могъ добиться того, чтобы караванъ не растягивался. Отъ Оленьей Головы и Трехъ Лососей, прокладывавшихъ впереди дорогу, до Ка-Чукти и Говхи, которые вмѣстѣ съ Джо замыкали шествіе, было больше мили. Каждый изъ путниковъ тащился впередъ, падалъ и отдыхалъ, какъ и когда хотѣлъ. Переходъ состоялъ изъ ряда многочисленныхъ и неправильныхъ остановокъ. Каждый напрягалъ послѣднія силы и, едва держась на ногахъ, подвигался впередъ, пока хватало силъ, потомъ падалъ и отдыхалъ; но какимъ-то непостижимымъ образомъ каждый разъ находился новый запасъ силъ. Падая, люди каждый разъ были увѣрены въ томъ, что упали, чтобы больше не подняться... но потомъ снова поднималась... и снова... плоть уступала, но воля не сдавалась; но каждое новое торжество воли было трагедіей плоти...

Индѣецъ съ отмороженной ногой уже не могъ больше держаться въ вертикальномъ положеніи и ползъ впередъ на четверенькахъ. Онъ рѣдко рѣшался останавливаться отдыхать, потому что зналъ, какую плату беретъ за это морозъ.

Даже на губахъ миссисъ Эппингуэль застыла безжизненная улыбка и передъ ея глазами какъ-будто сгущался туманъ. Она то-и-дѣло останавливалась и прижимала къ сердцу руку, скрытую въ рукавицѣ; она задыхалась, въ ушахъ у нея шумѣло, въ глазахъ все кружилось...

Бѣлый Джо уже перешелъ по ту сторону страданія. Онъ уже не просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ, не молился о смерти; онъ совсѣмъ успокоился и только бредилъ. Ка-Чукти и Говхи грубо волокли его, глядя на него со злобою, и по временамъ награждали его ударами своихъ кулаковъ. По ихъ мнѣнію, съ ними поступали въ высшей степени несправедливо. Сердца ихъ были полны желчи и злобы, но также и страха. Почему они должны обременять себя и тратить свои послѣднія силы на это слабое, безжизненное тѣло? Для нихъ это вѣдь равносильно смертному приговору. Но... не покориться... они помнили законъ Ситкинскаго Чарли и его винтовку.

Къ концу дня Джо сталъ валиться съ ногъ все чаще и чаще и поднимать его стало такъ трудно, что они все болѣе отставали отъ каравана. Индѣйцы до того ослабѣли, что, случилось, всѣ трое валились въ снѣгъ. А въ то же время они несли на своихъ спинахъ жизнь, и силу, и тепло... Въ мѣшкахъ была мука—потенціальная жизнь. Развѣ могли они не подумать объ этомъ? И то, что потомъ случилось, было почти неизбежно.

Они какъ-то упали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ валялось нѣсколько старыхъ павшихъ деревьевъ; валежнику было на тысячи костровъ, и онъ, казалось, просился на огонь. Тутъ же была трещина во льду, въ которой виднѣлась вода. Ка-Чукти посмотрѣлъ на валежникъ и на воду и Говхи посмотрѣлъ на валежникъ и на воду; потомъ оба посмотрѣли другъ на друга. Никто изъ нихъ не проронилъ ни одного слова.

Говхи зажегъ огонь; Ка-Чукти наполнилъ водою кружку и разогрѣлъ ее на огнѣ; Джо бредилъ о чужой странѣ на непонятномъ для нихъ языкѣ. Они намѣшали въ кипятокъ муки, и получилась густая жижа и этой жижи они поглотили много кружекъ. Они ничего не предложили Джо, но ему было все равно. Ему, вообще, все было безразлично, даже то, что его мокассыны дымились и горѣли на угольяхъ.

На нихъ сталъ падать мелкій кристаллическій снѣгъ, мягко лаская ихъ и покрывая блестящимъ бѣлымъ палетомъ. И ноги ихъ, навѣрное, еще долго ходили бы по снѣговымъ равнинамъ, если бы злой рокъ не прогналъ снѣгового тумана и не прояснилъ неба. Еще десять минутъ, и они были бы спасены... Ситкинскій Чарли оглянулся, увидѣлъ дымъ костра и догадался... Онъ посмотрѣлъ впередъ на тѣхъ, которые оставались вѣрными закону, и на миссисъ Эппингуэль...

— Итакъ, товарищи, вы опять забыли, что вы мужчины? Хорошо же. Очень хорошо. Останется у насъ меньше ртовъ.

Съ этими словами Ситкинскій Чарли увязалъ ихъ мѣшочки и привязалъ ихъ къ тому, который болтался у него за плечами. Затѣмъ онъ сталъ бить ногами Джо, пока боль не заставила того немного очнуться и подняться на ноги. Тогда Чарли направилъ его по тропинкѣ и заставилъ идти. Индѣйцы попытались, было, бѣжать.

— Стой, Говхи! Стой, Ка-Чукти! Развѣ мука придала вашимъ ногамъ столько силы, что онѣ побѣгутъ быстрѣе быстрокрылой пули? Не думайте, что

вы можете ускользнуть отъ закона. Будьте въ послѣдній разъ мужчинами и радуйтесь, что умираете съ полными желудками. Ступайте сюда, становитесь рядомъ, спиною къ лѣсу. Ну!

Индѣйцы повиновались, спокойно, безстрашно, ибо человекъ долженъ думать больше всего о будущемъ, а не о настоящемъ.

— Говхи, у тебя среди Чиппевянь есть жена и дѣти и оленья юрта. Скажи свою волю о нихъ.

— Дай ей всѣ вещи, которыя мои по слову капитана: одѣяла, стеклярусъ, табакъ, коробка, которая дѣлаетъ звуки, какъ бѣлые люди. Скажи ей, что я умеръ въ дорогѣ, но не скажи какъ.

— А ты, Ка-Чукти, у тебя нѣтъ жены и дѣтей?

— У меня есть сестра, жена управляющаго на промыслѣ въ Кошимѣ. Онъ бьетъ ее и она несчастлива. Дай ей всѣ вещи, которыя мои по контракту, и скажи ей, что хорошо ей итти обратно въ нашъ народъ. Если ты увидишь ея мужа и у тебя будетъ охота, хорошо убить его. Онъ бьетъ ее и она боится.

— Вы согласны, что справедливо, чтобы вы умерли по закону?

— Согласны.

— Ну, такъ прощайте, товарищи. Желаю вамъ, еще до наступленія вечера, сидѣть въ теплыхъ юртахъ, у полныхъ котловъ.

Съ этими словами онъ поднялъ винтовку, приложился и многочисленные перекаты эхо пронизали безмолвіе. Но не успѣли они замереть, какъ въ отдаленіи послышались новые выстрѣлы. Ситкинскій Чарли вздрогнулъ. Выстрѣловъ было нѣ-

сколько, между тѣмъ какъ въ партіи было еще только одно ружье.

Онъ скользнулъ быстрымъ взглядомъ по спокойно лежащимъ трупамъ, усмѣхнулся мудрости закона крайняго сѣвера и поспѣшилъ навстрѣчу людямъ съ Юкона.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles

This book is DUE on the last date stamped below.

MAY 11 1961

PS London-
3523 Zakor. zhizni
L84chR

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

A 000 960 947 0

MAY 12 1954

PS
3523
L84chR

